

№ 2

2020

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ГОД ПАМЯТИ И СЛАВЫ

ISSN 2412-9798

9 772412 979007

ПОБЕДА!
1945–2020

16+

№ 2
(22)

16+

●
2020

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 30.06.2020
Размещен в сети Интернет: 30.06.2020

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

ответственный секретарь редакции, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы	доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
БУЕВА Людмила Пантелеевна	действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, Москва, Российская Федерация
ВЛАДИМИРСКИ Ирена	PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ДЖИВЕНСКА Малгожата Цецилия	Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», Вроцлав, Республика Польша
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация
КУМАР Капил	профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, Нью-Дели, Республика Индия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
МАКГАЛА Кристиан Джон	Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
НИСТОТСКАЯ Марина Сергеевна	Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша
ПАТИНЬО Хуан Карлос	доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, Москва, Российская Федерация
ПРАБХАКАРА Джантхьяло Рао	профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация
РЫБАК Кирилл Евгеньевич	доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация
САЛАМЗАДЕ Эртегин	доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна	доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
ЧЕЛЬШЕВ Евгений Петрович	действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, Москва, Российская Федерация
ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна	доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Российская Федерация

VOL.2

(22)

2020

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 30 June 2020
Published online on 30 June 2020

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Deputy

Editor-in-Chief:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V.

BONDAR

Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Olga I.

BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.

GUTSALOV

Executive Editor, Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A.

KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E.

NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi
ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh.
AKAEV

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Aleksandra O.
ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lyudmila P.
BUEVA

Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy P.
CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order "For Merit to the Fatherland" 3rd and 4th Classes, Moscow, Russian Federation

Shakhrudin A.
GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Cecylia Malgorzata
DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Vadim P.
DEMIN

Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Irina G.
KHANGELDIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A.
KUDRYAVTSEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation

Kapil
KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Delhi, Republic of India

Irina V.
KUPTSOVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Christian John
MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Vladimir M.	PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Anna I.	SHCHERBAKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«ГОД ПАМЯТИ И СЛАВЫ»
(РЕДАКТОР В. Е. НАУМЕНКО)

ГОД ПАМЯТИ И СЛАВЫ	13
<i>Н. Ф. Бугай</i> Единство, скрепленное доблестью: участие представителей этнических меньшинств в сражениях за Кубань и Крым (1941-1943)	13
<i>Е. В. Дьякова</i> Современная украинская историография Второй мировой войны: проблемы, подходы, тенденции	24
<i>И. В. Киселев</i> Трудности освобождения: бои за город Краснодар в начале 1943 года	31
<i>Е. Ф. Кринко, Е. А. Захарина</i> «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России	45
БИОГРАФИКА	57
<i>С. С. Самандаров</i> Перед лицом эпохи: судьба и научное мировоззрение Балабек Джаббар оглу Гасанбекова	57
<i>Л. Г. Шебырова</i> Российский период в жизни и деятельности Сергея Ивановича Метальникова	63
<i>Д. А. Решмет</i> Забытый ученик неизвестного учителя: жизнь и творчество кубанского художника-графика Александра Романовича Мазина	73

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	85
<i>А. В. Субботин</i> Определение границ памятника и разведочные шурфы на городище Красный Восток в бассейне реки Кума	85
<i>М. Б. Гуров</i> «Краткое обозрение» А.Г. Глаголева – первый свод памятников истории и культуры России (по материалам изданий Министерства внутренних дел 30-х–40-х годов XIX века)	93
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	106
<i>Х. А. Зейналов</i> Азербайджанская тема в творчестве Федора Модорова: искусствоведческий анализ	106
<i>И. В. Клюева</i> Балерина Софья Федорова 2-я в русской скульптуре Серебряного века (С.Д. Эрзя, М.Д. Рындзюнская, Н.Я. Данько)	117
MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	131
<i>О. В. Ченцова</i> Эффективность кооперации музея и вуза в контексте культурно-образовательного процесса	131
<i>В. А. Саркисов</i> Региональный художественный музей как субъект социальной коммуникации	140

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
THE YEAR OF MEMORY AND GLORY
(EDITED BY VLADIMIR E. NAUMENKO)

THE YEAR OF MEMORY AND GLORY	13
<i>Nikolai F. Bugay</i> A Valor-Bonded Unity: Participation of Ethnic Minorities' Representatives in the Battles for Kuban and Crimea (1941–1943)	13
<i>Helena V. Dyakova</i> Modern Ukrainian Historiography of World War II: Problems, Approaches, Trends	24
<i>Ilya V. Kiselev</i> Difficulties of Liberation: Battles for Krasnodar in Early 1943	31
<i>Evgeny F. Krinko, Ekaterina A. Zakharina</i> Ostarbeiters: The Dynamics of Perceptions and Images in the USSR and Modern Russia	45
BIOGRAPHICS	57
<i>Seyfaddin S. Samandarov</i> In the Face of the Era: The Fate and Scientific Worldview of Balabek Jabbar oglu Gasanbekov	57
<i>Larisa G. Shebyrova</i> The Russian Period in the Life and Work of Sergei Metalnikov	63
<i>Dmitriy A. Reshmet</i> The Forgotten Student of an Unknown Teacher: The Life and Work of the Kuban Graphic Artist Alexander Mazin	73

HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS	85
<i>Andrey V. Subbotin</i> Monument Boundary Definition and Exploration Pits at the Krasnyy Vostok Site in the River Kuma Basin	85
<i>Mikhail B. Gurov</i> A Brief Overview by Andrey Glagolev: The First Corpus of Monuments of History and Culture of Russia (Based on Publications of the Ministry of Internal Affairs of the 1830s–1840s)	93
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	106
<i>Khazar A. Zeynalov</i> The Azerbaijan Theme in the Works of Fedor Modorov: An Art History Analysis	106
<i>Irina V. Klyueva</i> Ballerina Sofia Fedorova II in the Russian Sculpture of the Silver Age (Stepan Erzia, Marina Ryndzyunskaya, Natalya Danko)	117
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	131
<i>Oksana V. Chentsova</i> The Effectiveness of Museum and University Cooperation in the Context of the Cultural and Educational Process	131
<i>Vyacheslav A. Sarkisov</i> The Regional Art Museum as a Subject of Social Communication.....	140

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: ГОД ПАМЯТИ И СЛАВЫ

SPECIAL SECTION:
THE YEAR OF MEMORY AND GLORY

75 лет исполнилось со дня Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. С тех пор многое изменилось. Вместо СССР на политической карте появилось 14 новых государств. Одно из них – Российская Федерация – стала правопреемницей СССР и наряду с другими государствами, бывшими союзными республиками, а также союзниками по антигитлеровской коалиции явилась наследницей этой Победы. Несмотря на то, что мы живем в разных странах, эта победа – плоть от плоти заслуга всех народов некогда единого Союза ССР. Каждый из них внес свою лепту в победу над фашизмом, у каждого из них есть своя историческая память, связь с этими трагическими событиями. В России каждая семья, так или иначе, испытала все тяготы войны.

День Победы воспринимается россиянами не только как гордость за героические деяния старших поколений, но и как день проявления высоких чувств патриотизма, объединявших тогда и сплывающих сегодня народы некогда единой страны. В то же время этот праздник напоминает нам о страшных уроках истории, той цене, которую заплатил наш народ за эту историческую Победу. Долг ныне живущих наследников героического подвига дедов и отцов сохранить в сердцах память об этих событиях, не дать фальсификаторам истории исказить правду о нашей Победе. Для народов нашей страны эта Великая Победа всегда будет свидетельством единства народного духа, примером героизма и самопожертвования, мужества и величия поколения людей, которые неимоверными усилиями отстояли свободу и независимость Родины.

Наследие Победы останется нержавеющим арсеналом и мощным средством воспитания граждан нашей страны в духе верности поколению победителей, высокой гражданской культуры, сохранения преемственности традициям народа.

В год 75-летия Великой Победы редакция журнала посвящает этому событию специальную рубрику.

Редактор специальной рубрики В. Е. Науменко

БУГАЙ Николай Федорович
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник центра «Историческая наука России»
Института российской истории Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

Nikolai F. BUGAY
Dr. Sci. (National History), Prof., Main Researcher,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
nikolay401@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8363-1638

УДК [94(470)"1941/45"]:[323.15(=222.5+531)]
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.001

**Единство, скрепленное
доблестью: участие
представителей
этнических меньшинств
в сражениях за Кубань и Крым
(1941-1943)**

**A Valor-Bonded Unity: Participation
of Ethnic Minorities' Representatives
in the Battles for Kuban and Crimea
(1941-1943)**

В статье на основе исследований российских ученых, архивных документов, воспоминаний рассматривается слабо изученная в отечественной историографии проблема участия представителей этнических меньшинств в битвах за Кавказ и Крым в ходе Великой Отечественной войны. В качестве примера автором избраны этнические общности курдов и корейцев. Используются историко-генетический, историко-биографический и системно-исторический методы. Изучены меры советского командования по формированию национальных воинских подразделений; реконструированы биографии героев войны – корейцев и курдов, участвовавших в освобождении Юга России и получивших боевые награды; прослежена их послевоенная судьба; рассмотрены репрессивные действия советского правительства по отношению к военнослужащим некоторых национальностей. Автор заключает, что представители разных народов СССР, столкнувшись с врагом, проявили стремление к единству и добровольное желание выступить на защиту государства, которое они избрали своей Родиной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, курды, корейцы, езиды, этнические меньшинства, межнациональные отношения, этническая солидарность, битва за Кавказ, Крымская операция.

Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков победоносно завершилась 75 лет назад, однако ее события, итоги и уроки до сих пор не утратили своего решающего значения для наших соотечественников — современников и потомков, — а также для судеб Европы и всего мира. Героический подвиг советского народа стал реальностью во многом благодаря его решимости, доблести и трудолюбию, а также умению объединяться в тяжелую пору испытаний. Именно солидарность многочисленных этносов СССР стала одним из самых мощных факторов Великой Победы. При этом в едином строю со всеми сражались и представители этнических меньшинств, которые также внесли свою лепту в освобождение нашего общего Отечества.

Данное исследование посвящено изучению вопросов, связанных с участием представителей двух этнических меньшинств — корейцев и курдов, — внесших заметный вклад в освобождение Северного Кавказа и Крыма. Эти общности, принадлежащие к двум разным цивилизациям, говорящие на разных языках, исповедующие разные религии (ислам, езидизм, католицизм, православие, буддизм) в суровую для Отечества годину были объединены единой целью — отстоять целостность своего государства и создать все условия для обеспечения его безопасности. Они, наряду с другими народами, с достоинством и честью выполняли эти задачи.

Свой отсчет Великая Отечественная война начинает 22 июня 1941 г. В сознании тогдашнего поколения, независимо от того, к какой этнической общности оно принадлежало, не могло сложиться представление о том, что враг, вооруженный до зубов, может продвинуться до гор Кавказа. Тем не менее это произошло.

Однако события лета 1943 г. повернули вспять всю эту громаду металла и людей. Для достижения этой цели в стране пришлось провести сотни мероприятий политического, хозяйственного, военного, мобилизационного и другого характера. Надо было сконцентрировать усилия всех народов на сохранении целостности страны, защите государства. К этому моменту в Красную Армию влились пред-

ставители уже не только многочисленных этнических общностей, но и национальных меньшинств.

В республиках Закавказья был сформирован ряд дивизий (63-я, 77-я, 138-я горнострелковые, а также, 224-я, 227-я, 386-я, 388-я, 390-я, 396-я, 398-я, 400-я, 404-я стрелковые), которые вступили в единоборство с врагом в период Керченско-Феодосийской десантной операции и при героической обороне Севастополя на исходе 1941 г., и в начале 1942-го [5].

Для решения этих стратегических задач был образован Кавказский фронт, выделенный из Закавказского округа. Основа его пехотных подразделений включала в себя закавказские дивизии, в личный состав которых входили представители практически всех этносов, проживающих в регионе.

Когда началась война, в курдских селах Армении, Грузии и Азербайджана прошли многочисленные митинги. Многие курды в едином со всеми народами большой страны порыве записывались добровольцами в народное ополчение. Так, комсомольцы, полеводы и животноводы из села Ахмедли Лачинского района (ранее являвшегося центром Курдистанского округа) одними из первых выразили свое желание встать на защиту Родины [10, с. 11].

Уже в августе 1941 г. Государственный комитет обороны приступил к созданию национальных воинских подразделений РККА. А в ноябре 1941 г. на основе принятого постановления «О формировании национальных воинских соединений» было образовано 66 подразделений, в частности 22 кавалерийские дивизии, 18 стрелковых бригад, 26 стрелковых и горнострелковых дивизий, при этом 37 военных формирований непосредственно участвовали в сражениях.

На Кавказе проживали представители почти 30 этнических меньшинств, и борьба с врагом стала настоящей проверкой их единства на прочность. 12 воинских подразделений, в которых они сражались, были в авангарде защитников Родины. Весомый вклад в разгром нацистов внесли 223-я и 402-я азербайджанские и 89-я армянская дивизии и другие воинские подразделения.

Как настоящие герои проявили себя в битве за Кавказ представители курдского народа. Одним из них был *Айдын Сыло Алиев* (Фото 1). Неутомимый пулеметчик сражался за освобождение Краснодара, Новороссийска, Анапы, Тамани. Затем предстояло форсирование Керченского пролива и борьба за Крым.

Бойцам, участвовавшим в освобождении Малой Земли, по указу верховного главнокомандующего был предоставлен десятидневный отпуск. Айдын Сыло провел эти дни в деревне под Керчью, после чего вновь отправился на фронт, где продолжил свою боевую биографию в составе 129-й Гвардейской Житомирской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, воевавшей на 1-м Украинском и продвигавшейся к столице Украины — Киеву.

За подвиги и мужество на фронтах Великой Отечественной войны Айдын Сыло

Фото 1. Алиев Айдын Сыло

Алиев был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, а также шестью медалями. Нельзя не отметить и героизм *братьев Набиевых* — тоже представителей курдов. Один из них, Камил, прошел путь от кавказских гор до Керчи, а затем и до Австрии и Северной Италии. В мирные дни Камил Набиев слыл в округе известным музыкантом, жизнерадостным и необычайно красивым внешне человеком. Он добровольцем ушел на фронт в 1941 г. и мог бы гастролить там вместе с оркестром, но отказался. Как и большинство призванных молодых парней из Грузии, он попал на Северный Кавказ, а затем в Крым, где «пропал без вести, во время знаменитой и кровопролитной керченской кампании».

Позднее его однополчане (односельчане) рассказывали, что он сражался с честью и до-

стоинством, однако, будучи раненным, попал в плен. Фашисты вынесли ему приговор — расстрелять на месте, но все-таки оставили в живых, при неперемennom условии, что солдаты сами будут помогать ему передвигаться (и они практически несли его на руках).

В числе воевавших за освобождение от фашистов Таманского полуострова был курд *Мамад Муроевич Мирзоев* (Фото 2), уроженец села Сангар Апаранского района Армянской ССР. С 1941 г. он был в рядах Красной Армии, участвовал в освобождении Темрюка, Таманского полуострова и станицы Тамань. В боях под Керчью пропал без вести.

С освобождением Таманского полуострова, Тамани и г. Керчь связана и судьба Героя Советского Союза — курда *Бекира (Бакыра) Дурсуновича Мустафаева* (Фото 3). В силу известных политических факторов он был записан в документах как азербайджанец. Такие случаи были не единичными. Многие известные представители курдского народа, внесшие значительный вклад в развитие науки и культуры, являвшиеся известными политическими

Фото 2. Мамад Муроевич Мирзоев

Фото 3. Бекир (Бакыр) Дурсунович Мустафаев, Герой Советского Союза

скими деятелями, разделили судьбу Бекира Мустафаева.

Бекир родился 11 февраля 1898 г. в селе Глазар ныне Ахалцихского района Грузии в семье крестьянина. В довоенные годы был сельским тружеником, возглавлял колхоз.

В Красной Армии Бекир Мустафаев служил с августа 1941 г. С марта 1942-го он находился на фронте, будучи стрелком 164-го Гвардейского полка 55-й Гвардейской стрелковой дивизии 56-й Армии Северокавказского фронта. Осенью 1943 г. после форсирования Керченского пролива путь к дальнейшему наступлению бойцам 5-й роты, в составе которой воевал Бекир Мустафаев, был прегражден плотным огнем из вражеского дзота. Воин совершил геройский подвиг, незаметно проникнув к расположению дзота и забросав его гранатами, при этом уничтожив пять солдат противника.

В дальнейшем Бекир Мустафаев, сражаясь во вражеских окопах и сойдясь с нацистами в рукопашной схватке, уничтожил четырех захватчиков. Затем, захватив ручной пулемет, открыл огонь вслед отступавшему противнику и, несмотря на ранение, поля боя не покинул.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 г. за проявленные мужество и героизм рядовому Бекиру (Бакыру) Мустафаеву было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Впоследствии воин был также награжден многими другими медалями.

После демобилизации Бекир Мустафаев жил и трудился в поселке Кайнама (Самаркандская область, Узбекская ССР). Умер в 1978 г., в возрасте 80 лет. Именем героя названа одна из школ в Волгограде и улица в поселке Кайнама.

Как известно, с первых дней войны в Красной Армии имели место ограничения по национальному признаку, связанные с воинским призывом. В 1943–1944 гг. комплекс подобных мер был расширен, что стало результатом развертывания антисоветских повстанческих движений. Этому процессу сопутствовали распространение дезертирства и уклонение от воинского призыва, по-

лучившие, в частности, распространение на Северном Кавказе и в Крыму. В силу данных обстоятельств приток в действующую армию представителей ряда этносов был приостановлен органами государственной власти. Несомненно, такие акции как раз и приводили «к дезорганизации всей военной машины, к потере инициативы со стороны государства, возникновению нервозности, появлению страха» [8]. Воины, демобилизованные по этим причинам, испытывали недоумение, вызванное ущемлением их прав и пренебрежением их гражданским долгом, исполняемым с достоинством.

Показательна в этом отношении судьба *Рзае Романовича Амоева (Рзае Амо)* (Фото 4). Родившись в 1905 г. в Ванском вилайете Османской империи, в девятилетнем возрасте он вместе со своими старшими братьями Адо, Рашо и сестрами Хазал и Нане бежал из Турции в составе конфедерации племен «зукри» во главе с Джангир-агой (1914 г.). Обосновавшись

Фото 4. Амоев
Рзае Романович

в сначала Армении, после достижения совершеннолетия Рзае Амо переехал в Тбилиси и устроился на работу. В 1932 г. он женился на Балгизар Теджоевой, вместе с которой создал прекрасный семейный очаг.

В 1938 г. Рзае Амо был призван в армию, вскоре (в 1939 г.) запыхала финская война, на фронтах которой он сражался.

С началом Великой Отечественной войны Рзае Амо ушел на фронт и принимал участие в боях на Таманском полуострове и Керченском фронте, при этом вскоре — за проявленную воинскую доблесть — он был назначен командиром зенитной установки. В 1942 г. боец был тяжело ранен и направлен

в военный госпиталь, находившийся в Кировабаде (Гянджа).

Возвращаясь в Грузию, офицеры и рядовые тут же отправлялись на спецпоселение. Лидер Международной организации турок-месхетинцев «Ватан» Юсуф Сарваров по этому поводу вспоминал: «Все, в том числе Герои Советского Союза, были взяты на комендантский учёт, который длился 12 лет. Долгими были эти годы унижения, растерянности и бессилия» [1].

Впоследствии у воевавших на фронтах Великой Отечественной войны были отобраны военные билеты, наградные документы, и они попадали под статус спецпереселенцев, последовав за своими братьями. По данным справки НКВД СССР о численности спецпоселенцев, служивших ранее в Красной Армии (переучёт был сделан в марте 1949 г.), состав представителей принудительно переселявшихся контингентов граждан из Грузии имел следующую структуру:

Таблица 1

Численность спецпоселенцев из Грузии, служивших в Красной Армии
(переучет 1949 г.) [2, с. 81] [3, л. 17]

Наименование контингента	Офицеры	Сержанты	Рядовой состав	Итого
Всего из Грузии:	57	459	3559	4075
в том числе:				
турки	24	271	2222	2517
курды	4	15	122	141
хемшины	-	3	4	7
другие	29	170	1211	1410

Вот судьба некоторых из них.

Гярам Канашевич Асадян родился в 1901 г. Был призван в армию Алагезским РВК Армянской ССР. Звание «красноармеец» получил в сентябре 1941 г. и служил в составе 400-го стрелкового полка 89-й стрелковой дивизии УОПА. Активно участвовал в сражениях за Таманский полуостров и г. Керчь. До начала декабря 1943 г. за храбрость и отвагу был удостоен награды — ордена Славы III степени.

По документам Г. К. Асадян был армянином, хотя на самом деле — по этнической принадлежности — являлся курдом. Людей, подобных ему, в то время было много, поскольку о курдах, тем более о езидах, мало кто знал как в Союзе, так и в Армении.

Гвардии рядовой *Джалил Мстоевич Хумоян* после боев за освобождение Таманского полуострова и г. Керчи дошел во время войны до Моравской Острове. Он родился в 1906 г. в с. Кондах-саз Апаранского района Армянской ССР. «Находясь в составе орудийного расчета 3-й батареи 93-го Гвардейского артиллерийского Керченского Краснознаменного полка, — чи-

таем мы в документах, — он сокрушал противника метким огнем своего орудия. Только в бою 9 декабря 1944 г. было уничтожено 5 станковых пулеметов и истреблено 12 солдат и офицеров противника.

В боях на подступах к Моравска-Острове 5 апреля 1945 г. его батареей уничтожено: 1 минометная батарея, 6 пулеметов, подавлен огонь 2 артиллерийских батарей, 4 пулеметов, истреблено 50 солдат и офицеров противника».

Азат Мирзиевич Аджиев (Фото 5) родился в 1914 г. в Армении в семье езидских священнослужителей (приверженцев зороастризма) из

Фото 5. Аджиев Азат Мирзиевич

касты пиров. Среди езидов известен как пир Зада Пире Бари. Участвовал в боях при обороне Керчи с декабря 1941 по 19 мая 1942 г.

Затем, по 12 июня 1942 г., находился в плену. По рассказам сына, Азат Аджиев бежал из плена на территорию Франции, где попал к американским войскам, а позже передан СССР. После войны был награжден вторым орденом Великой Отечественной войны и многими другими орденами и медалями. Скончался в 1980 г. в Тбилиси. Похоронен на Кукийском городском кладбище.

Много героических страниц вписали в летопись освобождения Кубани и Крыма советские корейцы.

Несмотря на то, что официального призыва корейцев на службу в период войны не было, в реальности все выглядело по-другому. Они добровольно уходили на фронт в 1941–1945 гг.

Складывалась парадоксальная ситуация, при которой представители этноса, существенно пострадавшего от национальной политики государства в период репрессий 1930-х гг. (172 тыс. корейцев были принудительно переселены в 1937 г. с территории Дальнего Востока в Казахстан и республики Средней Азии), во время войны брались за оружие и героически защищали это государство.

Исследователь истории российских корейцев, руководитель интернет-портала «Ариран» Дмитрий Шин, работая в архиве Минобороны России (г. Подольск), выявил список в количестве 372 корейцев, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. По официальным данным, всего в ту пору на территории РСФСР проживало 11 542 корейца.

Они проявили мужество и истинный патриотизм по отношению к своей стране — Союзу ССР. Многие из них были удостоены высоких государственных наград. Сражались на фронте и корейские женщины. Одна из них — артистка ленинградской эстрады Алла Ивановна Ким — была активным участником творческого коллектива известной певицы Клавдии Шульженко. Многие корейки были врачами, медсестрами.

С территории Северного Кавказа и Дона ушли на фронт медсестра А. Ф. Ан, мнёр Д. Ким, красноармейцы Р. А. Ким, Д. Ким,

Е. Ким, А. Н. Мун, Хван Дон Гук, сержант Пак, старший сержант Т. И. Чен (Северо-Осетинская АССР), политрук В. И. Дроздов (Ни); из Краснодарского края — красноармеец Иван Лен; из Кабардино-Балкарской АССР — А. В. Ли, красноармейцы, В. В. Цой, А. М. Ким, Д. Ким, Виктор Андреевич Ким и др. Всего же с территории Северного Кавказа и Закавказья на общих основаниях ушли на фронт более 20 корейцев. Многие из них были участниками сражений за города Ардон, Ростов-на-Дону, Нальчик, Орджоникидзе (Владикавказ), Сталинград и др. Известно также, что *Хван Дон Гук* прошел с боями до логова фашистов — Берлина.

Из Хасавюртовского РВК (Дагестанская АССР) 27 мая 1941 г. отбыл на фронт пулеметчиком *Леонид Григорьевич Хван*. В декабре 1941 г. он пропал без вести.

В феврале 1942 г. из Северо-Осетинской АССР отправился на фронт из Хумалага *Алексей Николаевич Луен* (1920 г.р.). Он воевал минометчиком 678-го стрелкового полка 411-й стрелковой дивизии. Пропал без вести.

19 мая 2004 г. газета «Забайкальский рабочий» опубликовала воспоминания А. А. Чжена, сына *Абрама Александровича Чжена*, судьба которого связана с Таманским полуостровом. Сын констатирует: «Окончив в 1942 г. школу, отец, как и многие его другие сверстники, отправился на фронт добровольцем. Рассказывал, что была зима, думал, что повезут под Ленинград, а привезли в район Тамани. Воевал в 242-й Таманской горнострелковой дивизии 897-го Севастопольского огнестрелкового полка в автоматной роте. В послевоенное время посвятил себя педагогической деятельности».

Унсе Пак (1900 г.р.) оборонял Ставропольский край. 8 января 1943 г. он погиб.

Показательно, с точки зрения патриотического подъема, связанного с защитой новой для корейцев Родины, фронтовое письмо гвардии лейтенанта *Степана Тена* своей жене. Он писал: «Анечка. Я крепко верю, что когда кончится эта — мировая — война, над Кореей будет развиваться Знамя свободы... А мы с тобой — корейцы. И если меня убьют, то, по крайней мере, убьют человека, сражавшегося за две Родины: за Союз ССР, где родился, воспитывался, вырос, и за Корею — мою национальную Родину».

Достоин упоминания и еще один кореец — участник сражений на земле Кубани — младший сержант, снайпер 84-й морской стрелковой бригады 11-го стрелкового корпуса 9-й армии *Александр Павлович Ким* (род. в Приморье в 1912 г.).

Он отправлялся на фронт красноармейцем из Красноармейского РВК Хабаровского края. Погиб в ожесточенном сражении на берегу р. Курки близ станицы Курчанской, на подступах к г. Темрюку (Краснодарский край). В списке погибших значится под № 138. Захоронен на участке кладбища хут. Свистельникова [9].

Ещё до 1917 г. с Кубанью и Керчью была связана судьба корейца *Михаила Кима*. Позже (до 1941 г.) он работал капитаном судна на Дальнем Востоке, затем — морским инспектором на Черном море. Впоследствии с боями освобождал Кубань. Перейдя на Керченский полуостров, сражался с немцами за освобождение г. Керчь. Здесь же получил тяжелое ранение. Умер от ран. Похоронен М. Ким в Гурьеве (Казахская ССР).

Участником сражений был и его друг *Николай Григорьевич Ким* (Фото 6). С июля 1939 г. он служил в должности командира танкового взвода

Фото 6. Командир взвода мехполка *Николай Григорьевич Ким*. Конец 1930-х гг. (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Из коллекции Дм. Шина)

19-го танкового полка Северо-Кавказского военного округа. В 1940 г. Н. Г. Киму было присвоено звание старшего лейтенанта. С мая 1941 г. он командовал танковой ротой тяжелого танкового батальона 111-го танкового полка Северо-Кавказского военного округа.

Сражался на Кубани и *Петр Нико-*

лавич Ким (род. в 1922 г. в Приморском крае Дальневосточной Республики). Он был красноармейцем 390-го стрелкового полка 89-й стрелковой Таманской дивизии Отдельной Приморской армии (2-е формирование) Ставки ВГК; членом ВЛКСМ. В ожесточенных боях за Керченский полуостров и г. Керчь был тяжело ранен. Умер от ран 24 января 1944 г. в отделе 197-го медико-санитарного батальона, действовавшего на Керченском полуострове Крымской области.

Красноречиво свидетельствует о самоотверженной борьбе представителей корейского народа с фашистами и проявленное на войне бесстрашие *Геннадия Хана* (Фото 7)

Фото 7. *Геннадий Хан*

(в ту пору младшего лейтенанта). Он родился на Дальнем Востоке, в д. Таванен Никольско-Уссурийского уезда. После окончания факультета математики МГУ им. М. В. Ломоносова его направили в летную школу г. Куйбышева (Самара), а затем в действующую армию. Он был воздушным стрелком — бомбардировщиком 3-й эскадрильи 40-го авиационного полка ВВС Черноморского флота. Самолет 23-летнего летчика был сбит авиацией противника 6 мая 1943 г. в ходе боя за город Анапу [6, с. 187] [7, с. 103].

По данным Д. Шин, из 372 советских корейцев — участников Великой Отечественной войны погибли и пропали без вести 195; вернулись живыми и включились в восстановление разрушенного народного хозяйства страны — 127; у 19 было высшее военное образование и опыт участия в боевых действиях.

Тем не менее уже в ходе войны советские корейцы направлялись в трудовые колонны и батальоны. По приблизительным данным НКВД и МВД СССР, их было более 14 тыс. человек.

В Справке «Корейская колония в Союзе ССР», подготовленной начальником 2-го Управления НКГБ СССР комиссаром госбезопасности III ранга Федотовым и начальником 2-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР капитаном госбезопасности А. Гузовским, указывается: «Среди корейцев имеется средний и высший командный состав, который до 1937 г. служил в Красной Армии. В настоящее время эти кадры находятся на гражданской работе и постепенно дисквалифицируются» [4, л. 254–264]. Безусловно, для самих военных это была ощутимая моральная травма...

Представители корейского, курдского и других народов, не только сражались на территории нашей страны, но и являлись участниками освобождения от фашизма значительной части стран Европы.

При этом после войны многие из них, как уже отмечалось, были репрессированы по разным (зачастую надуманным) причинам. Репрессии в отношении военнослужащих представителей этнических меньшинств можно связать с проводившейся советским государством этносоциальной политикой, а также с распространением дезертирства и уклонением от воинского призыва на Северном Кавказе и в Крыму.

Рано или поздно история верно расставит все акценты в оценке совместной борьбы народов Союза ССР с фашизмом. И мы надеемся, что приведенные в исследовании сведения об участниках Великой Отечественной войны — представителях этнических меньшинств в значительной степени этому поспособствуют. Неважно, были они удостоены высокого звания Герой Советского Союза, как А. П. Мин, Б. Д. Мустафаев, А. Г. Вердиев, С. А. Сиабандов (Фото 7–10), или не были, как большинство других отважных воинов, — многочисленные примеры этнической солидарности и доблести, проявленной на ратном поле, позволяют утверждать, что война 1941–1945 гг. носила истинно народный характер (как на фронтах, так и в тылу). Сражаясь за Отчизну, каждый из этносов Союза ССР вносил свой неоценимый вклад в решение задачи по обеспечению сохранности государства.

Фото 7.
Александр Павлович
Мин

Фото 8.
Бекир Дурсунович
Мустафаев

Фото 9.
Аваз Гашимович-
оглы Вердиев

Фото 10.
Саманд Алиевич
Сиабандов

Nikolai F. BUGAY

Dr. Sci. (National History), Prof., Main Researcher,
 Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
 Moscow, Russian Federation,
nikolay401@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8363-1638

A Valor-Bonded Unity: Participation of Ethnic Minorities' Representatives in the Battles for Kuban and Crimea (1941–1943)

Abstract. The aim of the article is to reconstruct the biographies of participants in the Great Patriotic War (1941–1945), who belonged to ethnic minorities and fought for the liberation of the Caucasus and Crimea from Nazi invaders. As an example, the author selected ethnic communities of Kurds and Koreans. The study was conducted on the basis of research by Russian scholars, archival documents, and memoirs of direct participants in the events. The historical-genetic, historical-biographical and system-historical methods were used. The measures of the Soviet command for the formation of national military units were studied, the biographies of war heroes, Koreans and Kurds who participated in the liberation of the South of Russia and received military awards (including the title Hero of the Soviet Union) were reconstructed. The author describes in detail the military clashes during which these fighters showed military prowess, presents their photographs, and traces their further military path, post-war fate and forms of their memory perpetuation. Quotations from the war veterans' front-line letters and their relatives' memoirs are given. The repressive actions of the Soviet government towards the military personnel of certain nationalities, who after the demobilization received the status of "special settlers" and lost their military tickets and award sheets, are also considered. The author emphasizes that the fight against the enemy was a test of strength for the unity of the peoples living in the Caucasus and Crimea. Examples of civic solidarity in the fight against the enemy shown by ethnic minorities in the early days of the war (mass enrollment in volunteers, holding civil rallies) are given. It is noted that representatives of local ethnic communities became the basis of 12 military units that were at the forefront of the defenders of the Caucasus. The paradoxical nature of the situation in which USSR citizens were repressed for various (often far-fetched) reasons is stated; however, during the war they still heroically fought against Nazism with arms in their hands. The author connects the repressions against members of the ethnic minorities with the ethnosocial policy pursued by the Soviet state, as well as the spread of desertion and draft evasion in the North Caucasus and Crimea. It is concluded that representatives of ethnic minorities living in the USSR, faced with the enemy, showed a desire for unity and a voluntary desire to defend the state, which they chose as their homeland.

Keywords: Great Patriotic War, Kurds, Koreans, Yezidis, ethnic minorities, interethnic relations, ethnic solidarity, battle for Caucasus, Crimean operation.

Использованная литература:

1. Бугай Н. Депортация народов // Союз. 1990. № 23.
2. Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. М.: Капъ, 1993.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. 9401. Оп. 1. Д. 2011. Л. 254–264.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. 9401. Оп.1. Д. 2704.
5. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Военное издательство, 1967.
6. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М.: Новый хронограф, 2005.

References:

1. Bugay, N. (1990) Deportatsiya narodov [Deportation of peoples]. *Soyuz*. 23.
2. Bugay, N.F., Broev, T.M. & Broev, R.M. (1993) *Sovetskie kurdy: vremya peremen* [Soviet Kurds: A time of change]. Moscow: Kap'.
3. State Archive of the Russian Federation. Fund R-9401. List 1. File 2704.
4. State Archive of the Russian Federation. Fund R-9401. List 1. File 2011. Sheets 254–264.
5. Grechko, A.A. (1967) *Bitva za Kavkaz* [The battle for the Caucasus]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
6. Akkueva, S.I. et al. (2005) *Oni srazhalis' za Rodinu. Predstaviteli repressirovannykh narodov SSSR na frontakh Ve-*

7. Паспорт Елизовского городского поселения в Камчатском крае. Елизово: б.и., 2018.

8. Сон Ж. Г. Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920-1930-е годы. Автореф... канд. ист. наук. М.: б.и., 2009.

9. Список 84 морской стрелковой бригады, погибшие и пропавшие без вести при прорыве Голубой линии на р. Курка в 1943 г. [Электронный ресурс] // Сайт общества любителей истории и краеведения Славянского района Краснодарского края. URL: <http://slavhistory.ru/article/a-256.html> (дата обращения 18.11.2018).

10. Чатоев Х. М. Курды участники Великой Отечественной войны. Ереван: Акад. наук Армянской ССР, 1979.

likoy Otechestvennoy voyny [They fought for their homeland. Representatives of the repressed peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War]. Moscow: Novyy khronograf.

7. Administration of Yelizovo. (2018) *Pasport Elizovskogo gorodskogo poseleniya v Kamchatskom krae* [Passport of Yelizovo city settlement in Kamchatka Krai]. Yelizovo: [s.n.].

8. Son, Zh.G. (2009) *Koreytsy Dal'nego Vostoka v sisteme mezhetnicheskikh otnosheniy Soyuzs SSR. 1920–1930-e gody* [Koreans of the Far East in the system of interethnic relations of the USSR. 1920s–1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

9. Society of Lovers of History and Regional Studies of Slavyansky District of Krasnodar Krai. (2018) *Spisok 84 morskoy strelkovoy brigady, pogibshie i propavshie bez vesti pri proryve Goluboy linii na r. Kurka v 1943 g.* [List of the members of the 84th naval rifle brigade, dead and missing during the breakthrough of the Blue Line on the Kurka in 1943]. [Online] Available from: <http://slavhistory.ru/article/a-256.html>. (Accessed: 18.11.2018).

10. Chatoev, Kh.M. (1979) *Kurdy uchastniki Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kurds participating in the Great Patriotic War]. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бугай Н. Ф. Единство, скрепленное доблестью: участие представителей этнических меньшинств в сражениях за Кубань и Крым (1941-1943) / Н. Ф. Бугай // Наследие веков. – 2020. – № 2 – С. 13–23. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.001

Full bibliographic reference to the article:

Bugay, N. F. (2020) A Valor-Bonded Unity: Participation of Ethnic Minorities' Representatives in the Battles for Kuban and Crimea (1941–1943). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 13–23. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.001

ДЬЯКОВА Елена Васильевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории Украины Харьковского национального педагогического
университета имени Г. С. Сковороды,
Харьков, Украина
Helena V. DYAKOVA
Cand. Sci. (History of Ukraine), Assoc. Prof.,
Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
Kharkiv, Ukraine,
elena_djakova@mail.ru

УДК [94(100)“1939/45”]:[303.446.4”312”(477)]
ГРНТИ 03.23.07
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.002

**Современная украинская
историография
Второй мировой войны:
проблемы, подходы, тенденции**

**Modern Ukrainian Historiography
of World War II:
Problems, Approaches, Trends**

Цель исследования – выявление круга основных проблем, находящихся в фокусе внимания украинских ученых, исследующих историю Второй мировой войны. Материалами послужили монографии, сборники статей и отдельные статьи в наиболее авторитетных научных журналах страны, опубликованные в 2014–2019 гг. Применены историко-генетический, сравнительно-исторический и типологический методы, позволившие установить, что в последние годы ведущие историки Украины продолжили менять концепцию истории Великой Отечественной войны с учетом «Методических материалов...» Украинского института национальной памяти. Сделаны выводы, касающиеся тематического спектра публикаций современных украинских историков. Отмечено, что особое внимание ими уделялось изучению пропаганды (как советской, так и гитлеровской), вопросам противоборства советских и нацистских спецслужб, уточнялись определения ряда терминов, связанных с событиями 1939–1945 гг. Выявлено большое влияние на содержание данных публикаций преобладающей сегодня на Украине идеологии.

Ключевые слова: историография, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Украина, идеология, изменение концепции, изменение терминологии, исторические аспекты.

После событий 2014 г. в украинской историографии Второй мировой войны и ее составляющей — Великой Отечественной войны произошли заметные изменения, нужда-

ющиеся в научном осмыслении. Для исследования этой темы были использованы работы, опубликованные в 2014–2019 гг.: монографии, сборники статей и отдельные статьи,

напечатанные в ведущих журналах страны — «Український історичний журнал» и «Сторінки війської історії України»¹. Естественно, проанализировать все работы, вышедшие за указанный период, не представляется возможным, поэтому целью настоящей публикации является выделение основных проблем, изучаемых украинскими учеными, исследующими историю Второй мировой войны.

Данная статья в определенной степени является продолжением работы переяслав-хмельницкого историка Т. Нагайко «Социальный вектор украинской историографии в изучении Второй мировой войны» [1], в которой дан анализ публикаций отечественных историков 2005–2014 гг.

Следует отметить, что в 2014–2019 гг. важную роль в изучении истории Великой Отечественной войны сыграли «Методические материалы к 70-й годовщине изгнания нацистских оккупантов из Украины», изданные Украинским институтом национальной памяти (далее — УИМП) осенью 2014 г. [13]. В этих рекомендациях требовалось заменить термин «Великая Отечественная война» на термин «Вторая мировая война» [13], то есть окончательно утвердить то, что и так происходило в украинской историографии. И сегодня термин «Великая Отечественная война», исключенный из научного оборота, практически не употребляется в отечественной науке. Вместо него всё чаще используют термины «Вторая мировая война» или же «немецко-советская война».

Известные историки, заведующие отделами Института истории Национальной Академии наук Украины С. Виднянский (возглавляет отдел истории международных отношений и внешней политики Украины) и А. Лысенко (руководит отделом истории Второй мировой войны) совместно с ведущим научным сотрудником научно-исследовательского центра военной истории Национального университета обороны Украины им. Черняховского (далее — НУОУ) в статье «Начало „второй империалистической войны“ и „украинский вопрос“: некоторые дипломатические,

политические, военные аспекты» [4], по сути, предложили еще один термин — «вторая империалистическая война» — как «отголосок» одного из терминов, применявшихся к Первой мировой войне. Возможно, это связано с тем, что в исторической науке причиной начала Второй мировой считают результаты Первой мировой войны.

Т. Нагайко отмечает, что многие историки в отношении этого периода, одного из самых ужасных в истории по своим губительным последствиям для человечества, используют также дефиницию «Военное лихолетье 1939–1945» [1, с. 183].

Уточнения в некоторые базовые военные категории, понятия и термины (такие как «военное искусство», «стратегия», «оперативное искусство», «битва», «военная операция» и др.), используемые для описания событий Великой Отечественной войны, внесли историки, служащие в НУОУ, — С. Сидоров и В. Грицюк [6].

Хотя статья Р. Гулы «Национализм, патриотизм и интернационализм: методологические и праксеологические аспекты» [7] непосредственно не касается исследуемой здесь темы, изменения в интерпретации таких понятий, как «украинский патриотизм», «национализм», «интернационализм», а также «этнос», «нация», «народность», имеют важное значение для дальнейшего изучения истории Второй мировой войны, особенно деятельности украинских националистов, их идеологии и преследуемых целей. Не зря автор сделал вывод о том, что понятие «патриотизм» нужно «коррелировать в зависимости от условий развития внутривнутриполитической ситуации и внешнеполитических угроз» и что «наполнение принципиально новым содержанием категории „национальное“ должно происходить «с помощью взвешенной политики исторической памяти на основе объективной оценки драматических событий украинской истории XX века» [7, с. 191].

Очень важными для дальнейшего исследования темы являются теоретические статьи. Их немного, по сравнению с прошлым десятилетием [1], но они показывают, на каком фундаменте базируется современная украинская историография и какие изменения вно-

¹ В дальнейшем названия публикаций и цитаты из них подаются в авторском переводе на русский язык.

сятся в мифологемы национальной концепции истории Второй мировой войны. Прежде всего эти работы основываются на упоминаемых выше рекомендациях УИИПа [13], исследованиях западных философов, историков, политологов, социологов и придерживаются политического вектора Украины, связанного с обвинениями современной России чуть ли не во всех исторических катастрофах. В каждой статье обязательно присутствует негативная критика действий Советского Союза накануне и в годы Второй мировой войны, а также критика современной российской концепции истории Великой Отечественной войны, что иногда вызывает изумление. Так, освещая феноменологию социальной солидарности и благотворительности, А. Лысенко пишет, что благотворительные инициативы советских граждан направлялись «в организованное русло и имели соответствующее идеологическое звучание» [11, с. 12], то есть помощь народа своей стране расценивается как негативное явление. А в статье Т. Вронской и А. Лысенко «Феноменология войны: природа и цивилизационно-гуманитарное измерение» отмечается, что «Москва (в смысле современная Россия и ее правительство.— Е. Д.) уже открыто пошла на слом Потсдамско-Ялтинской системы, агрессию против Молдовы, Грузии, Украины, создание сепаратистских движений и „независимых“ республик в Приднестровье, Абхазии, Северной Осетии, на Донбассе и в Крыму» [5, с. 12]. Это высказывание не может не вызвать удивления, поскольку Ялтинско-Потсдамская система к современным событиям в странах, отмеченных в цитате, не имеет никакого отношения. Более того, во время складывания этой системы Россия, Молдова, Грузия, Украина входили в состав единого государства — Советского Союза.

Вернемся к уже упомянутой статье С. Виднянского, В. Грицюка и А. Лысенко. В ней, при анализе пакта Риббентропа-Молотова и значения присоединения западноукраинских земель в сентябре 1939 г., авторы подчеркивают, что действия И. Сталина никоим образом не решали «украинский вопрос», хотя «объективным образом большинство украинских земель объединились в составе советской Украины» [4, с. 19]. При этом ученые обвиняют

И. Сталина в том, что он совершенно не думал об интересах украинского сообщества [4, с. 19]. Несмотря на то, что он, присоединив западную часть к восточной, по сути, решил вопрос украинских националистов относительно создания соборной Украины (и это, кстати, признается исследователями Украины). К тому же понятно, что перед И. Сталиным, как руководителем Советского Союза, стояли более масштабные задачи... Историки также считают, что «СССР и Германия с двух сторон последовательно подтачивали Версальскую систему в Европе» [4, с. 10], приуменьшая роль в этом процессе других стран.

Таким образом, в теоретических публикациях украинских историков дана негативная оценка деятельности правительств Советского Союза и современной России (как его правопреемницы), обвиненных исследователями в агрессии наравне с гитлеровской Германией. Такая концепция отвечает современной тенденции в западной историографии, сводящейся к стремлению обвинить Советский Союз в развязывании Второй мировой войны.

Тем не менее исследователи в своих работах проводят глубокий анализ освещаемых проблем. А. Лысенко, например, проследил генезис понятий «благотворительность» и «социальная солидарность», обратившись к объяснениям этих терминов известными философами в разные века [11]. Исследуя феноменологию войны, ученые раскрыли влияние мировых вооруженных конфликтов (в том числе Второй мировой войны) на морально-психологическое состояние людей, стратегии их выживания в тяжелых условиях, изменение ценностных ориентиров. Авторы считают, что в основе военных конфликтов лежат, прежде всего, экономические мотивы и интересы, а доминирующими маркерами выступают политические причины, в которых сублимируются все остальные — идеологические, экономические, социальные [5, с. 9].

Проведение данных исследований во многом стало возможным благодаря открытию доступа к ранее засекреченным материалам, в том числе хранящимся в центральном и областных архивах Службы безопасности

Украины. Это позволило обнародовать и ввести в научный оборот много ранее недоступных даже историкам документов. За последние пять лет были опубликованы сборники материалов, посвященные функционированию штаба А. Розенберга на территории Украины, деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) в 1945 г.; увидели свет документы нацистских и советских спецслужб, связанные с насилием над гражданским населением во время гитлеровской оккупации СССР [9] [10] [14], и другие.

Исследовательская деятельность украинских историков представлена как статьями, так и монографиями. Ученые освещали не только традиционные аспекты истории Второй мировой войны и ее составляющей — Великой Отечественной, но и новые темы. Наиболее изучаемыми из них в последние годы были четыре. Остановимся на них подробнее.

Прежде всего, это идеологическая борьба — как немецкого, так и советского правительств. Особое внимание здесь уделяется использованию в пропагандистских целях прессы, кино, изобразительного искусства (плакаты, карикатуры и пр.) [3] [8] [12] [15] [19]. А. Погорелов в статье «Привлечение нацистской оккупационной властью агитаторов и их использование в устной и кинофотопропаганде (1942–1944 гг.)» [18] проследил, как в III Рейхе использовали лояльно настроенных к гитлеровцам граждан СССР, и описал процесс их подготовки для вербовки рабочих на работы в Германию.

Вторая тема — соперничество немецких и советских спецслужб. В 2019 г. вышел двухтомник «Противостояние. Немецкие и советские спецслужбы во Второй мировой войне», автором которого является А. Чайковский [2]. Ученый на основе архивных документов и новейших публикаций на эту тему детально проследил работу немецких спецслужб на территории Советского Союза: какие органы вели разведывательно-диверсионную работу, методы их деятельности, условия вербовки агенты среди советских граждан. В то же время историк обратил внимание на методы выявления диверсантов советскими спецслужбами. Несмотря на то, что автор уделит основное

внимание событиям в Украине, он также описал противостояние спецслужб в других регионах Советского Союза.

Третья тема — судьба немецких военнопленных. Исследователь С. Павловская [16] указывает, что работа с ними носила многовекторный характер с применением психологического воздействия во время допросов. А полученные таким образом сведения активно использовались в агитационной работе.

Не менее актуальной для современной Украины является ещё одна тема — празднование Дня Победы 9 мая в разных городах страны. Как известно, в 2014 г. к власти в стране пришли люди, негативно относящиеся к Великой Отечественной войне и Победе. Это видно, прежде всего, из освещения этой темы в средствах массовой информации. Чтобы понять отношение простых граждан к этому празднику, крепко связывающему Украину с советской историей и бывшими республиками Советского Союза, Т. Пастушенко, Д. Титаренко и О. Чебан в 2014–2015 гг. (соответственно в Киеве, Донецке и Одессе) провели опрос людей, пришедших 9 мая на празднование. Они спрашивали, как изменились публичные презентации Дня Победы, какую роль в этих нововведениях играет общественность, как обычные люди относятся к переносу торжеств на 8 мая и изменению содержания празднества на государственном уровне [17], в то время как «в медиапросторе, в официальных выступлениях, сценариях памятных мероприятий, которые проходят в разных регионах нашей страны, четко выстраиваются эмоциональные и исторические параллели между Второй мировой и современными событиями на востоке Украины» [17, с. 124]. И опрос показал, что для обычных людей этот праздник остается важным событием, которое не забывают в семьях, считая необходимым почтить память своих предков, принимавших участие в этой войне.

Таким образом, можно констатировать, что за пять лет украинские историки исследовали несколько разных тем, касающихся Второй мировой и Великой Отечественной войн. Особое внимание уделялось изучению пропаганды — как советской, так и гитлеровской. В теоретическом плане были уточнены опре-

деления многих терминов, связанных с событиями 1939–1945 гг. Ведущие историки страны продолжили менять концепцию истории Великой Отечественной войны с учетом «Методических материалов...» УИИПа, работы со многими архивными фондами и новейшими

исследованиями зарубежных и отечественных ученых в области философии, социологии, политологии и, конечно же, историософии. Кроме того, важно отметить, что большое влияние на содержание публикаций оказывает преобладающая на Украине идеология.

Helena V. DYAKOVA

Cand. Sci. (History of Ukraine), Assoc. Prof.,
Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
Kharkiv, Ukraine,
elena_djakova@mail.ru

***Modern Ukrainian Historiography of World War II:
Problems, Approaches, Trends***

Abstract. The aim of the study is to identify the circle of the main problems that are in the focus of attention of Ukrainian researchers of the history of World War II. In this case, materials published in 2014–2019 served as materials: monographs, collections of articles, and individual articles in leading scientific journals of the country (The Ukrainian Historical Journal and Pages of War History of Ukraine). The historical-genetic, comparative-historical and typological methods are applied. It is noted that, after the events of 2014, there have been quite noticeable changes in the Ukrainian historiography of World War II and its component, the Great Patriotic War. The author notes that, in recent years, leading historians of Ukraine continued to change the concept of the history of the Great Patriotic War, taking into account the “Methodological Materials for the 70th Anniversary of the Expulsion of Nazi Occupiers from Ukraine” by the Ukrainian Institute of National Remembrance, published in 2014. These recommendations consolidated the process associated with the exclusion of the term “Great Patriotic War” from scientific discourse in Ukrainian historiography. The author notes that Ukrainian historians clarified some basic military categories, concepts, and terms (military art, strategy, operational art, battle, military operation, etc.) used to describe the events of the Great Patriotic War. The material of theoretical articles is analyzed, which reflects the changes that are introduced into the mythologemes of the Ukrainian concept of World War II. It is indicated that, in many works, there is a negative criticism of the actions of the Soviet Union on the eve and during World War II, as well as criticism of the modern Russian concept of the Great Patriotic War, which is sometimes surprising. The importance of disclosing archival funds (including the archives of the Security Service of Ukraine, both central and regional) for historical research is emphasized. Conclusions are drawn regarding the thematic range of publications of modern Ukrainian historians. It is noted that a special attention is paid to studying both Soviet and Nazi propaganda, issues of confrontation between Soviet and Nazi intelligence services, the fate of German prisoners of war, celebration of the Victory Day on May 9 in different cities of the country. The author points out that the ideology prevailing in Ukraine has a great influence on the content of publications.

Keywords: historiography, World War II, Great Patriotic War, Ukraine, ideology, change of concept, change of terminology, historical aspects.

Использованная литература:

1. Нагайко Т. «Социальный вектор украинской историографии в изучении Второй мировой войны» // Социальный вектор украинской историографии в изу-

References:

1. Nagayko, T. (2014) [The social vector of Ukrainian historiography in the study of World War II]. *Aktual'nye problemy istorii Vtoroy mirovoy voyny* [Topical issues of the

чений Второй мировой войны /Актуальные проблемы истории Второй мировой войны. Сборник материалов республиканской научно-практической конференции / Ред. К.А. Енсенев. Алматы: «Литера-М» ЖШС, 2014. С. 183-197.

2. Чайковский А. Противостояние. В 2 т. Немецкие и советские спецслужбы во Второй мировой войне (1939-1945). Киев: Изд-во «Феникс», 2019.

3. Азарх І. Газета «Українське Полісся» як джерело вивчення процесу дебільшовизації Чернігівщини в 1941–1943 рр. // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О. Є. Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2016. Вип. 18. С. 8-27.

4. Віднянський С., Грицюк В., Лисенко О. Початок «Другої імперіалістичної війни» та «українське питання»: деякі дипломатичні, політичні, воєнні аспекти // Український історичний журнал. 2019. № 5. С. 4-24.

5. Вронська Т., Лисенко О. Феноменологія війни: природа і цивілізаційно-гуманітарний вимір // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О.Є. Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2017. Вип. 19. С. 8-16.

6. Грицюк В., Сидоров В. Стратегічні, фронтові, армійські операції (до питання військової термінології в історичних працях) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О.Є.Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2019. Вип. 21. С. 94-104.

7. Гула Р.В. Націоналізм, патріотизм та інтернаціоналізм: методологічні й праксеологічні аспекти// Український історичний журнал. 2016. № 6. С. 175-191.

8. Заболотна Т. Інформаційно-пропагандистська складова взаємодії окупаційної влади і місцевого населення у роки нацистської окупації // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О.Є. Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2017. Вип. 19. С. 141-171.

9. Кашеварова Н. Діяльність Оперативного штабу Розенберга з вивчення нацистами «східного простору» (1940–1945): в 2-х ч. Ч. 1: Джерелознавче дослідження. Київ, 2014.

10. Кашеварова Н. Діяльність Оперативного штабу Розенберга з вивчення нацистами «східного простору» (1940–1945): в 2-х ч. Ч. 2: Документи; ОУН і УПА в 1945 році: збірник документів і матеріалів. Київ, 2015.

11. Лисенко О. Деякі теоретичні аспекти дослідження проблем соціальної солідарності в період Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О.Є. Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. Вип. 17. С. 8-22.

12. Маєвський О. Політичні плакат і карикатура як засоби ідеологічної боротьби в Україні 1939–1945 рр. / відп. ред. О.Є. Лисенко. Київ, 2018.

13. Методичні матеріали Українського інституту національної пам'яті до 70-ї річниці вигнання нацистських окупантів з України [Електронний ресурс] // Український інститут національної пам'яті. URL: <https://old.uinp.gov.ua/methodicmaterial/methodichni-materiali-ukrainskogo-institutu-natsionalnoi-pam-yati-do-70-irichnitsi-> (дата обрання: 05.02.2020).

14. Насилля над цивільним населенням України. Документи спецслужб. 1941-1944: Зб. наук. праць / В. Васильєв, Н. Кашеварова, О. Лисенко та ін. Київ, 2018.

history of World War II]. Conference Proceedings. Almaty: "Litera-M" ZhShS. pp. 183–197. (In Russian).

2. Chaykovskiy, A. (2019) *Protivostoyanie. V 2 t. Nemetskie i sovetskie spetssluzhby vo Vtoroy mirovoy voyne (1939–1945)* [Confrontation. In 2 vols. German and Soviet special services in the Second World War (1939–1945)]. Kyiv: Izd-vo "Feniks".

3. Azarkh, I. (2016) Newspaper "Ukrainian Polesie" as a source for studying the process of de-Bolshevization of Chernihiv region in 1941–1943. In: Lysenko, A.E. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 18. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 8–27. (In Ukrainian).

4. Vidnyanskiy, S., Gritsyuk, V. & Lysenko, A. (2019) Beginning of the "Second Imperialist War" and the "Ukrainian Question": Some Diplomatic, Political, and Military Aspects. *Ukrainian Historical Journal*. 5. pp. 4–24. (In Ukrainian).

5. Vronskaya, T. & Lysenko, A. (2017) Phenomenology of war: Nature and the civilizational-humanitarian dimension. In: Lysenko, A.E. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 19. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 8–16. (In Ukrainian).

6. Gritsyuk, V. & Sidorov, V. (2019) Strategic, front-line, army operations (On the issue of military terminology in historical works). In: Lysenko, O.E. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 21. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 94–104. (In Ukrainian).

7. Gula, R.V. (2016) Nationalism, patriotism and internationalism: Methodological and praxeological aspects. *Ukrainian Historical Journal*. 6. pp. 175–191. (In Ukrainian).

8. Zabolotnaya, T. (2017) Information and propaganda component of the interaction of the occupying authorities and the local population during the Nazi occupation. In: Lysenko, A.E. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 19. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 141–171. (In Ukrainian).

9. Kashevarova, N. (2014) *Activities of the Rosenberg operational headquarters for the Nazis' study of the "eastern space" (1940–1945): In 2 parts. Pt. 1*. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. (In Ukrainian).

10. Kashevarova, N. (2015) *Activities of the Rosenberg operational headquarters for the Nazis' study of the "eastern space" (1940–1945): In 2 parts. Pt. 2*. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. (In Ukrainian).

11. Lysenko, A. (2015) Some theoretical aspects of the study of problems of social solidarity during the Second World War. In: Lysenko, A. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 17. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 8–22. (In Ukrainian).

12. Maevskiy, A. (2018) *Political poster and cartoon as a means of ideological struggle in Ukraine in 1939–1945*. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. (In Ukrainian).

13. Ukrainian Institute of National Remembrance. (2014) *Methodological Materials for the 70th Anniversary of the Expulsion of Nazi Occupiers from Ukraine*. [Online] Available from: <https://old.uinp.gov.ua/methodicmaterial/methodichni-materiali-ukrainskogo-institutu-natsionalnoi->

15. Овсіюк О. Кінотеатри як вид міського дозвілля та засіб інформаційного впливу на населення м. Києва (1941–1945) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О. Є. Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2016. Вип. 18. С. 166-17.
16. Павловська С. Політичний допит німецьких військовополонених під час Другої світової війни у діяльності ідеологічних структур РСЧА // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О.Є. Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2018. Вип. 20. С. 230-244.
17. Пастушенко Т.В., Титаренко Д.М., Чебан О.І. 9 травня 2014–2015 рр. в Україні: старі традиції – нові церемонії відзначення // Український історичний журнал. 2016. №3. С. 106-124.
18. Погорелов А. Залучення нацистською окупаційною владою агітаторів та їх використання в усній і кінофотопропаганді (1942–1944 рр.) // Український історичний журнал. 2019. № 5. С. 36-58.
19. Третяк В. Зміна пріоритетів у змістовому наповненні радянської військової преси під час воєнної кампанії на території Європи на прикладі газети 1-го Українського фронту «За честь Батьківщини». 1944–1945 рр. // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / Відп. ред. О.Є. Лисенко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. Вип. 17. С. 201-217.
14. Vasil'ev, V. et al. (2018) *Violence against the civilian population of Ukraine. Documents of special services. 1941–1944*. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. (In Ukrainian).
15. Ovsyuk, A. (2016) Cinemas as a form of urban leisure and a means of informational impact on the population of Kyiv (1941–1945). In: Lysenko, A.E. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 18. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 166–172. (In Ukrainian).
16. Pavlovskaya, S. (2018) Political interrogation of German prisoners of war during the Second World War in the activities of the ideological structures of the Red Army. In: Lysenko, A.E. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 20. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 230–244. (In Ukrainian).
17. Pastushenko, T.V., Titarenko, D.N. & Cheban, A.I. (2016) 9 May 2014–2015 in Ukraine: old traditions—new award ceremonies. *Ukrainian Historical Journal*. 3. pp. 106–124. (In Ukrainian).
18. Pogorelov, A. (2019) Recruitment of the Agitators and Their Use by the Nazi Occupation Authorities in Oral and Cinema-Photo Propaganda (1942–1944). *Ukrainian Historical Journal*. 5. 36–58. (In Ukrainian).
19. Tret'yak, V. (2015) Change of priorities in the content of the Soviet military press during the military campaign in Europe on the example of the newspaper of the 1st Ukrainian Front "For the Honor of the Homeland". 1944–1945. In: Lysenko, A.E. (ed.) *Pages of War History of Ukraine*. Vol. 17. Kyiv: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 201–217. (In Ukrainian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дьякова Е. В. Современная украинская историография Второй мировой войны: проблемы, подходы, тенденции / Е. В. Дьякова // *Наследие веков*. – 2020. – № 2 – С. 24–30. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.002

Full bibliographic reference to the article:

Dyakova, H. V. (2020) Modern Ukrainian Historiography of World War II: Problems, Approaches, Trends. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 24–30. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.002

КИСЕЛЕВ Илья Викторович

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени А. К. Серова, Краснодар, Российская Федерация

Ilya V. KISELEV

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Krasnodar Higher Military Aviation School
for Pilots named after A. K. Serov,
Krasnodar, Russian Federation,
ilya.v.kiselev@yandex.ru

УДК 94(470.620-25)“1943”
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.003

**Трудности освобождения:
бои за город Краснодар
в начале 1943 года**

**Difficulties of Liberation:
Battles for Krasnodar
in Early 1943**

Цель публикации – всестороннее изучение хода борьбы за Краснодар между Красной Армией и вермахтом в начале 1943 г., в результате которой 12 февраля административный центр Кубани был освобожден от немецкой оккупации. Изучены различные аспекты сражения, развернувшегося за город во время наступления советских войск на территории Краснодарского края в начале 1943 г. Используются данные, приведенные в работах советских историков. Основными источниками для исследования стали советские и немецкие оперативные документы и воспоминания участников битвы за Кавказ. Проанализированы планирование и подготовка операции на краснодарском направлении, дана характеристика советским и немецко-румынским силам, выделены основные этапы боев за Краснодар. Раскрыты трудности, с которыми столкнулись советские войска в ходе первой крупномасштабной наступательной операции на Северном Кавказе. Определены мотивы, которыми руководствовалось советское и германское военное командование в ходе борьбы за Краснодар.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ 1942–1943 гг., Краснодар, Закавказский фронт, Северо-Кавказский фронт, 17-я немецкая армия.

Интерес к событиям Великой Отечественной войны остается высоким как в научном сообществе, так и среди широких слоев населения. В одних случаях это дань времени и моде, в других — искреннее желание разобраться в перипетиях этого, без сомнения, ге-

роического и вместе с тем трагического этапа в истории нашей страны.

Подтверждением тому стала тема круглого стола, организованного Общественной палатой Краснодара 28 января 2020 г., — «Освобождение города Краснодара от немецко-фаши-

стских захватчиков: страницы истории». В дискуссии приняли участие такие краснодарские историки, как Ю. Н. Бондарчук, В. В. Бондарь, Ю. Г. Бузун, А. Г. Бурмагин, Б. И. Оленский, представители муниципальных органов власти, общественных, ветеранских и поисковых организаций. Стало очевидно, что факт освобождения Краснодара советскими войсками 12 февраля 1943 г. скрывает за собой множество спорных моментов, связанных с общим ходом наступления Красной Армии на Северном Кавказе, предпосылками освобождения краевого центра, деталями боев в самом городе и его окрестностях и т.д. [4].

Между тем изучение и популяризация прошлого Краснодара особенно актуальны сегодня, когда население города за последние годы заметно выросло и, в значительной степени, обновилось. В сознании «новых краснодарцев» должно сложиться понимание исторического пути города — без этого нельзя рассчитывать на бережное отношение к историческому и культурному наследию краевого центра.

Поэтому целью публикации видится всестороннее изучение хода борьбы за Краснодар между Красной Армией и вермахтом в начале 1943 г. Потребовалось сопоставить планы и возможности противоборствующих сторон, дать характеристику основным этапам противостояния, оценить его итоги и значение. В ходе исследования автор полагался на историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Обзор боевых действий в районе Краснодара в январе — феврале 1943 г. дан в работах А. С. Завьялова и А. С. Калядина [5, с. 146–151, 166–171], А. А. Гречко [3, с. 282–305, 333–337], В. Тике [12], С. В. Януша [20, с. 428–447, 466–467], Р. Форзика [21, р. 38–40]. Однако расширение круга доступных источников позволяет сегодня глубже вникнуть в суть проблемы и многие неизвестные ранее эпизоды наступления советских войск на Кавказе. Для изучения все более доступны не только советские, но и германские оперативные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Национального управления архивов и документации США (National Archives and Records Administration). Их дополняют источники личного происхождения.

Освобождение Краснодара стало одной из целей советского наступления на Северном Кавказе зимой 1942–1943 гг. Первоначально планы советского командования заключались в том, чтобы развить успех контрудара под Туапсе и продолжить наступление на Майкопском направлении. Эта операция должна была иметь ограниченный масштаб и проводиться армиями Черноморской группы войск Закавказского фронта на глубину в 30–40 км. Но победы Красной Армии под Сталинградом и на Среднем Дону подтолкнули Верховное советское командование к тому, чтобы поставить перед войсками на Северном Кавказе более амбициозные задачи. В директиве Ставки ВГК от 29 декабря 1942 г. командующему Закавказским фронтом генералу армии И. В. Тюленеву было дано распоряжение в сжатые сроки подготовить и нанести удар на краснодарском направлении. Прорыв через Краснодар на Тихорецк позволял перерезать пути отступления противника с Кавказа. В очередной директиве от 31 декабря этот замысел был конкретизирован: «По пути на Тихорецкую принять все меры к тому, чтобы с ходу захватить мосты на реке Кубань и город Краснодар. Однако не задерживаться при взятии города Краснодар и главные силы направить на Тихорецкую. В случае упорного сопротивления противника в Краснодаре — город блокировать» [10, с. 478]. 4 января 1943 г., когда отступление немцев с Кавказа стало реальностью, Ставка ВГК потребовала от Черноморской группы войск наступать еще дальше, вплоть до Ростова-на-Дону.

В мемуарах И. В. Тюленева сложившаяся ситуация описывалась так: «...я позвонил Сталину, доложил о том, что дала рекогносцировка на лазаревско-майкопском и горяче-ключевском направлениях, высказал свои опасения насчет успешного исхода наступления. Моя попытка в разговоре со Сталиным отстоять ранее разработанный нами „майкопский план“ успеха не имела. Краснодарский вариант, предложенный Ставкой, остался в силе» [13, с. 248–249]. Действительно, глубина намеченной операции увеличилась сначала до 170 км, а потом — до 300 км. Эта задача была по плечу только крупным подвижным соединениям, а их в распоряжении

командующего Черноморской группой войск генерал-лейтенанта И. Е. Петрова попросту не было. Прибытие фронтовых резервов, в числе которых были две танковые бригады, а также два стрелковых корпуса, две стрелковые дивизии, несколько артиллерийских полков и танковых батальонов, ожидалось только в середине января 1943 г. В добавок к этому требовалось перераспределить силы и средства в самой Черноморской группе войск: из состава 18-й и 46-й армий они перебрасывались на краснодарское направление, на участок 56-й армии. Ее командующим по предложению руководства Закавказского фронта стал генерал-майор А. А. Гречко, считавшийся наиболее способным командармом Черноморской группы войск.

Особую тревогу И. В. Тюленева и И. Е. Петрова вызывали коммуникации. Тыл 56-й армии опирался на единственное шоссе, пролежавшее вдоль Черноморского побережья. От линии фронта ее отделяло 35–40 км горно-лесной местности, где практически отсутствовали даже грунтовые дороги и населенные пункты. Для повышения проходимости дорог привлекли инженерные части из резерва Черноморской группы войск и Закавказского фронта. Но решить весь круг задач в столь сжатые сроки оказалось просто невозможно. Проблем добавила погода: в течение января заморозки несколько раз сменялись оттепелью, из-за обильных осадков горные реки выходили из берегов, размывали дороги и сносили мосты.

В таких условиях движение войск, особенно артиллерийских и бронетанковых частей, их последующее снабжение становилось проблематичным. Осознавая невозможность концентрировать большие массы людей и техники, советское командование не стало собирать все силы 56-й армии в ударный кулак, а решило наступать двумя группировками. Одна развернулась на правом фланге, западнее Горячего Ключа. Она состояла из двух гвардейских стрелковых дивизий — 32-й и 55-й. Им предстояло выйти в район Пашковской. Другая группировка в составе 20-й и 83-й горнострелковых дивизий, 9-й гвардейской, 7-й и 16-й стрелковых бригад сосредотачивалась на левом фланге для нанесения удара по Краснода-

ру. Переход в наступление был запланирован на 14 января. За четверо суток войскам 56-й армии предстояло преодолеть 30–40 км и выйти к р. Кубани. К этому времени в дело должен был вступить 2-й эшелон — 10-й гвардейский стрелковый корпус в составе трех бригад, 61-я стрелковая дивизия и 111-я стрелковая бригада. Подвижные части составляли 3-й эшелон, на них возлагалось развитие успеха после освобождения Краснодара [11, с. 260].

Полностью скрыть от противника подготовку Черноморской группы войск к наступлению оказалось невозможно. В переговорах штаба 17-й немецкой армии с командованием группы армий «А» 10 января 1943 г. прозвучала мысль о возможности советского наступления к югу и юго-западу от Краснодара. Правда, наиболее опасным считался участок от Абинской до Холмской, где действительно готовилась операция 47-й советской армии. Там германская разведка обнаружила активные грузоперевозки [22].

Положение на фронте 56-й армии, по-видимому, представлялось немецкому командованию не столь угрожающим. Здесь с октября 1942 г. держала оборону малочисленная 9-я румынская кавалерийская дивизия. Разведывательный отдел штаба Черноморской группы войск был недалек от истины, оценивая численность ее боевого состава в 2,5 тысячи человек и отмечая слабую боеспособность. Но в тылу у румын было установлено появление и немецких подразделений. Они принадлежали к 97-й егерской дивизии, выведенной с туапсинского направления для защиты шоссе юго-западнее Краснодара.

С переброской этого соединения начался отвод войск 17-й немецкой армии из предгорий Западного Кавказа. Двум корпусам — 44-му армейскому и 49-му горному — предстояло отойти к р. Кубани. Без удержания Краснодара восьми дивизиям этих корпусов грозило окружение. Установив факт отступления противника, советские войска приступили к его преследованию. 11 января к активным действиям перешли войска 46-й армии, а 14 января — 18-й армии. В таких условиях откладывать нанесение удара на краснодарском направлении было уже невозможно, хотя сосредоточение всех предназначенных для операции

Рис. 1. План советских наступательных операций «Горы» и «Море» (карта разработана автором).

56-й армии сил завершено не было, а непрекращающиеся ливни сделали горные дороги непроезжими.

Вопреки всем трудностям утром 16 января армия А. А. Гречко перешла в наступление и в первый же день продвинулась на глубину от 5 до 12 км. К исходу 18 января передовые части правофланговой ударной группы продвинулись на 20 км, разведка 55-й гвардейской стрелковой дивизии доложила о выходе к р. Кубани. Казалось, оборона противника прорвана на широком фронте и операция развивается в соответствии с планом. Но с 20 января

сопротивление немцев возросло, ими были предприняты контратаки на флангах 56-й армии. Одновременно нарастали проблемы в ее тылу: немногочисленные и труднопроходимые дороги были забиты колоннами снабжения и выдвигающимися к фронту войсками [8].

В результате вырвавшиеся вперед войска 1-го эшелона армии А. А. Гречко стали испытывать нехватку всего необходимого для жизни и боя, а подход соединений 2-го эшелона все больше задерживался. В свою очередь, германское командование стремилось ликви-

дировать возникший прорыв. Эта задача была поручена группе генерала пехоты М. де Ангелеса, созданной на основе 44-го армейского корпуса. Именно им были организованы контрудары на флангах продвигавшейся в направлении Краснодара 56-й советской армии. С запада, из района Северской, ее атаковала 97-я егерская дивизия, усиленная боевыми группами из 9-й пехотной и 5-й авиаполевой дивизий, а с востока, со стороны Саратовской, — 125-я пехотная дивизия немцев с приданными ей подразделениями словацкой моторизованной дивизии. Тем не менее во время переговоров штаба Верховного командования сухопутных войск Германии со штабом группы армий «А» 21 января 1943 г. положение к юго-западу от Краснодара по-прежнему оценивалось как сложное. 9-я кавалерийская дивизия румын считалась слабой и ненадежной. Силами полка 381-й учебной пехотной дивизии и тыловыми подразделениями в районе Тахтамукай, буквально в 5–7 км южнее р. Кубани, спешно создавался новый рубеж обороны [23].

23 января, с прибытием в район Тахтамукай 101-й егерской дивизии, прочность обороны противника на подступах к Краснодару заметно возросла. На левом фланге войска 56-й армии, за небольшим исключением, были оттеснены на исходные рубежи. Правифланговая группировка удержала занятые рубежи, но ее 32-я и 55-я гвардейские стрелковые дивизии увязли в боях за опорные пункты врага. В этой связи председатель Ставки ВГК И. В. Сталин в своей директиве от 23 января 1943 г. выражал недовольство тем, что Черноморская группа войск не сумела овладеть Краснодаром и выйти в район Тихорецка и Батаяска. Изменившаяся обстановка требовала нацелить советские войска на освобождение Новороссийска и Таманского полуострова. Тем не менее перед 56-й армией по-прежнему стояла задача в срок до 27 января освободить краевой центр, с тем чтобы продолжить наступление, но уже не в северном, а в западном направлении.

Новый импульс операции придало выдвижение на передовую сил 2-го эшелона — 61-й стрелковой дивизии и 10-го гвардейского стрелкового корпуса. Дивизия была направлена на усиление левофланговой группировки,

а корпус под командованием генерал-майора В. В. Глаголева силами трех стрелковых бригад 23 января вступил в бой за Горячий Ключ и Саратовскую. Одна бригада осталась в резерве командарма-56. В ходе боев 4-й и 6-й гвардейским бригадам удалось переправиться через р. Псекупс и на некоторое время перехватить дорогу Краснодар — Горячий Ключ. Однако противник вернул контроль над шоссе, приняв энергичные контратаки подразделениями 125-й и 198-й пехотных дивизий при поддержке словацких частей, и тем самым избежал окружения в районе Горячего Ключа.

28 января распоряжением генерал-майора А. А. Гречко 10-й гвардейский корпус был развернут на север, для развития успеха 55-й гвардейской дивизии. В этом же направлении выдвинулась 83-я горнострелковая дивизия, прежде действовавшая на левом фланге 56-й армии. Корпус В. В. Глаголева получил приказ выйти к р. Кубани и захватить переправы на участке от Яблоновского до Тлюстенхабля. В ходе развернувшихся 29–31 января напряженных боев на левом берегу р. Кубани, к югу от Краснодара, советские войска ворвались в Тахтамукай, Шенджий и Тугургой. Дальше других продвинулась 6-я гвардейская стрелковая бригада. 30 января она сумела выйти к мостам через р. Кубань в Яблоновском.

К сожалению, контратакующие части противника отбили эти населенные пункты. Советской пехоте по-прежнему остро не хватало поддержки артиллерии и танков. Проявились недостатки управления войсками 56-й армии, так как за время наступления боевые порядки и тылы ее соединений смешались. К этому нужно добавить, что с 17 по 31 января 1943 г. 56-я армия потеряла 12 125 бойцов и командиров: 3539 убитых, 6524 раненых, 455 заболевших, 593 пропавших без вести, 187 обмороженных, 90 попавших в плен и 737 — выбывших из строя по другим причинам [17, л.213]. Для армии, в которой боевые части и соединения к 5 февраля насчитывали около 61,5 тыс. человек, это были существенные потери.

Бои южнее Краснодара приобрели позиционный характер. Немцы, вынужденные в спешке перебрасывать сюда боевые группы из 125-й и 198-й пехотных дивизий, не сумели создать сплошного фронта. По-видимому,

Рис. 2. Наступления советских войск на Кубани 11 января – 5 февраля 1943 г. (карта разработана автором).

этим смогли воспользоваться разведчики 56-й армии. В вечерней оперативной сводке Черноморской группы войск от 2 февраля сообщалось, что «3 истребительных отряда, переправившись на северный берег р. КУБАНЬ, в ночь на 2.2 вели бои на южн[ой] окр[аине] КРАСНОДАР. Пять отрядов в готовности форсировать р. КУБАНЬ в ночь на 3.2.» [17, л.198]. По данным журнала боевых действий Черноморской группы войск, в этот день вплавь преодолели р. Кубань и провели разведку в южной части Пашковской два армейских истребительно-диверсионных отряда.

Тем не менее за две с лишним недели наступления армия генерал-майора А. А. Гречко так и не сумела выполнить даже первую часть

операции «Горы». Поэтому в ночь на 2 февраля 1943 г. в адрес штаба Закавказского фронта поступила очередная директива Ставки ВГК, подписанная И. В. Сталиным и Г. К. Жуковым. Они распорядились развернуть 56-ю армию в западном направлении, а освобождение Краснодара поручить другим армиям.

Всю вторую половину января 1943 г., пока 56-я армия вела тяжелые бои по прорыву немецкой обороны южнее краевого центра, ее соседи справа, 18-я и 46-я армии, преследовали отступающие силы 49-го горного корпуса немцев. Угроза прорыва советских войск к Краснодару заставила штаб корпуса и его командующего — генерала горных войск Р. Конрада — торопиться. К вечеру 30 января 49-й

горный корпус завершил отход на северный берег р. Кубани.

На следующий день, 31 января 1943 г., с юга к реке подошли передовые советские части. За две недели преследования противника они преодолели порядка 100–120 км и столкнулись с теми же проблемами, что и 56-я армия: отставанием тылов и артиллерии, нерегулярным снабжением боеприпасами и продовольствием. Возникли эти сложности не только из-за особенностей местности и погоды. Командование армий регулярно теряло связь со своими войсками, управление ими фактически утрачивалось. В частности, штаб 18-й армии с 27 по 30 января не имел полных данных о текущей обстановке, а его нормальная работа возобновилась только с 4 февраля.

Именно в такой сложный момент в ночь на 2 февраля командующий 18-й армией генерал-майор А. И. Рыжов получил приказ как можно скорее форсировать р. Кубань на подручных средствах и овладеть Краснодаром ударом с востока. Утром 3 февраля 395-я стрелковая дивизия после предварительной разведки начала переправу одного своего полка на северный берег р. Кубани, к югу от хутора им. Ленина. Первому успеху способствовало то, что занимавшие здесь оборону части словацкой моторизованной дивизии в те дни передавали свой участок фронта 305-му пехотному полку немцев. Предпринятые им контратаки привели к ликвидации советского плацдарма [19, л. 245 об. — 248].

В ночь на 5 февраля юго-восточнее Старокорсунской другим плацдармом овладели основные силы 119-й стрелковой бригады и батальон 353-й стрелковой дивизии. Они сумели выйти на северную окраину станицы и перерезать шоссе, ведущее на восток. Однако в результате встречных ударов подразделений 4-й горной дивизии противника эта группа попала в окружение. Вечером того же дня к ней безуспешно пытались пробиться еще два батальона 353-й дивизии, но они понесли значительные потери и отступили на южный берег р. Кубани. Окруженные к северу от Старокорсунской советские бойцы и командиры, вооруженные исключительно стрелковым оружием, сражались еще около суток и практически все погибли [18, л. 250 об., 254–255 об.].

В районе Старокорсунской наряду с войсками 18-й армии сражались части 40-й мотострелковой бригады. Она входила в состав 46-й армии генерал-майора И. П. Рослого, которая также вышла на южный берег р. Кубань и с ходу приступила к форсированию реки. Утром 1 февраля два полка 31-й стрелковой дивизии сумели ворваться в Васюринскую. Но к вечеру под ударами пехоты противника, поддержанной артиллерией, им пришлось отойти обратно за р. Кубань. Благополучно переправиться по льду замерзшей реки в районе Усть-Лабинской удалось только 9-й горнострелковой дивизии. Немцы оставили станицу под нажимом войск 37-й армии Северо-Кавказского фронта, наступавшей с востока. Командующий армией, генерал-майор П. М. Козлов, имел приказ от штаба фронта к исходу 2 февраля 1943 г. занять Краснодар, но дальнейшее наступление его войск было остановлено теми самыми дивизиями 49-го горного корпуса противника, что отступали с туапсинского направления.

Тот факт, что немцы сумели до начала февраля удержать Краснодар в своих руках, вовсе не означал готовности противника и дальше защищать город. Приближение фронта заставило управление 17-й армии 29 января перебраться из краевого центра в Красноармейскую. Остававшиеся в Краснодаре органы оккупационной администрации также собирались покинуть город и готовились осуществить ряд мер, суть которых изложена в журнале боевых действий 550-го тылового района.

1 февраля 1943 г. командующий районом генерал-лейтенант В. Шмидт-Логан обсудил с генералом пехоты М. де Ангелисом порядок и время эвакуации из города. 3 февраля командование 17-й армии распорядилось вывести из Краснодара подразделения и органы тылового района, которые не имели значения для обороны. Был решен вопрос о подготовке взрывов на военном аэродроме и организации поджогов зданий города. В тот же день оккупанты ужесточили комендантский час и в качестве меры устрашения публично повесили десять горожан, обвиненных в подготовке диверсий. Все эти мероприятия осуществлялись под руководством начальника гарнизона

Краснодара оберст-лейтенанта Грильмайера. Утром 8 февраля 1943 г. штаб 550-го тылового района покинул краевой центр и направился в Курчанскую, где к тому времени расположилось управление 17-й армии противника [25].

Поэтому стоит согласиться с выводом акта Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков: «Необходимо отметить ответственность за все эти зверства командующего 17-й немецкой армией генерал-полковника Руоф, части которого составляли Краснодарский гарнизон, производя поджоги, грабежи и истребления мирного населения» [2, л. 3]. В том же акте был отмечен факт уничтожения в феврале 1943 г. 300 советских граждан в здании, где располагались каратели Айнзацкоманды 10а.

Судьба находившихся в Краснодаре советских военнопленных была решена оккупантами следующим образом. 1 февраля из расположенного в городе 132-го пересыльного лагеря в Ивановскую было отправлено 2600 узников. Осталось около 5000, в том числе 1600 неспособных передвигаться. За последующие дни в Краснодар прибыло более тысячи военнопленных, поступивших из других лагерей и захваченных 97-й егерской дивизией в недавних боях. К 5 февраля в 132-м пересыльном лагере числилось 6174 заключенных. На следующий день лагерь, вместе с охраной и военнопленными, начал передислокацию в Ивановскую. Число тех, кто оказался не готов к маршу и остался в Краснодаре, сократилось до 1350 человек. Наконец, в сводке от 7 февраля было упомянуто 1430 больных военнопленных. Они остались под надзором краснодарской комендатуры и гражданских врачей. Подразделения комендатуры покинули город 11 февраля, о советских пленниках в документах 550-го тылового района более ничего не сообщалось [26].

В те самые дни, когда оккупанты готовились покинуть Краснодар, в планах советского командования вновь произошли существенные изменения. Ранним утром 4 февраля из Москвы поступило следующее распоряжение: «Черноморскую группу Закавказского фронта с 24.00 5 февраля передать из состава Зафронта в состав Северо-Кавказского фронта, сохранив ее в существующем виде.

Ближайшая и основная задача Северо-Кавказского фронта состоит в том, чтобы не позже 10–12 февраля окружить краснодарскую группировку противника и уничтожить ее так же, как она была окружена и уничтожена нашими войсками под Сталинградом» [11, с. 62].

Теперь освобождение Краснодара зависело от Северо-Кавказского фронта. К сожалению, в феврале 1943 г. его состояние было ничуть не лучше, чем состояние Черноморской группы войск. Армии фронта более месяца вели преследование уходящих с Кавказа оккупантов и прошли по 500–600 км по заснеженным ставропольским и кубанским степям, неся потери и ежедневно преодолевая по 15–20 км. Практически все соединения были пехотными, артиллерийские и тыловые части отстали и растянулись по недавно освобожденной территории Ставрополя и Кубани. Задерживалось и перебазирование фронтовой авиации.

Так, действовавшая на краснодарском направлении 37-я армия, к 5 февраля состояла из пяти стрелковых дивизий, двух артиллерийских и трех минометных полков. Однако людей в армии генерал-майора П. М. Козлова имелось только 26,5 тыс. человек. Артиллерия насчитывала 165 орудий и 340 минометов. Приданный армии 249-й танковый батальон насчитывал 30 легких машин. Но обеспеченность боеприпасами этой, достаточно солидной, группировки оказалась крайне низкой и составляла 0,2–0,4 боекомплекта [6]. В соответствии с указаниями Ставки ВГК, вместе с 37-й армией на Краснодар продолжала наступать 46-я армия, обладавшая не столь высоким боевым потенциалом. Она состояла всего из двух стрелковых дивизий и стрелковой бригады, горно-минометного полка и минометного батальона, других частей. Их общая численность на 1 февраля составляла около 13 тыс. человек, имелись также 59 орудий и 291 миномет [14, л. 21]. К тому же передовые склады боеприпасов, продовольствия и горюче-смазочных материалов армии генерал-майора И. П. Рослого были развернуты в Бжедуховской, примерно в 40 км от фронта, а остальные тылы растянулись на огромную глубину, до Туапсе и даже Сухуми.

Удар на краснодарском направлении был запланирован командующим фронтом ге-

нерал-полковником И. И. Масленниковым на 9 февраля 1943 г. Именно эта дата чаще всего фигурирует в качестве первого дня Краснодарской наступательной операции. Однако еще 5 февраля советская авиаразведка обнаружила отход войск противника перед фронтом 37-й и 46-й армий. В переговорах с руководством этих армий вечером 6 февраля начальник штаба Северо-Кавказского фронта генерал-майор А. А. Забалуев сообщил о требовании И. И. Масленникова преследовать отступающие немецкие части и овладеть Краснодаром к исходу дня 7 февраля. 37-й армии ставилась задача войти в город с северо-запада, а 46-й армии — с востока. Охватить краснодарскую группировку немцев с запада и отрезать ей пути отхода на Темрюк должна была 9-я армия. Однако уже в середине дня 7 февраля по решению штаба

Северо-Кавказского фронта ось наступления 37-й армии была сдвинута к западу с целью еще глубже проникнуть в тыл противника. Вести бой за Краснодар предстояло 46-й армии, еще не завершившей перегруппировку своих сил. При этом в штабе фронта знали о трудностях со снабжением ее войск, но существенной помощи не оказали. А. А. Забалуев предлагал следующее: «Мясо, хлеб заготавливать на месте. ГСМ и артснаряды ИКРЛИЕВСКАЯ, НЕВИННОМЫСК. На транспорт со стороны нас не рассчитывайте, только своими средствами» [15, л.46–51].

И все же преследование отходящих сил противника началось. В районе Динской, на восточной окраине Агронома и Старокорсунской, наступление 46-й армии оказалось задержано усилиями 4-й горной дивизии и 4-го самокатного полка немцев. Они воспользовались

Рис. 3. Наступление советских войск на Кубани 6–12 февраля 1943 г. (карта разработана автором).

укреплениями Краснодарского обвода, подготовленными для защиты города еще летом 1942 г. Генерал-полковник И. И. Маслеников видел причину медлительности в недостаточно грамотном управлении. Ведя переговоры со штабом 46-й армии 8 февраля, он резко раскритиковал его работу: «Эта болтовня продолжается третий день, до сих пор Вы не можете организовать работу так, чтобы Вы знали положение Ваших частей самое большее через час. Сидите у частей под боком и не знаете, что там делается. Доложите командарму, что я не удовлетворен безобразной работой штаба армии и предлагаю обратить внимание на свой штаб» [15, л. 60 об.]. Не ограничившись этим разговором, 9 февраля командующий фронтом лично прибыв в Васюринскую, и только после общения с командармом-46 И. П. Рослым согласился с необходимостью поберечь людей и дождаться подхода артиллерии [9].

Тяжелые бои восточнее Краснодара продолжались в течение 9–10 февраля, после чего 4-я горная дивизия, прикрываясь арьегардами, двинулась в обход Краснодара с севера с тем, чтобы занять очередной промежуточный рубеж к западу от города, на участке Копанской — Елизаветинская. В журнале боевых действий 46-й армии справедливо отмечалось, что германские подразделения пользовались подготовленными оборонительными рубежами и запасами боеприпасов, широко применяли автоматическое, минометное и артиллерийское вооружение, часто проводили контратаки. О собственных войсках было сказано так: «Наши части, в результате длительного преследования противника по бездорожью и при ограниченных нормах отпуска продовольствия и фуража физически сильно утомились. По причинам бездорожья транспорт и материальная часть артиллерии в большинстве своем отстали, что отрицательно сказалось на наступательной активности войск» [1].

В те же дни советские войска сумели потеснить противника на южном берегу р. Кубани. Перегруппировав свои небольшие силы — три стрелковые дивизии и три стрелковые бригады общей численностью около 23 тыс. человек, — 18-я армия 9 февраля активизировала

свои действия и в течение следующего дня овладела узлами сопротивления противника — Лакшукаем, Тугургом и Тлюстенхаблем. К исходу 10 февраля продвинулось вперед и правое крыло 56-й армии: 10-й гвардейский стрелковый корпус взял Шенджий, 32-я и 55-я гвардейские стрелковые дивизии вместе с 83-й горнострелковой дивизией заняли Натухай. Успехи армий А. А. Гречко и А. И. Рыжова объяснялись тем, что к передовой наконец подошла артиллерия усиления с орудиями крупных калибров, а штурмовавшие Шенджий войска были подержаны двумя танковыми батальонами.

Упорство, с которым противник до начала февраля 1943 г. сражался за Краснодар, стало заметно меньшим. Германское командование сумело вывести из предгорий Кавказа группировку своих войск и эвакуировать тыловые учреждения из города. Краснодарский транспортный узел потерял для немцев прежнее значение. В то же время им требовались резервы под Новороссийском. 10 февраля из-под Краснодара туда были направлены основные силы 125-й пехотной дивизии, а двумя днями ранее — полк 198-й пехотной дивизии. Еще одно соединение — словацкая моторизованная дивизия — утратило боеспособность по причине падения боевого духа личного состава. Солдаты дивизии не желали дальше сражаться с Красной Армией, а среди офицеров обсуждалась возможность повернуть оружие против Германии. Поэтому словаки были отведены с фронта и по распоряжению штаба группы армий «А» отправлены в Крым. Вдобавок ко всему сказанному отметим, что для оставшихся в районе Краснодара немецких войск возникла угроза с севера, где продолжалось наступление армий Северо-Кавказского фронта. В сочетании с действиями Черноморской группы войск южнее р. Кубани это все еще могло обернуться для противника окружением.

8 февраля Краснодар покинул штаб 44-го армейского корпуса генерала пехоты М. де Ангелиса. Северные окраины и пригороды краевого центра остались в зоне ответственности 4-й горной дивизии генерал-лейтенанта Г. Кресса. Основную часть города занимала 198-я пехотная дивизии, обязанности командира которой исполнял полковник Фельдман.

Начиная с 9 февраля штабом дивизии приводился в действие план отступления из окрестностей Краснодара. 326-й пехотный полк под ударами 18-й советской армии оставил Лакшукай и Тугургой. Использованный им мост у Тлюстенхабля был взорван, а полк утром 10 февраля занял оборону на линии «Майн» — промежуточном рубеже южнее и восточнее Пашковской. В ночь на 11 февраля 326-й полк вместе с батальоном 308-го пехотного полка перешел на линию «Неккер» между Пашковской и Краснодаром. В это время оккупанты уже приступили к уничтожению наиболее ценных объектов в краевом центре [24].

Вслед за противником в ночь на 11 февраля попытались преодолеть р. Кубань и части 18-й армии, но под огнем противника переправа сорвалась. Успех был достигнут в середине дня. 10-я стрелковая бригада под командованием подполковника Н. М. Ивановского форсировала реку к югу от Пашковской, в районе Нахаловки, а два полка 236-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. Е. Чувакова развернулись на юго-восточной окраине Краснодара, в пойме Старой Кубани. Эти подразделения перешли в подчинение 46-й армии. Утром 11 февраля ее войска преодолели противотанковый ров в восточном секторе краснодарского обвода. В середине дня 248-й и 818-й стрелковые полки 31-й стрелковой дивизии полковника П. К. Богдановича заняли Пашковскую и направились на запад вдоль железной дороги. Южнее продвигалась 40-я мотострелковая бригада генерал-майора Н. Ф. Цепляева.

Все это время на противоположном, западном, конце Краснодара полным ходом шло отступление германских войск. К югу от Яблоновского разведчики 56-й армии наблюдали следующую картину: «Продолжая эвакуацию войск и имущества из Краснодар[а], [противник] сплошной колонной отводит тылы и части по дороге Краснодар, Георгие-Афипская, Северская. В Краснодар[е] отмечено ряд сильных очагов пожара» [16, л. 7]. Днем этим маршрутом город покинул штаб 198-й немецкой пехотной дивизии. Вместе с ним ушла самокатная рота, а затем 308-й пехотный полк и 235-й артиллерийский полк той же дивизии. Все они направлялись в район Ильской и Северской. Последней отходила боевая группа, сформиро-

ванная на основе 326-го пехотного полка, усиленная артиллерией и саперами. Именно она сдерживала наступление 46-й армии.

Вечером 11 февраля на восточной окраине города и в садах, отделявших Пашковскую от Краснодара, передовые советские подразделения столкнулись с арьергардами немцев. Преодолев их сопротивление, войска армии генерал-майора И. П. Рослого в ночь на 12 февраля ворвались в краевой центр. К этому моменту противник практически завершил эвакуацию своих сил, были подорваны мосты через р. Кубань у Яблоновского. Поэтому советские бойцы и командиры встретили организованное сопротивление только в районе железнодорожного вокзала и самом центре Краснодара. В остальном дело свелось к прочесыванию кварталов от небольших групп прикрытия. Утром 12 февраля 31-я стрелковая дивизия вышла на северо-западную окраину города, 10-я и 40-я бригады остались в его центре, а 236-я стрелковая дивизия овладела Яблоновским [7, с. 150–153].

Вдоль северных окраин Краснодара преследовала противника 9-я горнострелковая дивизия под командованием полковника М. В. Евстигнеева. В ночь на 12 февраля она освободила поселок Калинино, а 1329-й горнострелковый полк вышел на северо-западную окраину самого Краснодара. Широкую известность получили действия взвода конной разведки из другого — 121-го — горнострелкового полка. Им было водружено красное знамя на здании краевого комитета ВКП(б). Вместе с тем факт установки знамен в разных частях Краснодара отмечен и в документах других соединений. В Краснодаре и его пригородах советскими войсками было захвачено несколько сотен пленных и взяты трофеи. В основном это были артиллерийские орудия, минометы, стрелковое оружие и автомашины в разной степени исправности.

12 февраля 1943 г. в вечерней сводке Совинформбюро прозвучало сообщение о том, что «на Кубани наши войска в результате решительной атаки овладели городом Краснодар». За этим коротким сообщением стояли четыре недели напряженных боев, в которые были втянуты десятки тысяч человек с каждой стороны. И решился исход борьбы

за Краснодар не на улицах города, а за его пределами. Под нажимом войск Северо-Кавказского фронта к северу и югу от краевого центра немцы в очередной раз отступили на новый рубеж обороны. Понимание этого факта было и тогда, сразу после завершения боев за город. 13 февраля, завершая переговоры со штабом 37-й армии, генерал-майор А. А. Забалуев отметил: «Доложите КОЗЛОВУ, что в целях скрытности от врага Совинформбюро сообщило о взятии КРАСНОДАР частями РОСЛОГО, а не Вами. Военный Совет оценивает взятие КРАСНОДАР при активности Ваших войск» [15, л. 82].

Остается лишь сожалеть, что не были по достоинству оценены усилия бойцов и командиров 56-й и 18-й армий. Ведь им не удалось реализовать планы наступательной операции на краснодарском направлении в том виде, в каком они задумывались Ставкой ВГК в канун 1943 г. Перед Красной Армией на Северном Кавказе были поставлены действительно сложные задачи. Для того чтобы решить их полностью, не оказалось ни сил,

ни времени. Советские войска имели немало слабых сторон, о которых прямо говорилось в итоговой оперативной сводке Северо-Кавказского фронта за февраль 1943 г.: недостаток в управлении частями и соединениями, слабая выучка и организация подразделений, отставание артиллерии и тылов, пробелы в работе разведки.

Противник сумел избежать окружения своей группировки на Северном Кавказе и разгрома в районе Краснодара. Всякий раз, когда у советских войск намечался успех, немцы прибегали к энергичным действиям: контратаквали, перебрасывали резервы на угрожаемый участок, выводили свои силы из-под удара. Подготовленные позиции, хорошая обеспеченность автотранспортом, средствами связи и боеприпасами позволяли германским войскам успешно вести маневренную оборону. Все это говорит о том, что в 1943 г. Красной Армии пришлось иметь дело с опытным и умелым врагом. Но этому врагу пришлось отступить, и с этого отступления зимой 1943 г. начался перелом в Великой Отечественной войне.

Ilya V. KISELEV

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Krasnodar Higher Military Aviation School
for Pilots named after A. K. Serov,
Krasnodar, Russian Federation,
ilya.v.kiselev@yandex.ru

Difficulties of Liberation: Battles for Krasnodar in Early 1943

Abstract. The offensive operation of the Red Army in the North Caucasus in 1943 was one of the turning points of the Great Patriotic War of 1941–1945. During this battle, on February 12, Krasnodar, the administrative center of the Kuban and an important transport hub in southern Russia, was liberated from German occupation. According to the tradition established in historiography, the struggle for this city is associated with the events of the first half of February 1943, when the fighting took place within the city and on the outskirts of Krasnodar. The aim of the publication was a comprehensive study of the course of the struggle for Krasnodar between the Red Army and the Wehrmacht in early 1943. The article used the data presented in the works of A.S. Zavyalov, A.S. Kalyadin, A.A. Grechko, V. Tike, S.V. Janusz, R. Forzik. The main sources for the study were Soviet and German operational documents of the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation and the National Archives and Documentation Administration of the United States. Along with them, the memories of the participants in the hostilities near Krasnodar were used. In the course of the study, the author relied on historical-comparative and historical-genetic methods. The planning and preparation of the operation in the Krasnodar direction are analyzed, the Soviet and German-Romanian forces are characterized, the main

stages of the battles for Krasnodar are identified, the operations of the Red Army combat units in the course of the struggle for the city are studied and systematically described. Particular emphasis is placed on studying the difficulties that the Soviet troops encountered during the first large-scale offensive operation in the North Caucasus. Considerable attention is paid to determining the motives that guided the Soviet and German military commanders during the struggle for Krasnodar. The Red Army failed to implement the full-scale offensive plans near Krasnodar. Victories near Stalingrad and the Middle Don allowed counting on the defeat of the troops of Germany and its allies in the North Caucasus. But the Soviet troops did not have enough strength and time to implement this plan. The command of the German Seventeenth Army managed to escape encirclement and divert its forces to the line prepared for defense—the Kuban bridgehead. Nevertheless, the winter campaign of 1943 ended with a retreat, which means the defeat of the Wehrmacht in the Caucasus and the entire south of Russia, the beginning of a turning point in the struggle on the Soviet-German front.

Keywords: Great Patriotic War, 1942–1943 battle for Caucasus, Krasnodar, Transcaucasian Front, North Caucasian Front, German Seventeenth Army.

Использованная литература:

1. Выписка из журнала боевых действий 46 полевой армии за февраль м[еся]ц 1943 г. [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения 21.02.2020).
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2.
3. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969.
4. Живая история в «особняке» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Общественной палаты города Краснодара. URL: <http://op-krd.ru/zhivaya-istoriya-v-osobnyake/> (дата обращения 13.02.20).
5. Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1957.
6. Итоговая оперативная сводка штаба 37-й армии за январь 1943 г. [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения 15.02.20).
7. Краснодар в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. и документов. Краснодар: Холидэй, 2014.
8. Краткий доклад об оперативной обстановке на фронте Черноморской группы войск Закавказского фронта на 20.1.43 г. [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения 12.02.20).
9. Рослий И. П. Последний привал — в Берлине. М.: Воениздат, 1983.
10. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5). Ставка ВГК: Документы и материалы. В 4 ч. Ч. 2. 1942 год. М.: ТЕРРА, 1996.
11. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5). Ставка ВГК: Документы и материалы. В 4 ч. Ч. 3. 1943 год. М.: ТЕРРА, 1999.
12. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М.: Эксмо, 2005.
13. Тюленев И. В. Через три войны. М.: Воениздат, 1960.
14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 51. Оп. 932. Д. 209.
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 51. Оп. 932. Д. 442.

References:

1. Pamyat Naroda. (2020) *Vypiska iz zhurnala boevykh deystviy 46 polevoy armii za fevral' m[esya]ts 1943 g.* [Extract from the journal of military operations of the 46th field army for February 1943]. [Online] Available from: <https://pamyat-naroda.ru>. (Accessed: 21.02.2020).
2. State Archive of Krasnodar Krai. Fund R-897. List 1. File 2.
3. Grechko, A.A. (1969) *Bitva za Kavkaz* [The battle for the Caucasus]. Moscow: Voениzdat.
4. Public Chamber of Krasnodar. (2020) *Zhivaya istoriya v "osobnyake"* [A living history in the "mansion"]. [Online] Available from: <http://op-krd.ru/zhivaya-istoriya-v-osobnyake/>. (Accessed: 13.02.2020).
5. Zav'yalov, A.S. & Kalyadin, T.E. (1957) *Bitva za Kavkaz* [The battle for the Caucasus]. Moscow: Voениzdat.
6. Pamyat Naroda. (2020) *Itogovaya operativnaya svodka shtaba 37-y armii za yanvar' 1943 g.* [The final operational summary of the headquarters of the 37th Army for January 1943]. [Online] Available from: <https://pamyat-naroda.ru>. (Accessed: 15.02.2020).
7. Buzin, Yu.G. & Burmagin, A.G. (2014) *Krasnodar v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Krasnodar during the Great Patriotic War]. Krasnodar: Kholidey.
8. Pamyat Naroda. (2020) *Kratkiy доклад ob operativnoy obstanovke na fronte Chernomorskoy gruppy voysk Zakavkazskogo fronta na 20.1.43 g.* [A brief report on the operational situation on the front of the Black Sea Group of Forces of the Transcaucasian Front for 20 January 1943]. [Online] Available from: <https://pamyat-naroda.ru>. (Accessed: 12.02.2020).
9. Roslyy, I.P. (1983) *Posledniy prival – v Berline* [The last halt is in Berlin]. Moscow: Voениzdat.
10. Zolotarev, V.A. (ed.) (1996) *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 16 (5). Stavka VGK: Dokumenty i materialy. V 4 ch.* [Russian archive: The Great Patriotic War. Vol. 16 (5). High Command Headquarters: Documents and materials. In 4 parts]. Pt. 2. Moscow: TERRA.
11. Zolotarev, V.A. (ed.) (1999) *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 16 (5). Stavka VGK: Dokumenty i materialy. V 4 ch.* [Russian archive: The Great Patriotic War. Vol. 16 (5).

16. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 51. Оп. 932. Д. 512.
17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 276. Оп. 811. Д. 189.
18. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 158.
19. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 7.
20. Януш С. В. Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006.
21. Forczyk R. *The Kuban 1943. The Wehrmacht's last stand in the Caucasus*. Oxford: Osprey Publishing, 2018.
22. National Archives and Records Administration. T. 311. R. 152. Fr. 7200505.
23. National Archives and Records Administration. T. 311. R. 152. Fr. 7200592.
24. National Archives and Records Administration. T. 315. R. 2378. Fr. 000494.
25. National Archives and Records Administration. T. 501. R. 77. Fr. 000933–000939.
26. National Archives and Records Administration. T. 501. R. 77. Fr. 001122, 001125–001127.
- High Command Headquarters: Documents and materials. In 4 parts]. Pt. 3. Moscow: TERRA.
12. Tike, V. (2005) *Marsh na Kavkaz. Bitva za neft'. 1942–1943 gg.* [A march to the Caucasus. The battle for oil. 1942–1943]. Moscow: Eksmo.
13. Tyulenev, I.V. (1960) *Cherez tri voyny* [Through three wars]. Moscow: Voenizdat.
14. Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Fund 51. List 932. File 209.
15. Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Fund 51. List 932. File 442.
16. Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Fund 51. List 932. File 512.
17. Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Fund 276. List 811. File 189.
18. Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Fund 371. List 6367. File 158.
19. Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Fund 1721. List 1. File 7.
20. Yanush, S.V. (2006) *Bitva za Kavkaz: problemy voyskovykh operatsiy (1942–1943 gg.)* [The Battle for the Caucasus: Problems of Military Operations (1942–1943)]. History Dr. Diss. Stavropol.
21. Forczyk, R. (2018) *The Kuban 1943. The Wehrmacht's last stand in the Caucasus*. Oxford: Osprey Publishing.
22. National Archives and Records Administration. T. 311. R. 152. Fr. 7200505.
23. National Archives and Records Administration. T. 311. R. 152. Fr. 7200592.
24. National Archives and Records Administration. T. 315. R. 2378. Fr. 000494.
25. National Archives and Records Administration. T. 501. R. 77. Fr. 000933–000939.
26. National Archives and Records Administration. T. 501. R. 77. Fr. 001122, 001125–001127.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Киселев И. В. Трудности освобождения: бои за город Краснодар в начале 1943 года / И. В. Киселев // Наследие веков. – 2020. – № 2 – С. 31–44. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.003

Full bibliographic reference to the article:

Kiselev, I. V. (2020) Difficulties of Liberation: Battles for Krasnodar in Early 1943. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 31–44. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.003

КРИНКО Евгений Федорович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Южного научного центра Российской академии наук;
профессор кафедры отечественной истории XX-XXI веков Южного
федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Evgeny F. KRINKO

Dr. Sci. (Historiography, Source Studies
and Methods of Historical Research), Main Researcher,
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences;
Prof., Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,

krinko@ssc-ras.ru

ORCID: 0000-0003-3008-5626

ЗАХАРИНА Екатерина Александровна

магистрант Института истории и международных отношений
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Ekaterina A. ZAKHARINA

Master's Student,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
gorelowa.kat@yandex.ru

УДК [94(470+430)-054.73"1941/45"]:381.858
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.004

**«Восточные рабочие»: динамика
представлений и образов
в СССР и современной России¹**

**Ostarbeiters: The Dynamics
of Perceptions and Images
in the USSR and Modern Russia²**

История оstarбайтеров – одна из трагических и малоизученных страниц Великой Отечественной войны. Цель статьи – исследовать трансформацию образов и представлений о «восточных рабочих» в СССР и современной России. Основными источниками стали оккупационные и советские газеты, плакаты, художественная литература, исторические

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра Российской академии наук, номер государственной регистрации проекта: АААА-А19119011190182-8.

² The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, project state registration number: АААА-А19119011190182-8.

исследования, интернет-архивы и другие проекты. Авторы опирались на системный подход, ситуационный и источниковедческий анализ. В годы войны оккупационные газеты и плакаты пропагандировали преимущества работы в Германии для советских граждан, в то время как советская печать, напротив, подчеркивала тяжелое положение «остовцев». После войны публикации о них практически прекратились. Интерес к теме возобновился с выходом романа Виталия Сёмина. Профессиональные исследования истории остарбайтеров начались в 1990-х гг. благодаря рассекречиванию архивов. В последнее время в связи с уходом из жизни бывших «восточных рабочих» интерес к их истории постепенно снижается.

Ключевые слова: остарбайтеры («восточные рабочие»), принудительный труд, Великая Отечественная война, репатриация, историческая память, историография, Третий рейх, пропаганда, художественные образы.

75-летие Победы в Великой Отечественной войне актуализирует обращение к проблемам отражения ее событий в исторической памяти. Широкому обсуждению подвергаются вопросы о формировании самого пространства памяти о войне, специфике представления в нем различных групп и участников войны; выясняются причины, по которым одни из них получили право на увековечивание, а другие были преданы забвению [3; 20; 26]. К таким «забытым» на долгое время вопросам относятся и судьбы советских граждан, вывезенных во время войны на работу в Германию и другие страны, оккупированные Третьим рейхом. Их называли «восточными рабочими» (по-немецки остарбайтерами) или просто «остовцами». Только в последние годы появился ряд специальных исследований по истории «восточных рабочих».

Целью статьи является исследование трансформации научных, популярных и художественных образов «восточных рабочих» в СССР и в современной России. Данные вопросы не были прежде предметом специального исследования и лишь фрагментарно затрагивались в более общих публикациях о судьбах «остовцев» [1; 8; 17; 28]. Основными источниками изучения стали оккупационные и советские газеты, плакаты, художественная литература, исторические исследования, интернет-архивы и другие проекты. Авторы опирались на системный подход и ситуационный анализ. Использовался также источниковедческий анализ рассматриваемых исторических источников.

Следует отметить, что до войны нацистское руководство, планируя блицкриг, не рассчитывало применять труд советских граждан в Германии. Однако вскоре германская экономика стала испытывать острую потребность в рабочих руках. Уже в январе 1942 г. с оккупированных территорий СССР отправился первый транспорт с «восточными рабочими», а летом и осенью того же года их вывоз в Германию достиг максимального количества.

Остарбайтеры носили специальный опознавательный знак «OST» с номером, на который должны были отзываться. Они не попадали под действие германского трудового законодательства, нередко подвергались телесным наказаниям, а их зарплата была намного меньше, чем у немецких рабочих. В сельской местности «остовцам» могли вообще не платить.

Вследствие тяжелых условий жизни и голода у «восточных рабочих» росла смертность, поэтому германское руководство было вынуждено повысить нормы питания, чтобы сохранить рабочую силу. К концу войны положение «остовцев» несколько улучшилось, случаи издевательств со стороны хозяев сократились, особенно в преддверии советского наступления. В результате смертность среди остарбайтеров от болезней и недоедания снизилась, однако многие в конце войны погибли под бомбами союзников по антигитлеровской коалиции [28, с. 257–258].

Уже в годы войны появились первые публикации о судьбе «восточных рабочих». Выходившие на оккупированной территории

СССР газеты нередко публиковали рассказы об их жизни в Германии с пропагандистской целью. Так, менее чем через месяц после захвата Ростова-на-Дону, 17 августа 1942 г., печатный орган управления бургомистра города Ростова-на-Дону «Голос Ростова» писал: «Поездка дает им возможность повысить свою квалификацию, исправить пробелы убогого советского образования, познакомиться ближе с наукой и жизнью этой удивительной страны» [39, л. 3об.].

Однако желающих отправиться в Германию оказалось меньше, чем ожидалось, и оккупационным властям приходилось искать новые аргументы. 18 октября в той же газете была опубликована статья под красноречивым названием «Слухи и факты». Ростовчан пытались убедить не верить плохим новостям про жизнь и работу в Германии. Пропагандистскую роль была призвана выполнять и публикация писем «остовцев». 12 ноября «Голос Ростова» опубликовал отрывки из некоторых писем под общим названием «Как нам живется в Германии». В одном из них Василий Гутманов из Битбурга писал своей тете Анне в Краснодарский край: «Пишу вам из Великой Германии. Я работаю у хозяина, очень хорошего человека. Он мне выдал комбинезон для работы и такой воскресный костюм, которого я еще не видал, 2 рубашки, 4 пары чулок, 1 пару сапог, ботинки и туфли. Кроме того, я по карточкам купил себе пальто, жакет, брюки, 2 пары чулок и 1 рубашку». Далее автор письма сообщал: «Кушаю я вдоволь все, чего моей душе хочется. По воскресеньям я хожу в церковь и кино. Я здесь сыт, одет и обут, и когда я приеду, вы меня не узнаете — так возмужал» [38, л. 41об.]. Ольга Панченко из Гамбурга писала отцу в село Ивановку Ростовской области: «Я работаю на бумажной фабрике браковщицей, принимаю со станков работу. Немецкие женщины относятся к нам очень вежливо и дружелюбно, хорошо объясняют работу. Живем мы в общежитии при фабрике, нам выдали кровати и по два одеяла. Кормят нас хорошо — 3 раза в день. Я поправилась на 10 кг. В свободное время мы гуляем в садике. Живется мне хорошо. Здесь действительно культура. Такая красота кругом — цветы, чистота» [38, л. 41об.].

Иллюстрациями к таким рассказам служили немецкие пропагандистские плакаты, показывавшие художественными средствами, как хороша жизнь немецких рабочих, наделенных всеми благами цивилизации, какие преимущества получили «восточные рабочие» и как прекрасно их встретили в Германии. На плакатах изображены довольные жизнью, дружелюбные, улыбающиеся, здоровые люди в рабочей, но чистой и аккуратной одежде. Показательны сами заголовки и подписи на плакатах: «Работа в германской семье доставляет радость», «Мы едем в Германию работать за мир и лучшее будущее», «С приобретенными знаниями, вернувшись на родину, ты всегда найдешь хорошее место» и т.д. Дополнительным аргументом, наряду с визуальным рядом, выступало использование в текстах плакатов родного языка для основной целевой аудитории — украинского на территории Украинской ССР, откуда было угнано большинство «остовцев» [6].

После освобождения территорий СССР советские газеты стали публиковать письма «восточных рабочих» из Германии, нередко подчеркивая, что сведения в оккупационной печати представляли собой прямую дезинформацию. Например, газета «Молот» — орган Ростовского обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета депутатов трудящихся — сразу после освобождения города посчитала своим долгом дать свой ответ на вышеупомянутую статью: «Продажный фашистский черносотенный листок „Голос Ростова“, издававшийся немецким командованием при помощи презренных предателей родины, 12 ноября 1942 г. поместил отрывки из нескольких писем — „Как нам живется в Германии“.

Письма эти были сочинены тут же в редакции или явились следствием жесточайшей цензуры, не пропускающей ни одного слова правды» [13, л. 18]. Подобные статьи, в том числе с отсылками к конкретным материалам оккупационных газет, появлялись неоднократно [13, л. 28]. В письмах «остовцев», опубликованных в советских газетах, подчеркивалась тяжесть условий их жизни и труда в Германии. Красноречиво звучит общее название этих публикаций: «Письма с немецкой каторги» [27].

К данной теме не раз обращались ведущие советские писатели и журналисты. Так, Н. С. Тихонов в статье, вышедшей в газете «Красная звезда», писал: «В Германию угоняют русских девушек. Их продают там на невольничьих рынках. Ужасна судьба этих дочерей советского народа, попавших в немецкий полон» [36]. Описания трагических судеб советских граждан в Германии завершались призывами к воинам Красной армии защитить Родину и спасти своих близких. В 1943–1945 гг. сборники писем и рассказов «восточных рабочих» были изданы отдельными брошюрами [7; 25; 33; 34].

Тема рабского положения советских граждан в Германии нашла отражение и в советском плакатном искусстве. Уже в 1942 г. появились плакаты В. Б. Корецкого «Боец, спаси меня от рабства!», изображавший за колючей проволокой девочку с висящим на груди лагерным номером, и Д. А. Шмаринова «Я жду тебя, воин-освободитель», на котором юноша-подросток приподнимает лагерный номер, чтобы с приходом Красной армии совсем сорвать его. В следующем 1943 г. были созданы плакаты А. Г. Вязникова «Освободи!», Б. В. Иогансона «Боец, освободи от фашистского гнета!», Л. Ф. Голованова «Боец, освобождай советских людей от немецкой каторги!» и многие другие. Обычно на советских плакатах изображались изможденные и оборванные, со слезами на глазах девушки и женщины, маленькие дети, а то и старики, подвергавшиеся угону в Германию или протягивавшие руки к предполагаемым освободителям с мольбой о помощи. В пропагандистских целях использовались образы представителей наиболее беззащитных групп, подвергавшихся насилию, символами которого выступали связанные руки, лагерные номера в форме бирки на шее или нашивки на одежде, колючая проволока. В реальности стариков и маленьких детей на работы в Германию не везли: нацистское руководство было заинтересовано в дешевой рабочей силе, а не в дополнительных социальных расходах. У остарбайтеров проверяли состояние здоровья, а признанных не способными к труду отправляли назад [28, с. 132].

Лишь на некоторых плакатах 1943 г. у советских граждан изображены главные симво-

лы «восточных рабочих» — нашивки „OST“, притом неверно, в форме нарукавной повязки с черными буквами, как на плакате «Воин Красной армии, выручи!» художника В. С. Иванова. Под дулом немецкого автоматчика с закатанными рукавами советские девушки и женщины несут ящики на плечах. Надпись на плакате гласит: «Дело Красной армии, армии мстителей,— полностью рассчитаться с гитлеровскими людоедами за их безмерные преступления. Наш долг, наша святая обязанность — заплатить немцам пулей за каждую девичью слезу, снарядом — за каждый стон, бомбой — за страдания, муки и гибель каждого советского гражданина, увезенного фашистами в немецкое рабство». А на плакате «Я хочу жить» художника Ф. В. Антонова у пишущей письмо матери и вытирающей платком слезы девушки на руке — белая повязка с черными строчными, а не прописными, буквами и желтыми краями. Очевидно, что советские художники-плакатисты просто не знали еще, как выглядел в реальности знак „OST“.

Необходимость принимать специальные решения в отношении «восточных рабочих» встала перед советским руководством, когда части Красной армии перешли государственную границу СССР. 24 августа 1944 г. вышло постановление Государственного комитета обороны (ГКО) СССР о возвращении (репатриации) на Родину советских граждан, оказавшихся по разным причинам за границей [31, л. 237–239]. Затем ГКО принял еще ряд постановлений о репатриации советских граждан. А 4 октября 1944 г. Совет народных комиссаров (СНК) СССР принял постановление о назначении Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации советских граждан генерал-полковника Ф. И. Голикова.

Ф. И. Голиков дал несколько интервью в советской печати о возвращении на родину граждан, оказавшихся за рубежом. Затем был издан специальный сборник, включавший данные тексты и другие ранее опубликованные материалы. В них приводились данные о количестве репатриантов, сообщалось о том, что все советские граждане, оказавшиеся за рубежом, ожидают возвращения на родину. В сборнике также высказывались претензии к союзным властям за срыв репатриации

и содержание советских граждан в неудовлетворительных условиях [30]. Управлением по делам репатриации советских граждан для самих «восточных рабочих» был издан ряд брошюр с характерными названиями: «Домой на Родину», «Родина знает о твоих муках», «Твой долг перед Родиной» [4; 10; 22].

Вскоре после войны С. В. Михалков написал пьесу «Я хочу домой», удостоенную Сталинской премии второй степени в 1946 г. и через три года экранизованную. В свою очередь, режиссер фильма А. М. Файнциммер был удостоен за него Сталинской премии третьей степени в 1951 г. В пьесе и фильме рассказывалось о том, как советские офицеры разыскивают в Германии приют с советскими детьми и добиваются их возвращения на родину, невзирая на противодействие английской разведки. Очевидно, что успех книги и фильма определялся политической конъюнктурой начала «холодной войны».

В 1948 г. была написана повесть С. Н. Самсонова «По ту сторону» — о подростках, вывезенных в Германию. Предназначенная для школьников, она создавала героические образы юных патриотов, веривших в свое освобождение Красной армией, несмотря на все испытания, через которые им пришлось пройти. Оставаясь практически единственным художественным произведением на данную тему, повесть «По ту сторону» несколько раз переиздавалась, в том числе на китайском языке.

Постепенно публикации о судьбе «восточных рабочих» в послевоенном СССР прекратились, а сами они перестали считаться жертвами войны. Многие подвергались дискриминации в связи с пребыванием на работах в Германии, не говоря о психологических переживаниях, и стремились скрыть эти факты своей биографии, чтобы избежать возможных преследований. Как вспоминал В. С. Жабский: «И вот это слово — „репатриант“ — оно... долго меня ведь жгло. Оно не совмещалось как-то... передовик предприятия — и репатриант». Чтобы устроиться на учебу в вечернюю школу, он переписал автобиографию, указав, что находился на оккупированной территории. Но в комсомол подавать заявление не стал, предполагая, что придется рассказывать правду [39, л. 29], которую скрывал, по его

словам, даже от своих близких, опасаясь (особенно в первые годы) уже не за себя, а за них, а затем делал это по привычке: «Черт-те как жизнь пойдет, что, кто придет к власти, как. Ведь преследовали нас при Сталине. Очень сильно преследовали» [39, л. 70].

Лишь в годы «оттепели» упоминания о репатриантах попали на страницы первого крупного обобщающего труда по истории Великой Отечественной войны. Здесь впервые указывалось на незаконность репрессий в отношении многих репатриированных, ответственность за которые возлагалась на «враждебные действия Берии и его сообщников». В то же время отмечалась помощь советского правительства репатриантам в трудовом и жилищном устройстве [18, с. 638].

В рассматриваемый период вышли воспоминания бывшего руководителя советской репатриационной миссии в английской зоне оккупации Германии — полковника А. И. Брюханова. В соответствии со сложившейся еще в конце войны официальной позицией, в них отмечалось, что возвращение советских граждан стремились сорвать правительства Англии и США, не пускавшие перемещенных лиц (репатриантов) на Родину [5].

Только в 1964 г. на украинском языке вышло следующее художественное произведение по данной теме — повесть В. Л. Кашина «Гонимые во мраке». В ней рассказывалось о судьбе украинской девушки Нади, увезенной на работу в Германию, где она встретила с пленным французом Виктором. Автор подчеркивал противостояние героини своим хозяевам, стремившимся превратить ее в рабыню. Дальнейшей судьбе Виктора была посвящена изданная В. Л. Кашиным в 1976 г. повесть «Вдогонку за жизнью». Еще одним ее героем стал угнанный в Германию подросток Володя, участвовавший в антифашистском сопротивлении.

Настоящим прорывом в длительный период умалчивания о судьбах «восточных рабочих» стал автобиографический в своей основе роман ростовского писателя В. Н. Сёмина «Нагрудный знак „OST“». По воспоминаниям вдовы автора, В. Н. Сёминой (Кононыхиной), работа над романом шла тяжело. Первая редакция была направлена в «Новый мир» еще в 1973 г.

под названием «Право на жизнь». Но вопрос о печатании решался долго, дважды набор рассыпали. Только в 1976 г. роман был опубликован в журнале «Дружба народов», а через два года вышел отдельной книгой, сразу ставшей популярной. Впоследствии она была переиздана в Польше, Чехословакии, ГДР, ФРГ [19, с. 610]. Уже после смерти автора, в 1981 г., в журнале «Дружба народов», а на следующий год отдельным изданием вышло ее продолжение — незавершенный роман «Плотина», посвященный освобождению оstarбайтеров и их репатриации. Опираясь на собственные воспоминания, В. Н. Семин ушел в своих произведениях от ходульных образов и героической патетики, воссоздав с присущей ему как писателю скрупулезной точностью многомерный мир и противоречивость жизни и переживаний «остовцев» в Германии и их сложно-го возвращения на Родину.

Судьба оstarбайтеров затрагивалась и в других художественных произведениях. Среди них изданный в 1985 г. роман Ю. Г. Слепухина «Сладостно и почетно», одним из героев которого стала угнанная в Германию советская девушка, а также посвященная белорусским и украинским «восточным рабочим» документальная повесть В. С. Липского и Б. И. Чалого «Люби меня при всякой доле», вышедшая в 1989 г.

С начала 1990-х гг. и у историков появились новые возможности в изучении данной темы — благодаря рассекречиванию архивных документов. Среди первых подобных публикаций надо отметить хорошо фундированные статьи В. Н. Земскова о репатриации советских граждан [14; 15]. После смерти автора вышла монография по итогам его исследований возвращения перемещенных лиц в СССР в 1944–1952 гг. [16] В 1993 г. была опубликована книга журналиста и писателя В. И. Андриянова, подчеркивавшая трагизм судеб «остовцев» на основе их собственных свидетельств, писем и воспоминаний [1]. Наиболее крупным исследованием истории «восточных рабочих» на основе различных исторических источников стала монография П. М. Поляна. В ней раскрыты обстоятельства вербовки оstarбайтеров, их жизни и труда в Германии, возвращения на Родину, а также проблемы выплаты ком-

пенсаций за принудительный труд [28]. Истории оstarбайтеров посвящен и ряд других исследований [8; 21; 35; 42]. Необходимо отметить публикации воспоминаний бывших «остовцев», сам выход которых, а также круг затрагиваемых авторами вопросов и их оценки стали прямым подтверждением значительных перемен в восприятии данной темы общественным сознанием [23; 41].

Возникший на рубеже 1980–1990-х гг. интерес к рассматриваемой теме позволил осуществить ряд проектов по документированию истории оstarбайтеров, в первую очередь, выразившихся в записи их воспоминаний. Не последнюю роль в этом сыграли начавшиеся выплаты немецких компенсаций бывшим «восточным рабочим». После первых публикаций об этом в историко-просветительское, благотворительное, правозащитное общество «Мемориал» поступило около 400 тыс. писем бывших «восточных рабочих», ошибочно полагавших, что они смогут получить здесь соответствующее вознаграждение [28, с. 18].

Сотрудники архива «Мемориала» также в числе первых приступили к записи устных рассказов «остовцев». В настоящее время в архиве «Мемориала» — более 300 интервью с бывшими «восточными рабочими». Небольшая часть из них опубликована [17], а большинство представлено в интернет-проекте «Та сторона». Создатели проекта подчеркивают свой интерес к повседневности оstarбайтеров — «вне официальных торжеств, страниц учебников, перемещений войск — жизнь обычных людей, оказавшихся в орбите самого трагического события мировой истории» [29]. Специально для проекта разработана система публикации текстовых источников «Archivist», позволившая создать разные типы указателей и вспомогательных словарей. Она облегчает поиск сведений об определенном населенном пункте, организации или человеке, упоминаемом в интервью.

Представленные тексты интервью свидетельствуют о том, что спустя многие годы после окончания войны некоторые бывшие «остовцы» все еще продолжали доказывать, что в Германии оказались не по своей воле и преступлений против Родины не соверша-

ли. В частности, ростовчанин В. И. Турняк подчеркивает, что не был призван в армию до оккупации в силу своего несовершеннолетия: «Ну, значит, война началась, я учился и работал, мне еще не было восемнадцати, и меня в армию не брали. Я даже писал заявление добровольно уйти в армию, но меня почему-то не взяли. Нет, не взяли, так я и остался». Далее он указывает еще одну причину, по которой оказался на оккупированной территории, откуда отправился в Германию: «Но ввиду того, что я учился, у меня была отсрочка» [9].

С другой стороны, в изменившихся условиях бывшие «остовцы» стали признавать, что, наряду с немцами, подвергавшими советских граждан физическим истязаниям, им встречались и противоположные примеры: «Находились такие люди, что если б не подкармливали, то не знаю, как можно было выжить вот на эти 70 граммов хлеба в день». Л. Н. Бекетова, например, рассказывает, как неизвестная женщина вынесла «такой сверток большой. И дала мне этот сверток и говорит: „Иди, иди, иди“. Я пришла, развернула — там простынь, пододеяльник и наволочка <...> она дала мне это все, и я перестала спать на одних одеялах» [40].

Подводя итоги, следует отметить, что исторические образы «восточных рабочих» и сами представления о них со временем эволюционировали. Газеты и плакаты, издававшиеся оккупантами в захваченных областях СССР, формировали представления о том, что для советских граждан приезд в Германию был несомненным благом, хорошей основой для дальнейшего профессионального роста и личностного развития, что мало соответствовало действительности. В советской печати, напротив, подчеркивалась жестокость немецких хозяев, рабская участь невольников-остарбайтеров. Эти представления также были продиктованы пропагандой, призванной формировать у советских военнослужащих чувство ненависти к врагу.

В брошюрах и статьях, вышедших в конце и сразу после войны, подчеркивалось, что все советские граждане, несмотря на тяжелые испытания, остались патриотами и безоговорочно хотели вернуться на Родину, звучали обвинения в адрес английской и американской

военных администраций за срыв эвакуации. Однако вернувшиеся «остовцы» нередко сталкивались с негативным отношением к себе. На протяжении нескольких десятилетий о «восточных рабочих» рассказывалось лишь в отдельных публикациях. Наиболее глубоким опытом осмысления их драматических судеб, предпринятым в художественной форме, стал роман «Под знаком „OST“» В. Н. Сёмина.

С начала 1990-х гг. складывается отечественная историография проблемы. На основе множества источников официального и личного происхождения историки разрабатывают различные аспекты данной темы, выявляя особенности угона и жизни в Германии «остовцев», а также их репатриации и последующей судьбы.

Однако всплеск общественного и научного внимания к этой теме в начале 1990-х гг. сменяется снижением интереса к ней с уходом из жизни бывших «восточных рабочих». В отличие от других групп советского населения с травматическим опытом прошлого (жертв политических репрессий, депортированных народов, военнопленных, детей войны), «остовцы» так и не нашли своего места в российской мемориальной культуре, существенное место в которой отводится Победе в Великой Отечественной войне.

Главную роль в сохранении памяти о них в России играет «Международный Мемориал». В 2005 г. его сотрудники вместе с архивами и фондом «Взаимопонимание и примирение» устроили выставку про остарбайтеров в Музее современной истории, в 2010 г. в музее на Поклонной горе прошла немецкая выставка на ту же тему [32], а в 2018 г. была организована выставка-инсталляция «Postscriptum: Восточные рабочие в Третьем рейхе» [11]. В создании выставки принимали участие московские школьники. Она основана на письмах бывших «остовцев», рассказывает об их повседневности и труде на заводах и фермах, о дружбе и любви, побегах и бомбежках, наконец, об освобождении и последующей жизни в СССР.

Количество других музейных экспозиций и выставок, в которых находит отражение тема принудительного труда советских граждан в Германии, остается незначительным.

Например, на базе ростовской гимназии № 52 еще в 2005 г. создан школьный музей «Антифашист», в настоящее время носящий имя Александра Ароновича Печерского. Наряду с коллекцией личных вещей, подаренных бывшими советскими военнопленными и узниками нацистских лагерей, музей содержит немало экспонатов, связанных с «остовцами» [24]. Подобный опыт отражает тенденцию «вписать» оstarбайтеров в сложившиеся мемориальные практики увековечивания памяти участников антифашистского сопротивления.

Представляется перспективным создание виртуальных архивов и баз данных, рассказывающих о судьбе «восточных рабочих»,

в том числе на основе записанных с ними интервью. Кроме упомянутого интернет-проекта «Та сторона» можно отметить и проект «Фонд 21» как цифровую версию коллекции «Мемориала» по истории принудительного труда [37]. В общем доступе находятся фотографии, письма, документы «остовцев», относящиеся к их жизни в оккупации, на принудительных работах, а также после фильтрации и возвращения на родину. Применение современных форм хранения и презентации информации о «восточных рабочих» предоставляет новые возможности в ее использовании не только в исследовательских, но и в просветительских, воспитательных и образовательных целях.

Evgeny F. KRINKO

Dr. Sci. (Historiography, Source Studies and Methods of Historical Research), Main Researcher, Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences; Prof., Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, krinko@ssc-ras.ru
ORCID: 0000-0003-3008-5626

Ekaterina A. ZAKHARINA

Master's Student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, gorelowa.kat@yandex.ru

Ostarbeiters: The Dynamics of Perceptions and Images in the USSR and Modern Russia

Abstract. The history of “Eastern workers” (Ostarbeiters) is one of the most tragic problems of the Great Patriotic War. Ostarbeiters were citizens of the USSR forced to work in Germany during the Great Patriotic War. The aim of the article is to investigate the transformation of the scientific, popular, and artistic images of “Eastern workers” in the USSR and in modern Russia. The sources of the study were occupation and Soviet newspapers, posters, fiction, historical research, Internet archives, and other projects. The authors used a systematic approach, a situational analysis and a source study of historical sources. Occupation newspapers and German posters created ideas about the benefits of working in Germany for Soviet citizens. These propaganda images were little in line with reality. On the contrary, the Soviet press emphasized the cruelty of the German masters, the slave fate of the Ostarbeiters. These ideas were supposed to create a sense of hatred towards the enemy among Soviet soldiers. In August 1944, the Soviet government decided to return (repatriate) all Soviet citizens from abroad. The Council of People’s Commissars of the USSR created the Department of the Commissioner of the USSR Council of People’s Commissars for the Repatriation of Soviet citizens. The staff of the Department urged the “Eastern workers” to return home. Soviet authors accused the British and American military administration of disrupting the repatriation of Soviet citizens. In their homeland, however, many migrant workers experienced discrimination and concealed their work in Germany.

Publications about “Eastern workers” in the USSR almost stopped in the post-war period. The history of the Ostarbeiters was forgotten for many years. It was only in 1976 when the memory-based novel by the Rostov writer Vitaly Semin *The OST Chest Badge* was published. The novel was the first deep experience of comprehending the dramatic fates of “Eastern workers” in an artistic form. In the years of the Perestroika, other artistic works about the Ostarbeiters appeared. Professional historical research on the Ostarbeiters began in the 1990s after the declassification of archives. Contemporary historians study various aspects of the subject based on official documents, memories, and other sources. German compensation to the Ostarbeiters helped to increase public interest in the history of the “Eastern workers”. Former Ostarbeiters started to actively talk about their fate and publish memoirs. The first Internet archive of interviews with the Ostarbeiters appeared. However, with the demise of the “Eastern workers”, interest in their history gradually decreases.

Keywords: Ostarbeiters (“Eastern workers”), forced labor, Great Patriotic War, repatriation, historical memory, historiography, Third Reich, propaganda, artistic images.

Использованная литература:

1. Андриянов В.И. Память со знаком OST: Судьба «восточных рабочих» в их собственных свидетельствах, письмах и документах. М.: Воскресенье, 1993.
2. Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М.: Вече, 2015.
3. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010.
4. Брычев Н.Ф. Домой, на Родину! О возвращении на Родину советских граждан, освобожденных из фашистской неволи. М.: Воениздат, 1944.
5. Брюханов А. Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. М.: Госполитиздат, 1958.
6. В один конец. Материалы Бундесархива об оккупации, депортации и труде в Германии [Электронный ресурс] // Та сторона. Устная история военнопленных и остарбайтеров. URL: <https://tastorona.ru/articles/5> (дата обращения: 12.03.2020).
7. В фашистском аду. Рассказы советских людей, побывавших в гитлеровской неволе. М.: Госполитиздат, 1943.
8. Вербицкий Г. Остарбайтеры: история россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. 3-е изд., испр. СПб.: СПб гос. ун-т, 2004.
9. Виктор Иванович Турняк [Электронный ресурс] // Та сторона. Устная история военнопленных и остарбайтеров. URL: <https://archive.tastorona.ru/documents/8a6fb919158387c6b6b4f83b89881ea1#> (дата обращения 14.03.2020).
10. Вистин М.А. Родина знает о твоих муках. [М.]: Воениздат, 1945.
11. Выставка Postscriptum. Восточные рабочие в Третьем Рейхе [Электронный ресурс] // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/projects/vystavka-postscriptum> (дата обращения 15.03.2020).
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 550.

References:

1. Andriyanov, V.I. (1993) *Pamyat' so znakom OST: Sud'ba "vostochnykh rabochikh" v ikh sobstvennykh svidetel'stvakh, pis'makh i dokumentakh* [Memory with the OST sign: The fate of the “Eastern workers” in their own testimonies, letters, and documents]. Moscow: Voskresen'e.
2. Arzamaskin, Yu.N. (2015) *Tayny sovetskoy repatriatsii* [Secrets of Soviet repatriation]. Moscow: Veche.
3. Boryugov, G.A. (2010) *Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory. The cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI.
4. Brychev, N.F. (1944) *Domoy, na Rodinu! O vozvrashchenii na Rodinu sovetskikh grazhdan, osvobozhdennykh iz fashistskoy nevoli* [Home, to the homeland! On the return of Soviet citizens released from fascist captivity to their homeland]. Moscow: Voenizdat.
5. Bryukhanov, A. (1958) *Vot kak eto bylo. O rabote missii po repatriatsii sovetskikh grazhdan. Vospominaniya sovetskogo ofitsera* [This is how it was. On the work of the mission to repatriate Soviet citizens. Memoirs of a Soviet officer]. Moscow: Gospolitizdat.
6. Ta Storona. (2020) *V odin konets. Materialy Bundesarkhiva ob okkupatsii, deportatsii i trude v Germanii* [One way. Materials of the Bundesarchive on occupation, deportation and labor in Germany]. [Online] Available from: <https://tastorona.ru/articles/5>. (Accessed: 12.03.2020).
7. Gospolitizdat. (1943) *V fashistskom adu. Rasskazy sovetskikh lyudey, pobyvavshikh v gitlerovskoy nevole* [In the fascist hell. The stories of Soviet people who were in Nazi captivity]. Moscow: Gospolitizdat.
8. Verbitskiy, G. (2004) *Ostarbaytery: istoriya rossiyan, nasilstvenno vyvezennykh na raboty v Germaniyu vo vremya Vtoroy mirovoy voyny* [Ostarbeiters: The history of Russians forcibly taken to work in Germany during World War II]. 3rd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Ta Storona. (2020) *Viktor Ivanovich Turnyak*. [Online] Available from: <https://archive.tastorona.ru/docum>

13. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 442.
14. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.
15. Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.
16. Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. Наук; Центр гуманитарных инициатив, 2016.
17. Знак не сотрется: Судьбы оstarбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М.: Мемориал, 2016.
18. История Великой Отечественной войны Советского Союза: в 6 т. Т. 4: Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения народов Европы от фашистского ига (1944 год). М.: Воениздат, 1962.
19. Кононыхина В. За строкой Нагрудного знака "OST" // Семин В.Н. Нагрудный знак "OST". М.: АСТ, 2015. С. 599–612.
20. Кринко Е.Ф. Великая Отечественная война: формирование пространства исторической памяти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство Юж. науч. центра Рос. акад. наук, 2010. С. 21–27.
21. Кринко Е.Ф. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений: Сб. науч. ст. / Под ред. И.В. Ребровой, Н.А. Чугунцовой. Краснодар: Эдарт Принт, 2009. С. 42–60.
22. Леснов М. Твой долг перед родиной. [Б.м.]: Воениздат, 1945.
23. Михалёва А.И. Где вы, мои родные..?: дневник оstarбайтера. М.: АСТ, 2015.
24. Музей «Антифашист» [Электронный ресурс] // Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение г. Ростова-на-Дону "Гимназия № 52 имени Александра Ароновича Печерского". URL: <https://gymnasium52.ru/index.php/muzej-antifashist> (дата обращения: 12.03.2020).
25. Немецкая каторга. М.: Молодая гвардия, 1943.
26. Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
27. Письмо с каторги // Молот. 1943. 25 мая.
28. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2002.
29. Проект «Та сторона». О проекте [Электронный ресурс] // Та сторона. Устная история военнопленных и оstarбайтеров. URL: <http://tastorona.su/info/page/1> (дата обращения 14.03.2020).
30. Репатриация советских граждан. Сборник официальных материалов. М.: Военное издательство, 1945.
31. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 296.
- ents/8a6fb919158387c6b6b4f83b89881ea1#. (Accessed: 14.03.2020). [In Russian].
10. Vistin, M.A. (1945) *Rodina znaet o tvoikh mukakh* [Homeland knows about your torment]. [Moscow]: Voenizdat.
11. Memorial. (2020) *Vystavka Postscriptum. Vostochnye rabochie v Tret'em Reykhe* [Postscriptum Exhibition. Eastern workers in the Third Reich]. [Online] Available from: <https://www.memo.ru/ru-ru/projects/vystavka-postscriptum>. (Accessed: 15.03.2020).
12. State Archive of the Russian Federation. Fund R-7021. List 16. File 550.
13. State Archive of Rostov Oblast. Fund R-3613. List 1. File 442.
14. Zemskov, V.N. (1990) K voprosu o repatriatsii sovetskikh grazhdan 1944–1951 gg. [To the question of repatriation of Soviet citizens 1944–1951]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 26–41.
15. Zemskov, V.N. (1991) Rozhdenie "vtoroy emigratsii" (1944–1952) [The birth of the "second emigration" (1944–1952)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 3–24.
16. Zemskov, V.H. (2016) *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952 gg.* [The return of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952]. Moscow: Institute of Russian History, RAS; Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
17. Mikhaylov, N., Shcherbakova, I., Kozlova, A. & Ostrovskaya, I. (2016) *Znak ne sotretsya: Sud'by ostarbayterov v pis'makh, vospominaniyakh i ustnykh rasskazzakh* [The sign will not be erased: The fate of the Ostarbeiters in letters, memoirs and oral stories]. Moscow: Memorial.
18. Pospelov, P.N. et al. (eds) (1962) *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz: v 6 t.* [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union: In 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Voenizdat.
19. Kononykhina, V. (2015) Za strokoy Nagrudnogo znaka "OST" [Behind the line of the OST Chest Badge]. In: Semin, V.N. *Nagrudnyy znak "OST"* [The OST Chest Badge]. Moscow: AST. pp. 599–612.
20. Krinko, E.F. (2010) [The Great Patriotic War: The formation of the space of historical memory]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v prostranstve istoricheskoy pamyati rossiyskogo obshchestva* [The Great Patriotic War in the space of historical memory of Russian society]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don, Taganrog 28–29 April 2010. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Southern Scientific Centre, RAS. pp. 21–27. (In Russian).
21. Krinko, E.F. (2009) Repressirovannaya pamyat': vospominaniya nesovershennoletnikh "vostochnykh rabochikh" [Repressed memory: Recollections of minor "Eastern workers"]. In: Rebrova, I.V. & Chuguntsova, N.A. (eds) *Vtoraya mirovaya voyna v pamyati pokoleniy* [World War II in the memory of generations]. Krasnodar: Edart Print. pp. 42–60.
22. Lesnov, M. (1945) *Tvoy dolg pered rodinoy* [Your duty to the homeland]. [S.l.]: Voenizdat.
23. Mikhaleva, A.I. (2015) *Gde vy, moi rodnye..?: dnevniki ostarbaytera* [Where are you, my dear?: An Ostarbeiter's diary]. Moscow: AST.
24. Gymnasium 52. (2020) *Muzej "Antifashist"* [The Antifascist Museum]. [Online] Available from: <https://>

32. Сдобнов С. Авторы книги «Знак не сотрется»: «Долгие годы ими никто не гордился, они не были «участниками войны» [Электронный ресурс] // URL: <https://daily.afisha.ru/brain/7512-dolgie-gody-imi-nikto-ne-gordilsya-oni-ne-byli-uchastnikami-voyny> (дата обращения 12.03.2020).
33. Смерть рабовладельцам! Сборник. Саратов: Газетно-кн. изд-во обкома ВКП(б), 1943.
34. Советские люди на немецкой каторге. Сборник. М: Госполитиздат, 1943.
35. Стругова М.Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // *Голос минувшего*. 2000. № 3–4. С. 47–52.
36. Тихонов Н. Рынок невольников // *Красная звезда*. 1942. 2 августа.
37. Фонд 21 [Электронный ресурс]. URL: <https://fond21.memo.ru> (дата обращения 13.03.2020).
38. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 69.
39. Центр устной истории Международного Мемориала. Интервью с Виктором Степановичем Жабским (20 июля 2005 г., г. Новочеркасск. Интервьюер А. Козлова. Длительность 4 ч 30 мин.) [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.tastorona.su/documents/55ce00398522190a00019aaf#> (дата обращения 29.05.2020).
40. Центр устной истории Международного Мемориала. Интервью с Лидией Николаевной Бекетовой (16 июля 2005 г., г. Таганрог. Интервьюер А. Козлова. Длительность 2 ч 50 мин.) [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.tastorona.su/documents/55b55c0ffb0c190c00f9009c#> (дата обращения 29.05.2020).
41. Черненко М. Чужие и свои. Документальная повесть. М.: Текст, 2001.
42. Чистова Б., Чистов К. Преодоление рабства. Фольклор и язык оstarбайтеров. М.: Звенья, 1998.
- gymnasium52.ru/index.php/muzej-antifashist. (Accessed: 12.03.2020).
25. Erburg, I. (1943) *Nemetskaya katorga* [German katorga]. Moscow: Molodaya gvardiya.
26. Gabovich, M. (ed.) (2005) *Pamyat' o voyne 60 let spustya. Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. *Molot*. (1943) Pis'mo s katorgi [A letter from katorga]. 25 May.
28. Polyak, P.M. (2002) *Zhertvy dvukh diktatur. Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of two dictatorships. Life, work, humiliation, and death of Soviet prisoners of war and Ostarbeiters in the foreign land and at home]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
29. Ta Storona. (2020) *Proekt "Ta storona". O proekte* [The project Ta Storona/That Side. About the project]. [Online] Available from: <http://tastorona.su/info/page/1>. (Accessed: 14.03.2020).
30. Voennoe izdatel'stvo. (1945) *Repatriatsiya sovetskikh grazhdan. Sbornik ofitsial'nykh materialov* [Repatriation of Soviet citizens. Collection of official materials]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
31. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 644. List 1. File 296.
32. Sdobnov, S. (2017) *Avtory knigi "Znak ne sotretsya": Dolgie gody imi nikto ne gordilsya, oni ne byli "uchastnikami voyny"* [The authors of the book "The Sign Will Not Be Erased": For many years no one was proud of them, they were not "participants in the war"]. [Online] Available from: <https://daily.afisha.ru/brain/7512-dolgie-gody-imi-nikto-ne-gordilsya-oni-ne-byli-uchastnikami-voyny>. (Accessed: 12.03.2020).
33. Regional Committee of the CPSU(b). (1943) *Smert' rabovladel'tsam! Sbornik* [Death to the slave owners! An Anthology]. Saratov: Gazetno-kn. izd-vo obkoma VKP(b).
34. Gospolitizdat. (1943) *Sovetskie lyudi na nemetskoy katorge. Sbornik* [Soviet people in the German katorga. An anthology]. Moscow: Gospolitizdat.
35. Strugova, M.R. (2000) *Repatriatsiya sovetskikh grazhdan v Krasnodarskiy kray v 1945–1946 gg.* [Repatriation of Soviet citizens to Krasnodar Krai in 1945–1946]. *Golos minuvshogo*. 3–4. pp. 47–52.
36. Tikhonov, N. (1942) *Rynok nevol'nikov* [The slave market]. *Krasnaya zvezda*. 2 August.
37. *Fond 21*. [Online] Available from: <https://fond21.memo.ru>. (Accessed: 13.03.2020).
38. Documentation Center for Modern History of Rostov Oblast. Fund R-3. List 2. File 69.
39. Ta Storona. (2005a) *Interv'y u s Viktorom Stepanovichem Zhabskim (20 iyulya 2005 g., g. NovoCherkassk. Interv'yuer A. Kozlova. Dlitel'nost' 4 ch 30 min.)* [Interview with Viktor Zhabsky (July 20, 2005. NovoCherkassk. Interviewed by A. Kozlova. Duration: 4 hours 30 minutes)]. [Online] Available from: <http://archive.tastorona.su/documents/55ce00398522190a00019aaf#>. (Accessed: 29.05.2020).
40. Ta Storona. (2005b) *Interv'y u s Lidiey Nikolaevoynoy Beketovoy (16 iyulya 2005 g., g. Taganrog. Interv'yuer A. Kozlova. Dlitel'nost' 2 ch 50 min.)* [Interview with Lidia Beketova (July 16, 2005. Taganrog. Interviewed by A. Kozlova. Duration: 2 hours 50 minutes)]. [Online] Available

from: <http://archive.tastorona.su/documents/55b55c0ffb0c190c00f9009c#>. (Accessed: 29.05.2020).

41. Chernenko, M. (2001) *Chuzhie i svoi. Dokumental'naya povest'* [Aliens and natives. A documentary story]. Moscow: Tekst.

42. Chistova, B. & Chistov, K. (1998) *Preodolenie rabstva. Fol'klor i yazyk ostarbayterov* [Overcoming slavery. Folklore and the language of Ostarbeiters]. Moscow: Zven'ya.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кринко Е. Ф. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России / Е. Ф. Кринко, Е. А. Захарина // Наследие веков. – 2020. – № 2 – С. 45–56. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.004

Full bibliographic reference to the article:

Krinko, E. F., Zakharina, E. A. (2020) Ostarbeiters: The Dynamics of Perceptions and Images in the USSR and Modern Russia. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 45–56. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.004

САМАНДАРОВ Сейфаддин Сабир оглу
доктор экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
«Теоретические основы экономической политики
и история экономической мысли»
Института экономики
Национальной академии наук Азербайджана,
Баку, Азербайджанская Республика
Seyfaddin S. SAMANDAROV
Doctor of Economics, Assoc. Prof.,
Chief Researcher, Institute of Economics,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan Republic,
seyfeddinsamandarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7939-0990

УДК 929:33(479.24+470)
ГРНТИ 03.29.00
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.005

**Перед лицом эпохи:
судьба и научное мировоззрение
Балабека Джаббар оглу
Гасанбекова**

**In the Face of the Era:
The Fate and Scientific Worldview
of Balabek Jabbar oglu Gasanbekov**

Цель статьи – реконструкция биографии и анализ особенностей научного мировоззрения Балабека Джаббар оглу Гасанбекова, видного ученого-экономиста, внесшего существенный вклад в развитие экономической теории в Азербайджане. Автором применены историко-биографический, диахронный и историко-системный методы. Материалами послужили архивные документы, публикации азербайджанской прессы 1930-х гг., научные работы Б. Д. Гасанбекова, а также труды азербайджанских историков о преступлениях сталинизма. Изучены этапы биографии Б. Д. Гасанбекова, проанализированы работы ученого, посвященные вопросам, актуальным для экономической теории в 20–30-х гг. XX в. Определено, что Б. Д. Гасанбеков придавал большое значение улучшению условий жизни рабочих. Он предлагал постепенное проведение частичной коллективизации в эволюционной форме, что создало бы предпосылки тотальной коллективизации. По мнению автора, именно эти идеи ученого можно считать главной причиной его несправедливого осуждения и трагической гибели.

Ключевые слова: Б. Д. Гасанбеков, Азербайджан, экономическая политика, политэкономия, социалистическое строительство, рабочая сила, коллективизация, кооперация, политические репрессии.

Обучение и научно-педагогическая деятельность Б. Д. Гасанбекова. В период 20–30-х гг. XX в. в Азербайджане, как и в других советских республиках, осуществлялись трансформационные процессы, основное содержание которых заключалось в переходе от капиталистической формации к социализму. В силу ряда причин этим процессам сопутствовали массовые репрессии, производившиеся по социальному признаку и политическим мотивам, при этом незаконным санкциям подвергались представители любых профессий, получившие клеймо «врага народа» или безосновательно обвиненные в соотрудничестве с различными иностранными спецслужбами, вредительстве и т.д.

Научно-педагогическая деятельность азербайджанского экономиста Б. Д. Гасанбекова охватывает именно этот — сложный и полный особенностей — период истории XX столетия, наложивший свой отпечаток на судьбы людей, искренне желавших внести вклад в развитие науки. К сожалению, биография и научное мировоззрение талантливого ученого исследованы очень мало: о его трагической судьбе повествуют главным образом работы З. М. Бунятова, написанные в начале 1990-х гг. на основе материалов архивов НКВД [3; 4]. Между тем изучение научного наследия Б. Д. Гасанбекова в наше время представляется достаточно актуальным, поскольку в своих работах экономист неоднократно затрагивал комплекс проблем, связанных с социальным обеспечением, совершенствованием бытовых условий жизни трудящихся и повышением их культурного уровня. Данная тематика перекликается с программными документами, отражающими основы социальной политики современных развитых государств, провозглашающих в качестве одного из главнейших ориентиров такой политики улучшение качества жизни граждан. Настоящее исследование посвящено изучению жизненного пути, профессиональной биографии и научных взглядов Б. Д. Гасанбекова, при этом ряд связанных с этими аспектами источников вводится в научный оборот впервые.

Балабек Джаббар оглу Гасанбеков родился 1899 г. в городе Гяндже (в то время — Елисаветполь) в семье ремесленника. Перво-

начальное обучение прошел в высшем начальном училище¹. Затем, в 1916–1917 гг., за счет средств Тифлисского благотворительного общества учился в среднетехническом училище. В своей автобиографии ученый писал, что именно эти годы сыграли огромную роль в формировании его политических взглядов.

Вернувшись в 1918–1919 гг. в Гянджу, будущий экономист продолжил учебу в местной гимназии. В 1920 г. вступил в ряды Азербайджанской Коммунистической партии и участвовал в работе ее первого съезда.

В первые годы советизации Азербайджана, после апрельских событий 1920 г., Б. Д. Гасанбеков был председателем Гянджинского городского революционного комитета, одновременно являясь редактором газеты «Красная Гянджа». До 1922 г. он занимал различные ответственные посты в партийных органах и других учреждениях города.

В 1922 г. будущий ученый был направлен по партийной линии в Москву для получения высшего образования. В столице Б. Д. Гасанбеков одновременно поступил в Высшее техническое училище и Первый Московский государственный университет на экономическое отделение факультета общественных наук. После окончания университета молодой специалист в течение трех лет продолжал учебу в отделе экономики Института Коммунистической партии. В 1925–1926 гг. Б. Д. Гасанбеков преподавал политэкономии в должности доцента на педагогическом факультете Второго Московского государственного университета.

В 1929 г. по решению партийного руководства Б. Д. Гасанбеков вернулся на родину, одновременно заняв должность преподавателя экономических факультетов Азербайджанского государственного университета и Азербайджанского сельскохозяйственного университета. В конце 1920-х гг. в высшей школе Азербайджана были проведены структурные изменения, в результате которых некоторые факультеты обрели статус самостоятельных вузов, работа ряда институтов была временно

¹ Высшие начальные училища – общеобразовательные заведения Российской империи, промежуточные между начальными и средними.

приостановлена. В этих условиях Б. Д. Гасанбеков продолжал свою научно-педагогическую деятельность в качестве заведующего кафедрой в Азербайджанском педагогическом университете.

Одним из главных событий в жизни ученого можно называть его участие в Первой Всероссийской конференции аграрников-марксистов (1929) в качестве представителя бакинских коммунистов. При этом Б. Д. Гасанбеков был избран членом президиума съезда. Данный форум был знаменателен еще и тем, что 27 декабря 1929 г. с его трибуны И. В. Сталин обрушился с жесткой критикой «теории равновесия» между секторами народного хозяйства, «теории самотёка» в социалистическом строительстве и «теории устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства, назвав эти идеи антимарксистскими и правооппортунистическими. Главное внимание на конференции, тем не менее, было сфокусировано в основном на вопросах сущности и природы социалистических хозяйств в деревне, ликвидации кулачества и т. д.

В своих трудах, созданных в 1930-х гг., Б. Гасанбеков анализировал главным образом вопросы коллективизации, аграрные реалии и связанные с ними производственные отношения в Советском Союзе. Между тем начало 30-х гг. для молодого ученого следует считать успешным: в 1931 г. Государственный ученый совет Азербайджанской ССР утвердил его на профессорскую должность. В 1930–1931 гг., после создания Азербайджанского государственного научно-исследовательского института (АзГНИИ), Б. Д. Гасанбеков был назначен на должность директора его экономического отдела, являясь также председателем научного семинара для аспирантов-экономистов и членом президиума АзГНИИ.

Первая монография ученого была опубликована в 1931 г., а с 1933-го он непрерывно преподавал курс теоретической экономики в Институте марксизма-ленинизма. Помимо этого Б. Д. Гасанбеков являлся членом редакционной коллегии журнала «Азербайджанское социалистическое хозяйство».

В 1935 г. Азербайджанский государственный университет возобновил свою работу, и Б. Д. Гасанбеков стал его ректором, воз-

Балабек Джаббар оглу Гасанбеков (1899-1937), тюремное фото (1937 г.) [3]

главив кафедру экономики в этом вузе и кафедре политэкономии и экономической политики в Высшем педагогическом институте [1]. 30 марта 1936 г. по указанию первого секретаря ЦК Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков) Б. Д. Гасанбеков был назначен редактором экономического и сельскохозяйственного отдела Азербайджанской Советской Энциклопедии.

Внезапные изменения произошли в жизни ученого в 1937 г. 28 января он был арестован и впоследствии обвинен как сторонник контрреволюционной троцкистской организации. Ученого-экономиста допрашивали четырежды, но каждый раз он отвергал все обвинения. В республиканской прессе в этот период против Б. Д. Гасанбекова и других ученых была начата масштабная обвинительно-пропагандистская кампания.

3–9 июня 1937 г., во время XIII съезда АКП(б), Б. Д. Гасанбеков и его соратники по цеху были объявлены «националистическими буржуазными элементами» и «пропагандистами вредных идей и концепций» в высших и педагогических учебных заведениях.

Гасанбеков подвергся особенно сильным нападкам как «разжигатель националистических настроений». Приговор в его отношении был приведен в исполнение 12 октября 1937 г. [2] Лишь 5 ноября 1956 г. вдова ученого Антонина Ивановна Гасанбекова получила справку о его посмертной реабилитации [3] [4, с. 100].

Научная деятельность и экономические взгляды Б. Д. Гасанбекова. Основные научные труды Б. Д. Гасанбекова относятся главным образом к 1930-м гг. Статьи ученого

были посвящены актуальным в тот период дискуссионным вопросам и публиковались на страницах республиканских журналов и газет («Азербайджанское социалистическое хозяйство», «Большевик», «Бакинский рабочий» и т.д.). Наибольшую ценность и важность в научном наследии Б. Д. Гасанбекова представляют работы «Коллективизация азербайджанского села», «Изучение коллективизации в национальных окраинах», «Зарплата, цена, прибыль», «Освещение политического завещания Ленина Бухариным», «Разногласия между Лениным и Бухариным в национальном вопросе», «Очерки о воспроизводстве», «Люксембургизм в политэкономии».

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. особое место в научной деятельности Б. Д. Гасанбекова занимала проблематика, связанная с теоретическими вопросами организации труда в новом обществе. В своих работах он критиковал буржуазных экономистов и социологов, при этом основными вопросами полемических рассуждений были сущность и характер труда в различных формациях, в том числе при капитализме и социализме. Кроме того, в Азербайджане Б. Д. Гасанбекова можно считать главным оппонентом теоретических положений Н. И. Бухарина относительно сущности, природы и организации труда [2].

Некоторые проблемы, отраженные в научных работах Б. Д. Гасанбекова, представляют значительный интерес с точки зрения изучения истории национальной экономической мысли. Ученый, в частности, неоднократно критиковал «теорию самотёка» в социалистическом строительстве [5], анализировал организацию и развитие рабочей силы (особенно на территории национальных окраин), теоретические и практические вопросы кооперации. В статье «Организация и переподготовка рабочей силы в Азербайджане» он исследовал процессы формирования национальных человеческих ресурсов в республике. Б. Д. Гасанбеков писал, что рабочая сила представляет собой основную долю производительных сил в условиях социалистических реалий, что без правильной организации рабочей силы невозможно добиться увеличения масштабов развития в производственной сфере. И в этом направлении, как полагал ученый, экономика

Азербайджана вынуждена была преодолевать определенные трудности.

Несмотря на то, что безработица была полностью ликвидирована и с развитием коллективных хозяйств рабочая сила стала использоваться более рационально, Б. Д. Гасанбеков считал, что особого внимания заслуживают следующие моменты:

- при социализме нельзя формировать и развивать рабочую силу посредством капиталистических методов;

- основной компонент производительных сил страны следует формировать и развивать планомерно, поскольку это связано с сущностью и закономерностями социалистической экономики;

- раньше основную долю рабочего класса составляли выходцы из провинции (Ирана и России), впоследствии закономерно произошли количественные и качественные изменения в составе рабочих;

- бакинская нефтяная промышленность развивалась обособленно, находясь в изоляции от экономики республики в целом;

- нельзя забывать о прежнем колониальном положении республики, о преградах в развитии крестьянской массы; при формировании рабочей силы необходимо искать ее основной источник в самой республике.

Продолжая свои рассуждения в данном направлении, Б. Д. Гасанбеков пришел к следующим выводам:

- следует систематически привлекать азербайджанских женщин к производству;

- без хорошо организованной системы социального обеспечения (детские ясли, общежития) широкое участие женщин в производственном процессе представляется невозможным;

- необходимо всячески улучшать быт рабочих и повышать их культурный уровень;

- опыт организованного и планомерного развития рабочего контингента следует распространять в других городах республики (Нуха, Гянджа, Дашкесан и др.) [6].

Проблемы коллективизации в работах Б. Д. Гасанбекова. Помимо проблем социалистической организации труда в начале 1930-х гг. в научной деятельности ученого значимое место занимает анализ особенно-

стей коллективизации на территории национальных окраин Советского Союза [8].

По мнению Б. Д. Гасанбекова, колхозное движение, как и другие общественные явления, базируется на диалектических законах и является очень сложным процессом. И важно правильно выявить все закономерности этого движения. Основываясь при его изучении на гегелевском подходе, можно утверждать, что дальнейшее развитие и результат зависят от начала данного процесса [7, с. 3].

Развивая эти идеи, Б. Д. Гасанбеков писал, что главной задачей и преимуществом партии является то что, она всегда делает свой выбор в пользу ведущих, основных компонентов процесса, которые впоследствии дают этому процессу направление для дальнейшего развития. В ходе реконструкции сельского хозяйства в социалистических условиях партия придает особое значение укреплению артельной формы колхозов, однако в этом вопросе имеются определенные разногласия. Некоторые ученые, по мнению Б. Д. Гасанбекова, неправильно понимали внутреннюю динамику колхозного движения, другие забывали, что артели являются в нем главным звеном, требующим укрепления. При этом они, приводя некоторые статистические данные, считали, что самое главное — это

само колхозное движение, а начало процесса коллективизации не имеет значения. Именно это и являлось главной причиной искусственного увеличения числа колхозных хозяйств и их членов.

Были и исследователи, выдвигавшие противоположные доводы, считая целесообразным под лозунгом укрепления артелей приостановление развития колхозного движения. Их основной теоретико-методологический принцип можно сформулировать следующим образом: главное — это начало, а само движение не имеет никакого смысла, поэтому следует приостановить прием новых членов в колхозное движение.

Б. Д. Гасанбеков считал оба эти подхода неверными и в качестве альтернативы им предлагал осуществление частичной коллективизации в эволюционной форме. Он полагал, что только таким образом можно создать оптимальный баланс между простыми и сложными явлениями, возникающими в процессе коллективизации, в результате чего на основе внутренних законов в дальнейшем она приняла бы тотальный характер.

Именно эти мысли ученого, выраженные ярко и открыто, можно считать главной причиной его несправедливого осуждения и трагической гибели.

Seyfaddin S. SAMANDAROV

Doctor of Economics, Assoc. Prof.,
Chief Researcher, Institute of Economics,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan Republic,
seyfeddinsamandarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7939-0990

*In the Face of the Era: The Fate and Scientific Worldview
of Balabek Jabbar oglu Gasanbekov*

Abstract. The aim of the article is to reconstruct the biography and analyze the features of the scientific worldview of Balabek Jabbar oglu Gasanbekov, a prominent scientist and economist who made a significant contribution to the development of economic theory in Azerbaijan. The application of historical-biographical, diachronic and historical-systematic methods ensured the logical conditionality and consistency of the biographical facts established during the study, helped to include them in the historical context of the studied period. The research materials were archival documents, publications of the Azerbaijani press of the 1930s, Gasanbekov's scientific works, as well as the works of Azerbaijani historians on the mass repressions of the Stalinist era. Starting the reconstruction of Gasanbekov's biography from the period of his personal formation, the author successively considers the years of

the future economist's training in Tiflis and Ganja, his joining the ranks of the Communist Party of Azerbaijan and subsequent party and public work in 1920–1922. The further stages of Gasanbekov's biography connected with obtaining higher education in Moscow and subsequent scientific and pedagogical activities in universities of Moscow and in Azerbaijan are described. The author views the First All-Russian Conference of Marxist Agrarians (1929) as a forum that became one of the main events in Gasanbekov's life. In the early 1930s, Gasanbekov created his main works on the issues of the development of collectivization, agricultural realities, and related production relations in the Soviet Union. In 1935, Gasanbekov became the rector of Azerbaijan State University, but two years later his active social and scientific activities were tragically interrupted by illegal arrest and a death sentence. The article analyzes Gasanbekov's works on human resource formation in Azerbaijan. It is determined that he attached great importance to the development of the social security system and the improvement of workers' living and cultural conditions. The analysis of Gasanbekov's works on collectivization led to the conclusion that the scientist proposed a gradual implementation of partial collectivization in an evolutionary form, which over time would have created prerequisites for total collectivization. According to the author, it is these thoughts of Gasanbekov, expressed clearly and openly, that can be considered the main reason for his unfair conviction and tragic death.

Keywords: Balabek Jabbar oglu Gasanbekov, Azerbaijan, economic policy, political economy, socialist construction, labor force, collectivization, cooperation, political repression.

Использованная литература:

1. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АП-ДУПАР). Ф. 1. Оп. 8. Д. 1681.
2. Бакинский рабочий. 1932. №120.
3. Буниятов З. М. Следственное дело №12493 // Элм. 1990. 18 августа. № 33.
4. Буниятов З. М. Красный террор. Баку: Азернешр, 1993 (на азерб. яз.).
5. Гасанбеков Б. Д. Дискуссии Ленина и Бухарина относительно программы коммунистической партии // Большевик. Орган Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков). 1929. 30 декабря. № 10-11. С. 77–84.
6. Гасанбеков Б. Д. Организация и переподготовка рабочей силы в условиях Азербайджана // Социалистическое хозяйство Азербайджана. 1932. №1(5). С. 7–19.
7. Гасанбеков Б. Д. Некоторые вопросы тотальной коллективизации в Азербайджане // Социалистическое хозяйство Азербайджана. 1932. №5-6 (9-10). С. 3–9.
8. Национальная академия наук Азербайджана. Отдел комплектования и систематизации научного наследия Азербайджана. Ф. 2. Оп. 2. Д. 21. Коробка 13. Л. 1–6, 34.

References:

1. Archive of Political Documents under the Administration of the President of the Republic of Azerbaijan (APDUPAR). Fund 1. List 8. File 1681.
2. *Bakinskiy rabochiy*. (1932)120.
3. Buniyatov, Z.M. (1990) Sledstvennoe delo №12493 [Investigation Case No. 12493]. *Elm*. 18 August. 33.
4. Buniyatov, Z.M. (1993) *Krasnyy terror* [The Red Terror]. Baku: Azerneshr. (In Azerbaijani).
5. Gasanbekov, B.D. (1929) Diskussii Lenina i Bukharina otноситel'no programmy kommunisticheskoy partii [Discussions of Lenin and Bukharin on the program of the Communist Party]. *Bol'shevik*. 30 December. 10–11. pp. 77–84.
6. Gasanbekov, B.D. (1932) Organizatsiya i perepodgotovka rabochey sily v usloviyakh Azerbaydzhana [Organization and retraining of labor force in the conditions of Azerbaijan]. *Sotsialisticheskoe khozyaystvo Azerbaydzhana*. 1(5). pp. 7–19.
7. Gasanbekov, B.D. (1932) Nekotorye voprosy total'noy kollektivizatsii v Azerbaydzhane [Some issues of total collectivization in Azerbaijan]. *Sotsialisticheskoe khozyaystvo Azerbaydzhana*. 5–6 (9–10). pp. 3–9.
8. Azerbaijan National Academy of Sciences. Department of Acquisition and Systematization of the Scientific Heritage of Azerbaijan. Fund 2. List 2. File 21. Box 13. Sheets 1–6, 34.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Самандаров С. С. Перед лицом эпохи: судьба и научное мировоззрение Балабека Джаббар оглу Гасанбекова / С. С. Самандаров // Наследие веков. – 2020. – № 2 – С. 57–62. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.005

Full bibliographic reference to the article:

Samandarov, S.S. (2020) In the Face of the Era: The Fate and Scientific Worldview of Balabek Jabbar oglu Gasanbekov. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 57–62. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.005

ШЕБЫРОВА Лариса Геннадьевна
преподаватель Колледжа инновационных технологий
и сервиса «Галактика»
Москва, Российская Федерация
Larisa G. SHEBYROVA
Lecturer, College of Innovative Technologies
and Service "Galaxy",
Moscow, Russian Federation,
larisa-igsh@yandex.ru

УДК 929:57(470)
ГРНТИ 03.29.00
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.006

Российский период в жизни и деятельности Сергея Ивановича Метальникова

The Russian Period in the Life and Work of Sergei Metalnikov

Статья посвящена российскому периоду биографии Сергея Ивановича Метальникова, выдающегося ученого – зоолога, протистолога, микробиолога, иммунолога и философа. На основании архивных и опубликованных документов с использованием классических теоретических методов исторического исследования подробно восстановлены основные события его жизни (вплоть до момента эмиграции во Францию): детство, университетские годы, создание семьи, формирование научных интересов, начало работы в науке и постепенная адаптация в научном социуме, зарубежные командировки и стажировки, становление как исследователя и крупного деятеля науки и образования. Особое внимание уделено деятельности ученого на Высших женских (Бестужевских) курсах. Показано, что исследуемый период в жизни С. И. Метальникова был весьма успешным с точки зрения его научной карьеры, однако обстоятельства и последовательные политические взгляды вынудили его в конце концов покинуть страну.

Ключевые слова: биография, история науки, С. И. Метальников, Санкт-Петербургская биологическая лаборатория, Высшие женские (Бестужевские курсы), Институт Пастера, эмиграция.

В 2020 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося российского ученого Сергея Ивановича Метальникова (1870–1946) — зоолога, протистолога, микробиолога, иммунолога, философа, значительную часть своей жизни проведшего в эмиграции во Франции и работавшего в Институте Пастера. Личность

ученого, обессмертившего свое имя работами в указанных областях и признанного основоположником психонейроиммунологии, интересна как для биологов и историков науки, так и для исследователей истории русского научного зарубежья. Жизнь Сергея Ивановича была связана и с Югом России: его семья вла-

дела именем Артек в Крыму, а сам он заслуженно считается одним из основателей Таврического университета.

В последние годы личность Метальникова активно раскрывается в целом ряде публикаций, посвященных различным аспектам его научной биографии. Среди них можно найти работы, в которых дается общий разбор его жизни и научной деятельности [16] [18]; выявляются факты, восстанавливающие биографию ученого или ее отдельные детали на основании архивных документов [19] [21]; рассматривается его участие в организации и работе Таврического университета [17]; освещается экономическая деятельность его семьи [3]; исследуется его биография в контексте судеб представителей русской научной эмиграции [20]. Отметим также ряд наших работ, посвященных социокультурным аспектам его биографии [41], французскому периоду жизни и научной деятельности [40], а также вкладу ученого в становление и развитие иммунологии [42].

Данная статья посвящена российскому периоду биографии Метальникова. Ее цель — реконструкция основных событий его жизни (в первую очередь тех, которые сформировали его как ученого) с помощью классических теоретических методов исторического исследования (нарративный, историко-генетический, хронологический). Отметим, что в статье подробно рассмотрена деятельность Метальникова на Высших женских (Бестужевских) курсах, до сих пор не получившая должного освещения в историко-научной литературе.

Значительную долю источниковой базы данной работы составляют архивные материалы. Среди них — две автобиографии (точнее, автобиобиблиографии) ученого, написанные им от третьего лица. Одна из них хранится в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом), в фонде библиографа и историка русской литературы, автора «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова [12], и датируется 1913 г. Вторая была написана Метальниковым в период его жизни в эмиграции; в незначительно отличающихся друг от друга вариантах она хранится в двух фондах Государственного архива РФ — в коллек-

ции микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира, содержащего в том числе переписку Метальникова и баронессы М. Д. Врангель [7], и среди биографий русских врачей, которые собрал Д. П. Кишенский [6]. Следует также особо отметить материалы из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, среди которых — два личных дела С. И. Метальникова [13] [23] и значительный объем документов из фонда Высших женских (Бестужевских) курсов, а также из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Будущий ученый родился 23 апреля 1870 г. в Симбирской губернии, в селе Кротково Сенгилеевского уезда. Он появился на свет в семье майора Ивана Михайловича Метальникова и его жены Екатерины Ивановны [13, л. 9]. (Интересно, что свидетельство о рождении было выдано родителям только 23 декабря 1871 г. [13, л. 9] [23, л. 6].) Отец Сергея Ивановича был потомственным дворянином, помещиком Ардатовского и Сенгилеевского уездов [17]. В семье кроме Сергея было еще четверо детей: сестра Вера и три брата — Дмитрий, Михаил и брат-близнец Сергея Николай (впоследствии стал ученым-агрономом, занимался селекцией зерновых, позже посвятил свою деятельность развитию семейного бизнеса; интересовался и занимался политикой [3] [15]). По прошению отца, поданному в Симбирское депутатское Собрание 12 марта 1873 г., дети были причислены к его дворянскому роду [23, л. 5, 5 об.].

«Первые годы детства протекли в деревне. В 1875–76 году мать Сергея Ивановича переселилась со всеми детьми сначала в Москву, а потом — в Петербург» [12, л. 1]. Ее новый муж, генерал-майор артиллерии Борис Иванович Винер, был весьма состоятельным человеком. Он владел пороховым и динамитным заводами в Санкт-Петербурге, большим имением Артек в Крыму. После смерти отца дом, заводы, имение, все средства перешли по наследству Екатерине Ивановне [318].

В Санкт-Петербурге в десятилетнем возрасте Сергей Метальников поступил в третью классическую гимназию. Мальчик интересовался естественными науками, в то время

как в гимназии предъявлялись особые требования при обучении классическим предметам. По воспоминаниям Метальникова, изучение латинского и греческого языков вызывало у него «одно отвращение. Занятия древними языками сводились, в сущности, к бессмысленному зазубриванию различных грамматических правил и исключений» [12, л. 2]. В то же время естествознание вызывало у него живой интерес. «Он слушал лекции Ковальского по физике и химии», а потом устраивал эксперименты у себя дома. Впоследствии Метальников полагал, что это сыграло для него «очень большую роль в умственном развитии», а домашние опыты «дали первый толчок к самостоятельным научным работам» [12, л. 1–2].

После пятого класса Метальников перевелся в Ларинскую гимназию, «которая славилась в то время более гуманным отношением к своим ученикам» [12, л. 3]. Во время учебы в старших классах он «попал в кружок самообразования, которые были вообще в большой моде в то время». Там читали произведения известных писателей, «а также вели беседы и споры по поводу прочитанного» [12, л. 3]. Аттестат зрелости Метальников получил 29 мая 1890 г., по окончании гимназии, а 18 июля обратился к ректору Санкт-Петербургского университета с прошением о зачислении. 9 августа он стал студентом естественного отделения физико-математического факультета [23, л. 1, 2 об.].

Метальникову повезло с учителями в университетские годы — среди них были выдающиеся ученые, такие как Н. П. Вагнер и В. Т. Шевяков [21]. «Особенно сильное впечатление произвели на С<ергея> И<вановича> лекции <Петра Францевича> Лесгафта по анатомии» [12, л. 3]. «На третьем курсе С<ергей> И<ванович> увлекся зоологией и гистологией, которую читал в то время знаменитый зоолог Александр Онуфриевич Ковалевский. Под его руководством он начал первые свои работы по зоологии. Будучи на 4-м курсе, он напечатал в Изв<естиях> Имп<ераторской> Академии Наук первую научную работу „Об выделительных органах насекомых“» [12, л. 4].

Свою научную деятельность Метальников начал в области физиологии выделительных

органов и фагоцитоза у беспозвоночных. Используя новые физиологические методы (методы инъекций), он смог открыть фагоцитарные органы у некоторых насекомых, а также гигантские фагоцитарные клетки у аскарид. Изучая поглощение солей тяжелых металлов в кишечнике таракана, Метальников выявил различные способы удаления вредных веществ [21] [42].

Университетский курс Метальников окончил к началу 1895 г. [23, л. 61, 61 об.], однако «за несколько месяцев до окончания Университета, С<ергей> И<ванович> был исключен из Университета и выслан из Петербурга без объяснения причин. Впоследствии оказалось, что эта кара наложена была за петицию, которую предполагали поднести студенты Николаю II по случаю восшествия на Престол» [12, л. 4]. Петиция на Высочайшее имя была об изменении университетского устава [5] [22, л. 2]. Впрочем, по утверждению самого Метальникова, он к ней был никак не причастен, и вообще относился к этому отрицательно [12, л. 4]. По воспоминаниям ученого, ему сообщили, что он отчислен из университета и высылается из Петербурга [8]. В это время академик А. О. Ковалевский в течение двух недель скрывал ученика на своей квартире, но, несмотря на его хлопоты, Метальников был вынужден покинуть столицу [8] [10]. Он уехал в Гейдельберг для работы у профессора Бючли, а затем, благодаря участию Ковалевского, «получил право вернуться в Петербург и в августе 1895 г. снова был принят в Университет, который и окончил в 1896 г. по 1 разряду» [12, л. 4] [13, л. 1] [23, л. 62, 63, 74]. 27 сентября 1896 г. физико-математический факультет подал ректору Императорского Санкт-Петербургского университета представление «об оставлении при Университете на 2 года, без стипендии для приготовления к академической степени магистра зоологии, окончившего курс по естественному отделению <...> Сергея Метальникова» [22, л. 1]. Ректор, обращаясь 7 ноября 1896 г. к попечителю Санкт-Петербургского университета с просьбой об этом, отмечал, что после исключения и восстановления Метальников «ни в чем предосудительном <...> замечен не был» [22, л. 1]. Таким образом, Сергея Ивановича оставили при уни-

верситете для подготовки к профессорскому званию [22, л. 13].

Окончание учебы в университете ознаменовалось одним очень важным событием в жизни молодого ученого. В начале октября 1895 г. С. И. Метальников женился на Ольге Владимировне Дмитриевой. В начале января 1896 г. отец Василий — священник Аутской Успенской церкви в Ялте — получил все необходимые для узаконения этого брака разрешительные документы [23, л. 66–68, 73]. «10 января 1896 года студент Санкт-Петербургского университета, дворянин С. И. Метальников повенчан в Аутской церкви г. Ялты, Таврической Епархии, с дочерью Коллежского асессора Владимира Николаевича Димитриева — Ольгою Владимировной, православного вероисповедания, первым браком» [13, л. 15]. 11 мая 1897 г. у них родилась дочь Анна, 10 октября 1902 г. — дочь Екатерина, а 5 октября 1906 г. — сын Сергей [13, л. 75].

Уже в самом начале научной карьеры Метальников отличался широтой охвата исследуемых тем. Продолжая деятельность зоолога-физиолога, он посвятил ряд публикаций исследованиям фагоцитарных механизмов в крови сипункулид, а работа в Институте Пастера стала ключевой для его дальнейших научных интересов: Сергей Иванович занялся клеточной иммунологией. По его собственным словам, заниматься проблемами, связанными с иммунитетом, он начал именно под влиянием Ильи Ильича Мечникова. В Пастеровском институте он стал изучать сперматоксические сыворотки [7, л. 316] и в дальнейшем опубликовал ряд работ по этой теме [16] [21] [42].

В 1901 г. академик А. О. Ковалевский представил кандидатуру своего ученика — С. И. Метальникова — для назначения лаборантом Особой зоологической лаборатории Императорской Академии Наук (ОЗЛ ИАН). К тому моменту ученый прошел уже не одну стажировку за границей. Отмечалось, что в 1897 г. он некоторое время работал на Зоологической станции в Виллафранке, затем на Неаполитанской Зоологической станции профессора Дорна — в течение двух зимних семестров (с октября 1897 по январь 1898 г. и с ноября 1898 по апрель 1899 г. [20]), а также в Гейдельберге под руководством профессора Бючли и в Па-

стеровском институте под руководством профессора Мечникова [13, л. 1]. 24 ноября 1901 г. Метальников на основании прошения 1 ноября был определен на государственную службу лаборантом ОЗЛ ИАН [13, л. 16]. Там он состоял штатным лаборантом до 1901 г. [21, с. 114], после чего подал прошение об освобождении его от должности, на основании которого 30 сентября был отправлен в отставку [13, л. 69–78].

На момент назначения в ОЗЛ ученый также работал в Институте экспериментальной медицины, в лаборатории М. В. Ненцкого [13, л. 1] (впоследствии подразделение, в котором состоял Метальников, возглавляла Н. О. Зиббер-Шумова [18] [21] [42]).

В ноябре 1904 г. С. И. Метальников на 10 месяцев отправился в командировку «для изучения в Пастеровском институте в Париже техники по бактериологическим исследованиям» [13, л. 33–34]. С 15 апреля по 1 сентября 1906 г. он был командирован на Красное море [13, л. 40, 41, 43]. С 1 июля по 1 октября 1907 г. — находился в командировке в Америке, где участвовал в Международном зоологическом конгрессе в Бостоне (США). Целью командировки, помимо участия в конгрессе, было «ознакомление с зоологическими учреждениями Америки [13, л. 44, 45]. Возвратившись из Америки, ученый вновь отправился в командировку в Париж «на 9 месяцев с 1 декабря 1907 года по 1 сентября 1908 года для занятий в Пастеровском институте» [13, л. 49, 50–54].

По результатам исследований пчелиной моли, которые Метальников проводил в Особой зоологической лаборатории и в Институте экспериментальной медицины, им был опубликован ряд статей и защищена магистерская диссертация. В списке публикаций, приложенных к автобиографии, Метальников датирует свою диссертационную работу на тему «Анатомия и физиология пчелиной моли (*Galleria mellonella*)» 1906 г. [6, л. 24 об.]. В 1908 г. в Харькове магистерская диссертация была им защищена [19, с. 186] [13, л. 60]. Ученый писал в письме от 27 апреля 1908 г. об этом важном событии своему другу и коллеге Ю. А. Филипченко: «Вчера я защитил, наконец, свою диссертацию. В общем, диспут со-

шел благополучно» [9, л. 6]. Позднее, в 1909 г., за исследования по этой тематике Метальникову была присуждена премия Prix Mege Парижской Академии Наук [39, л. 6].

Еще одно научное учреждение, с которым неразрывно связан российский период биографии С. И. Метальникова, — Санкт-Петербургская Биологическая лаборатория. Членом Совета лаборатории Метальников был избран и утвержден еще в 1900 г., по ходатайству П. Ф. Лесгафта [22, л. 13]. После смерти Лесгафта члены Совета на заседании 23 декабря 1909 г. единогласно избрали Метальникова новым директором Биологической лаборатории [39, л. 5] и 3 января 1910 г. подписали ходатайство «об утверждении С. И. Метальникова директором Лаборатории» для направления его министру народного просвещения [39, л. 4]. 10 марта 1910 г. Департамент общих дел Министерства уведомил Совет о том, что Метальников утверждается директором Санкт-Петербургской Биологической лаборатории [39, л. 36]. С этого момента начался новый этап в научной биографии Сергея Ивановича, когда он стал организатором науки. Впрочем, в чисто научном плане это тоже был удачный период: ученым были опубликованы статьи, посвященные внутриклеточному пищеварению у простейших, размножению и жизни инфузорий, исследованиям иммунитета, а также ряд работ философской направленности [18] [21] [41] [42].

В этот период он также много занимался педагогической и просветительской деятельностью: работал преподавателем и заместителем директора Высших Лесгафтовских курсов [16] [19] [13, л. 31] (должность директора курсов занимали в описываемый период сначала М. М. Ковалевский, а потом Е. С. Федоров [42]). В 1910 г. начала выходить единственная в России общественно-педагогическая газета «Школа и жизнь», в работе которой принимал участие и С. И. Метальников [26]. Много лет он также состоял в редколлегии научно-популярного журнала «Природа» [18] [40] [42].

С 1911 г. Метальников являлся профессором Высших женских (Бестужевских) курсов [12, л. 6] [20], которые с 1914 г. стали называться Петроградскими. На курсах работало много выдающихся ученых, в том числе зоологов, таких

как Н. А. Холодковский, В. А. Фаусек и др. После кончины профессора В. А. Фаусека встал вопрос о кандидатах, которые могли бы взять освободившиеся часы лекционных занятий по зоологии, среди которых были С. И. Метальников [24, л. 26]. 3 декабря 1910 г. профессором по кафедре зоологии был утвержден Е. А. Шульц, взявший на себя часть обязанностей, включая чтение лекций по зоологии позвоночных [24, л. 26, 34] [32, л. 1], однако руководство сочло, что «за отсутствием второго профессора зоологии преподавание этого предмета после смерти профессора В. А. Фаусека не может быть ведено с надлежащей полнотой» [24, л. 90]. Комиссия по обеспечению преподавания зоологии 20 января 1911 г. предложила кандидатуру С. И. Метальникова для чтения лекций по зоологии беспозвоночных [32, л. 9].

Н. А. Холодковский дал лестную характеристику Сергею Ивановичу, представив его как талантливого и работоспособного специалиста по анатомии и физиологии беспозвоночных, автора трудов, «проникнутых всегда оригинальной мыслью», успешно применяющего на практике как метод физиологических инъекций академика А. О. Ковалевского, так и другие новейшие методы исследований [24, л. 147]. 26 апреля 1911 г. на заседании физико-математического факультета С. И. Метальников был «избран факультетом на должность профессора зоологии беспозвоночных» и представлен для баллотировки в Совет курсов [32, л. 19]. 3 сентября 1911 г. директор курсов С. К. Булич обратился к управляющему Санкт-Петербургским учебным округом с просьбой «не отказать в ходатайстве перед Министерством народного просвещения о возможно скором утверждении г. Метальникова профессором курсов» [24, с. 91].

16 сентября 1911 г. Метальников был утвержден в должности профессора зоологии Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов [24, л. 90–92] [25, л. 60–61]. В письме своему другу и коллеге Ю. А. Филипченко от 25 сентября 1911 г. Метальников писал о своих планах начать в ближайшее время чтение лекций на курсах: «Думаю начать лекции с будущей недели. <...> И лаборатории, и вообще все произвело на меня очень хорошее впечатление» [9, л. 27].

4 октября 1911 г. профессор С. И. Метальников впервые присутствовал на заседании физико-математического факультета [32, л. 15]. Он активно включился в работу, вошел в состав комиссии, которая занималась вопросами реорганизации преподавания биологии на курсах, вместе с Е. А. Шульцем предложил пригласить препаратора для работы в зоологическом кабинете, участвовал в распределении лекционных занятий по зоологии. Метальников читал лекции, принимал экзамены, был руководителем естественно-исторического кружка [34], хлопотал о выборах ассистентов на кафедру зоологии достойных кандидатов [30, л. 41] [33] [35], активно работал в составе комиссии по изменению программы по зоологии [30, л. 48–51, 56, 57, 59]. Он пользовался большим уважением среди своих коллег. Так, киевский биолог Сергей Кушакевич, объясняя свое желание участвовать в конкурсе с целью поступить ассистентом на кафедру зоологии, писал 4 ноября 1913 г., что одной из мотиваций для рассмотрения такого варианта был тот факт, что в случае избрания «своими ближайшими коллегами» он «имел бы таких людей, как <А. Г. Гурвич> и Сергей Иванович» [30, л. 16, 17].

Работа С. И. Метальникова на Высших женских (Бестужевских) курсах чередовалась с короткими, а иногда и длительными перерывами, связанными с научными командировками [31], периодами болезни [33, л. 2] и др. Так, на заседании физико-математического факультета курсов 2 сентября 1915 г. рассматривалось его заявление об отъезде «с земским отрядом на театр военных действий» и о возможном замещении читаемого им курса зоологии беспозвоночных М. Н. Римским-Корсаковым или Ю. А. Филипченко. Впрочем, на заседании 22 сентября того же года факультет принял иное решение — не замещать занятия, «чтобы в будущем году эти лекции были прочитаны сразу двум курсам», тогда как прием экзаменов будет производить сам Метальников, «который время от времени будет приезжать в Петроград» [36] [37].

К тому моменту Сергей Иванович чуть было не ушел с Бестужевских курсов — после выборов в феврале 1914 г. на кафедру зоологии К. М. Дерюгина он посчитал невозможным

оставаться там. Результат этих выборов сопровождался конфликтом. Е. А. Шульц писал тогдашнему директору Высших женских курсов С. К. Буличу: «Этот выбор одинаково оскорбителен для меня, проф. Гурвича и проф. Метальникова, но и для памяти проф. Фаусека» [30, л. 42]. Метальников также обратился к Буличу с письмом, в котором 22 февраля 1914 г. поделился причинами своего решения: «Прежде всего, результаты выборов, состоявшихся 6 февраля, показали мне, что ни я, ни мой бывший товарищ по курсам, проф. Шульц, <...> не пользуемся тем доверием, на которое мы имели основание рассчитывать от своих товарищей по факультету». Метальников был недоволен тем, в какое положение поставил его факультет, выбрав ему «в ближайшие товарищи и сотрудники человека, против которого <он> высказывался и которого <...> считал менее подходящим» [29]. В ЦГИА сохранилось коллективное заявление слушательниц естественного отделения физико-математического факультета Высших Женских курсов «о сохранении желающего уйти с курсов С. И. Метальникова», в котором отмечалось, что они, «узнав о намерении проф. С. И. Метальникова оставить кафедру», были «глубоко огорчены возможностью потерять своего любимого профессора, уважаемого и ценимого». Слушательницы просили Совет курсов сделать все возможное, чтобы сохранить Метальникова. Под письмом стояло несколько сотен подписей [30, л. 77–80].

Тем не менее практически до своего отъезда из страны Метальников оставался сотрудником курсов. В начале октября 1917 г. он поставил физико-математический факультет в известность о том, что «в текущем учебном году лекции по зоологии беспозвоночных читать не будет», в связи с чем было принято решение о временном замещении этих лекций [38, л. 8]. Октябрьские события, изменившие жизнь отдельных людей и страны в целом, не могли не повлиять на работу Бестужевских курсов. Чтобы не растерять преподавательский состав, на заседании физико-математического факультета 29 ноября 1917 г. было «постановлено, всех лиц, взявших отпуск на нынешний учебный год или на часть года, считать находящимися в со-

ставе профессоров и преподавателей курсов в случае преобразования курсов в этом учебном году в Петроградский женский университет» [38, л. 10–10 об.]. 20 октября 1917 г. состоялось заседание Временного правительства, на котором постановили преобразовать Петроградские женские курсы в Петроградский женский университет. С. И. Метальников был утвержден и числился штатным ординарным профессором по кафедре зоологии физико-математического факультета Петроградского женского университета (с 1918 г. — Третьего Петроградского государственного университета [25, л. 138] [27] [28]).

Впрочем, к тому моменту Сергей Иванович из Петрограда уже уехал. Финальный аккорд российского периода его биографии был связан с Крымом, с основанием и участием в работе Таврического университета [17]. «Зоологию не отказывается читать С. И. Метальников, если на зиму переселится на юж<ный> берег Крыма, где сейчас его семья», — писал Н. И. Кузнецов академику В. И. Вернадскому 4 октября 1917 г. [4, с. 426]. 13 декабря 1917 г. Метальников написал известному революционеру и ученому-энциклопедисту Н. А. Морозову: «Я отказался от звания директора Биологической лаборатории. Это я сделал по состоянию своего здоровья, не могу выполнять этих обязанностей так, как следует, и, кроме того, я предполагаю остаться на юге на год, а может быть, даже надолго» [1]. Другая причина, побудившая его к такому решению, была политической: впоследствии Метальников вспоминал, что уехал в Крым, «не будучи в силах примириться с большевистской властью» [7, л. 316].

Ученый занял должность ординарного профессора кафедры зоологии по рекомендации Совета физико-математического факультета Киевского университета, рекомендовавшего его к избранию профессором по кафедре зоологии в Таврическое филиальное отделение, с октября 1918 г. заведовал кафедрой зоологии Таврического университета. Сергей Иванович активно участвовал в научной и общественной жизни Крыма, был одним из организаторов Ялтинского естественно-исторического музея, стоял у истоков создания Таврической научной ассоциации [4], однако

в личной переписке выражал желание эмигрировать [14].

В 1919 г. Метальников уехал в научную командировку в Пастеровский институт, который тогда возглавлял выдающийся биолог Эмиль Ру. С нее фактически начался эмигрантский период его жизни — хотя ученый и возвращался ненадолго в Симферополь, продлевая командировку, после этого в Россию он больше не вернулся [4]. Разрешение на въезд во Францию Сергей Иванович получил «через Ру в несколько дней» [2]. Как вспоминал сам Метальников, он «бежал в Константинополь, а оттуда — на остров Мальту» [7, л. 316], после чего наступила новая глава в его биографии — биографии научного сотрудника, а затем заведующего лабораторией Института Пастера [7, л. 316], активного деятеля эмигрантского сообщества [20] [21] [41] [42].

Подведем итоги. В статье на основании первоисточников освещены наиболее значимые события биографии выдающегося российского ученого Сергея Ивановича Метальникова, охватывающие период от момента его рождения до эмиграции во Францию. Особый акцент сделан на аспектах его жизни, касающихся детских лет, образования, первых шагов в науке и дальнейшей адаптации в научном обществе, вплоть до становления крупным деятелем науки и образования. Впервые в историко-научной литературе подробно описана его деятельность на Высших женских (Бестужевских) курсах. Российский период в жизни и деятельности Метальникова можно охарактеризовать как весьма успешный в карьерном отношении — за это время ему удалось пройти путь от молодого ученого до профессора, видного и уважаемого специалиста широкого научного диапазона. Тем не менее бурные события в жизни страны и личная гражданская позиция подтолкнули его к решению эмигрировать из России и работать за рубежом, а научные заслуги стали залогом беспрепятственной реализации этих планов.

Автор благодарит доктора биологических наук С. И. Фокина за указание на статью [19], а также за рекомендации обратиться к архивным документам из фондов РО ИРЛИ, СПбФ АРАН, ОР РБН и ЦГИА для получения необходимых сведений.

Larisa G. SHEBYROVA

Lecturer, College of Innovative Technologies
and Service "Galaxy",
Moscow, Russian Federation,
larisa-igsh@yandex.ru

The Russian Period in the Life and Work of Sergei Metalnikov

Abstract. The article is devoted to the Russian period of the biography of Sergei Ivanovich Metalnikov, an outstanding Russian scientist, who emigrated to France after the revolution. He was a zoologist, protistologist, microbiologist, immunologist and philosopher. The personality of the scientist is interesting both for biologists and for historians of science and technology, as well as for the history of Russian scientific emigration. His life was also connected with the South of Russia: his family owned the Artek estate in Crimea, and he is deservedly considered to be one of the founders of Taurida University. The aim of the current article is to reconstruct the main events of his life, first of all those that formed his personality as a scientist, starting from childhood and continuing with the university years and the first independent steps in science, those related to his activities in the field of science and education. The article is based on archival and published documents, the main events of his life until the moment of emigration to France are reconstructed in details using classical theoretical methods of historical research. Among archival documents, his two autobiographies from the State Archive of the Russian Federation and the Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature should be mentioned. Besides them, the article is based on other documents from the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Archive of the Russian Academy of Sciences and its Saint Petersburg branch, the Manuscripts Department of the National Library of Russia. The article covers in detail his childhood, family, university years, the formation of scientific interests, the beginning of his work in science and adaptation in the scientific community, foreign trips and traineeship, his formation as a scientist from a junior researcher to a prominent person in science and education. Particular attention in the article is devoted to Metalnikov's activities at the Higher Women's (Bestuzhev) courses, which have not received an adequate coverage in the literature yet. It is shown that the relevant period in Metalnikov's life and work can be described as a very successful career. He managed to develop from a young scientist to a professor, a prominent and respected specialist of a wide scientific range. Nevertheless, the turbulent events in the life of the country and the personal civil position of the scientist led to his desire to emigrate from Russia and work abroad, and scientific achievements became the basis for the fact that he successfully succeeded.

Keywords: biography, history of science, Sergei Metalnikov, St. Petersburg Biological Laboratory, Higher Women's (Bestuzhev) courses, Pasteur Institute, emigration.

Использованная литература:

1. Архив Российской Академии наук Ф. 543. Оп. 4. Д. 1177. Л. 46-47
2. Архив Российской Академии наук. Ф. 584. Оп. 6. Д. 134. Л. 1
3. Барышников М.Н. Метальниковы: семейный бизнес и развитие промышленных операций Петербургского частного коммерческого банка // Финансы и Бизнес. 2016. № 1. С. 157-175.
4. Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Кн. 2: Переписка: Д-Я. Ч. 1: Д-Н. Киев: НАН Украины, 2012. С. 426, 445-446.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63, оп. 50, Д.14.

References:

1. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 543. List 4. File 1177. Sheets 46-47.
2. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 584. List 6. File 134. Sheet 1.
3. Baryshnikov, M.N. (2016) Metal'nikovy: semeynnyy biznes i razvitie promyshlennykh operatsiy Peterburgskogo chastnogo kommercheskogo banka [The Metalnikovs: Family business and the development of industrial operations of the St. Petersburg Private Commercial Bank]. *Finansy i Biznes*. 1. pp. 157-175.
4. Zagorodniy, A.G. et al. (eds) (2012) *Vladimir Ivanovich Vernadskiy. Perepiska s ukrainskimi uchenymi* [Vladimir Vernadsky. Correspondence with Ukrainian

6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6113. Оп. 1. Д. 26. Л. 24-27.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10003. Оп. 12, Д. 18, П. 8.
8. Метальников С.И. Памяти А.О. Ковалевского. // «Природа». 1926. № 7-8. С. 27-30.
9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 813. Д. 421.
10. Письма А.О. Ковалевского к И.И. Мечникову (1866-1900) / Под общей ред. Ю.И. Полянского при участии проф. И.И. Соколова и Л.К. Кувановой; отв. редакторы Г.А. Князев, Б.Е. Райков. - М.; Л. : Изд-во АН СССР. 1955. 312 с. С. 283-284
11. Профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Под ред. Н.Н. Шевченко. Киев, Либідь, 2007. С. 92.
12. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома). Ф. 377. Оп. 7. Д. 2384.
13. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 4. Оп. 4. Д. 388.
14. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 793. Оп. 2. Д. 418. Л. 71
15. Сульдина Л.В., Сульдин Д.П. Вехи биографии Н.И. Метальникова // Центр и периферия. 2017. № 3. С. 80-85.
16. Ульянкина Т.И. Зарождение иммунологии. М., ИИЕТ, 1994. С. 225-227.
17. Ульянкина Т.И. К вопросу о раннем периоде деятельности Таврического университета в Симферополе (1917-1921) // История медицины. 2014. № 2. С. 102-111.
18. Ульянкина Т.И. Сергей Иванович Метальников (1870-1946) (к 140-летию со дня рождения) // Цитокины и воспаление. 2010. № 4. С. 54-60.
19. Фокин С.И. Документы не горят - их просто не читают. Биолог С. И. Метальников (1870-1946) // Сборник докладов 8-х чтений памяти Вениамина Иофе «Право на имя. Биографика 20 века» (20-22 апреля 2010). Спб.: Мемориал, 2011. С. 181-189.
20. Фокин С.И. Неисповедимые пути. Дороги российской научной эмиграции. Франция. // Русское слово. 2018. № 9. URL: <http://ruslo.cz/index.php/nauka/item/1058-neispovedimye-puti> (дата обращения: 14.03.2020).
21. Фокин С.И., Телепова М.Н., Шаварда П.А. Профессор С.И. Метальников и его Парижский архив // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. №3. С. 110-123.
22. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 2, ед.хр. 1087
23. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27555.
24. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 51.
25. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 57.
26. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 80. Л. 116 об., 165
27. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 120. Л. 159, 163 об., 176, 209, 209 об.
28. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
- scientists]. Book 2. Pt. 1. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 426, 445-446.
5. State Archive of the Russian Federation. Fund 63. List 50. File 14.
6. State Archive of the Russian Federation. Fund 6113. List 1. File 26. Sheets 24-27.
7. State Archive of the Russian Federation. Fund 10003. List 12. File 18. Sheet 8.
8. Metal'nikov, S.I. (1926) Pamyati A.O. Kovalevskogo [In memory of A.O. Kovalevsky]. *Priroda*. 7-8. pp. 27-30.
9. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 813. File 421.
10. Polyanskiy, Yu.I. (ed.) (1955) *Pis'ma A.O. Kovalevskogo k I.I. Mechnikovu (1866-1900)* [Letters from A.O. Kovalevsky to I.I. Mechnikov (1866-1900)]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 283-284.
11. Shevchenko, N.N. (ed.) (2007) *Professora Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Professors of Taurida National V.I. Vernadsky University]. Kyiv: Libid'. p. 92.
12. Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House). Fund 377. List 7. File 2384.
13. Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 4. List 4. File 388.
14. Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 793. List 2. File 418. Sheet 71
15. Sul'dina, L.V. & Sul'din, D.P. (2017) Vekhi biografii N.I. Metal'nikova [The milestones of N.I. Metalnikov's biography]. *Tsentr i periferiya*. 3. pp. 80-85.
16. Ul'yankina, T.I. (1994) *Zarozhdenie immunologii* [The genesis of immunology]. Moscow: IJET. pp. 225-227.
17. Ul'yankina, T.I. (2014) K voprosu o rannem periode deyatelnosti Tavricheskogo universiteta v Simferopole (1917-1921) [On the early period of Taurida University in Simferopol (1917-1921)]. *Istoriya meditsiny*. 2. pp. 102-111.
18. Ul'yankina, T.I. (2010) Sergei Ivanovich Metalnikov (For the 140th Anniversary of His Birth). *Tsitokiny i vospalenie - Cytokines and Inflammation*. 4. pp. 54-60. (In Russian).
19. Fokin, S.I. (2011) Dokumenty ne goryat - ikh prosto ne chitayut. Biolog S.I. Metal'nikov (1870-1946) [Documents do not burn: they are simply not read. Biologist S.I. Metalnikov (1870-1946)]. In: *Sbornik dokladov 8-kh chteniy pamyati Veniamina Iofe "Pravo na imya. Biografika 20 veka"* [Collection of reports of the Eighth Readings in memory of Veniamin Iofe "The Right to a Name. Biographics of the 20th Century"]. 20-22 April 2010). St. Petersburg: Memorial. pp. 181-189.
20. Fokin, S.I. (2018) Neispovedimye puti. Dorogi rossiyskoy nauchnoy emigratsii. Frantsiya [Inscrutable paths. Routes of Russian scientific emigration. France]. *Russkoe slovo*. 9. [Online] Available from: <http://ruslo.cz/index.php/nauka/item/1058-neispovedimye-puti>.
21. Fokin, S.I., Telepova, M.N. & Shavarda, P.A. (2004) Professor S.I. Metal'nikov i ego Parizhskiy arkhiv [Professor S.I. Metalnikov and his Paris archive]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 3. pp. 110-123.
22. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 14. List 2. Item 1087.
23. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 14. List 3. File 27555.

29. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1250. Л. 79, 79об.
30. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 1.
31. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 12. Л. 19
32. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 19.
33. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 21. Л. 6, 11
34. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 22. Л. 4
35. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 23. Л. 2
36. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 24. Л. 3, 13;
37. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 25. Л. 3
38. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 5. Д. 26.
39. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2251. Оп. 1. Д. 8.
40. Шебырова Л.Г. Жизнь и научная деятельность Сергея Ивановича Метальникова во Франции // *Genesis: исторические исследования*. 2016. № 4. с.12-27. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_19107.html (дата обращения: 14.03.2020).
41. Шебырова Л.Г. Некоторые аспекты жизни С. И. Метальникова в контексте социальной истории науки. // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2015. № 4. С. 64-73.
42. Шебырова Л.Г. Сергей Иванович Метальников и его вклад в становление и развитие иммунологии. // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2017. Т. 38. № 2. С. 280-314.
24. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 1. File 51.
25. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 1. File 57.
26. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 1. File 80. Sheets 116 rev., 165.
27. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 1. File 120. Sheets 159, 163 rev., 176, 209, 209 rev.
28. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 1. File 121. Sheet 1.
29. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 1. File 1250. Sheet 79, 79 rev.
30. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 1.
31. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 12. Sheet 19.
32. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 19.
33. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 21. Sheets 6, 11.
34. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 22. Sheet 4.
35. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 23. Sheet 2.
36. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 24. Sheets 3, 13.
37. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 25. Sheet 3.
38. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 113. List 5. File 26.
39. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 2251. List 1. File 8.
40. Shebyrova, L.G. (2016) Life and scientific work of Sergei Ivanovich Metalnikov in France. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical research*. 4. pp. 12–27. [Online] Available from: http://e-notabene.ru/hr/article_19107.html. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-868X.2016.4.19107
41. Shebyrova, L.G. (2015) Some aspects of S.I. Metalnikov's life in the social history of science context. *Nauchno-tekhicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 4. pp. 64–73. (In Russian).
42. Shebyrova, L.G. (2017) Sergey Ivanovich Metal'nikov i ego vklad v stanovlenie i razvitie immunologii. [Sergei Ivanovich Metalnikov and his contribution to the genesis and development of immunology]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 38 (2). pp. 280–314.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Шебырова Л. Г. Российский период в жизни и деятельности Сергея Ивановича Метальникова / Л. Г. Шебырова // *Наследие веков*. – 2020. – № 2 – С. 63–72. DOI: 10.36343/SB.2020.22.1.006

Full bibliographic reference to the article:

Shebyrova, L. G. (2020) The Russian period in the life and work of Sergei Metalnikov. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 63–72. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.1.006

РЕШМЕТ Дмитрий Александрович
кандидат исторических наук, заместитель начальника
управления культуры администрации муниципального
образования Славянский район,
Славянск-на-Кубани, Краснодарский край, Россия
Dmitriy A. RESHMET
Cand. Sci. (National History), Deputy Head,
Department of Culture, Administration
of Slavyansky District Municipal Formation,
Slavyansk-na-Kubani, Krasnodar Krai, Russian Federation,
dreshmet@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4185-5932

УДК 929:76.03/.09(470.620+470.23-25)
ГРНТИ 18.31.09
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.007

Забытый ученик неизвестного учителя: жизнь и творчество кубанского художника-графика Александра Романовича Мазина

The Forgotten Student of an Unknown Teacher: The Life and Work of the Kuban Graphic Artist Alexander Mazin

В статье проводится ретроспективный анализ жизни и творчества кубанского художника-графика Александра Романовича Мазина, работы которого отличаются высоким уровнем мастерства и отражают основные этапы хозяйственного и экономического развития Юга России. Основой исследования послужили материалы его личного фонда, хранящегося в Славянском историко-краеведческом музее, опубликованные источники, исследования российских ученых. Применены историко-системный, историко-биографический и диахронный методы. Автором прослежена судьба художника и установлена его связь с такими признанными мастерами графики XX в., как А. П. Остроумова-Лебедева и А. П. Эйсер. Отражены факты личной жизни и подробности творческой биографии А. Р. Мазина, относящиеся к 1950–1960-м гг., описаны судьбы его приемных детей, приведены события, связанные с уходом художника из жизни. Значительная часть выявленных и использованных материалов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: А.Р. Мазин, А.П. Эйсер, А.П. Остроумова-Лебедева, линогравюра, кубанский художник, Академия художеств, Кубань, Славянск-на-Кубани, художник-график, Славянский историко-краеведческий музей.

К сожалению, в настоящее время приходится констатировать факт предельного снижения, а в большинстве случаев полного отсутствия интереса массовой аудитории

к изобразительному искусству. Данная проблема — комплексная, требующая отдельного рассмотрения, при этом одной из ее составляющих, на наш взгляд, является отсутствие

достаточного количества исследований, посвященных истории развития искусства в его региональном аспекте.

Если в начале 2000-х гг. библиография кубанского искусства пополнилась замечательными исследованиями и красочными каталогами [8; 10; 15; 19], рассказывающими о ярких представителях кубанской художественной среды второй половины XX в., то художники, начавшие активно работать в 1930–1940-е гг., по большей части остались за пределами интересов искусствоведов и историков-краеведов. Остается надеяться, что творчество уроженца г. Новороссийска Р. А. Граббе, уроженца г. Краснодара Р. В. Левицкого, уроженца г. Ейска Е. Н. Голяховского, выпускника Краснодарского художественного техникума В. С. Резникова и многих других замечательных мастеров в будущем найдет своего пытливого исследователя и популяризатора.

В настоящей статье, на основе комплекса различных источников, мы попытаемся провести реконструкцию жизни и творчества еще одного не заслуженно забытого кубанского художника-графика, уроженца ст-цы Славянской (ныне г. Славянск-на-Кубани) Александра Романовича Мазина. Сразу оговоримся, что мы не претендуем на полноту презентации жизненного и творческого пути художника, а лишь знакомим читателя с промежуточным отчетом о первых результатах исследования биографии А. Р. Мазина.

Историография вопроса крайне скудна, по непонятным причинам творчество А. Р. Мазина осталось не востребованным земляками при жизни художника, а после смерти он оказался и вовсе забыт. Опубликованные источники дают нам лишь фрагментарные сведения о различных этапах жизни А. Р. Мазина. Так, в книге Л. О. Четыркина «Рабочие художники» [18, с. 6–8] приводится фрагмент письма Александра Мазина в Институт пролетарского изобразительного искусства (не позднее 1932 г.); вступительная статья к каталогу юбилейной выставки А. П. Остроумовой-Лебедевой [6, с. 12] дает нам ценную информацию о факте творческого наставничества выдающегося советского графика над провинциальным художником (1951 г.); из заметки директора Славянского историко-краеведческого

музея Н. А. Андрияш в районной газете «Заря Кубани» [5, с. 6] мы узнаем о пополнении фондов музея работами А. Р. Мазина и открытии его персональной выставки (1988); в альбоме Н. Л. Щурик, посвященном мастерам изобразительного искусства Кубани [19, с. 110] приводится информация об участии художника в краевых выставках и наличии его работ в фондах Краснодарского краевого художественного музея им. Ф. А. Коваленко (2006); цветные литографии А. Р. Мазина отложились и в личном фонде народного художника РСФСР И. А. Соколова в Российском государственном архиве литературы и искусства [14]. Как мы видим, имеющиеся сведения носят хронологически разрозненный, эпизодический характер, что не позволяет составить целостного представления о жизни и творческой судьбе А. Р. Мазина. Заполнение образовавшейся лакуны и является основной целью данной статьи, для достижения которой мы, помимо прочего, привлечем ранее не публиковавшиеся материалы личного комплекса художника, находящегося на хранении в Славянском историко-краеведческом музее.

11 июня 1985 г. художником Славянского комбината хлебопродуктов П. М. Рогулиным в дар Славянскому историко-краеведческому музею были переданы 15 линогравюр Александра Романовича Мазина, которые положили начало будущего личного комплекса художника-графика [1]. В дальнейшем комплекс пополнялся еще три раза: в 1988 г. 40 предметов, включая личные вещи и рабочие инструменты художника, передала в музей невестка Г. А. Ларина [2]; в 2006 г. 2 линогравюры поступили от дочери художника И. Е. Гончарова Н. И. Поповой [3]; в 2011 г. 32 линогравюры, клише линогравюры «Ветка с яблонями» и фото А. Р. Мазина (рис. 1) поступили от жительницы города Л. А. Кутузовой [4].

В конце 2015 г. сотрудники Славянского историко-краеведческого музея начали подготовку работ А. Р. Мазина к персональной выставке, и возник вопрос уточнения биографических сведений. Проблема заключалась в том, что художник умер в 1973 г. и спустя почти 40 лет установить многие детали его творческой и трудовой биографии стало крайне затруднительно. Благодаря сведени-

Рис. 1. Александр Романович Мазин (1909-1973). Фото 1960-х гг. Славянский историко-краеведческий музей

ям, почерпнутым из интервью с невесткой художника Г.А. Лариной [12] и приемной дочерью В.И. Лариной [13], записанными в феврале 1999 г., а также работе по систематизации и дополнению полученной информации, проведенной научным сотрудником музея Л.И. Албул по горячим следам в марте 2000 г. [7], удалось соединить в одно целое разрозненные и местами противоречивые данные.

Александр Романович Мазин родился 12 сентября (по другим сведениям 13 сентября) 1909 г. в станице Славянской, в семье столяра-краснодеревщика Романа Демьяновича Мазина. Александр был старшим из троих сыновей в семье. Судьбу его среднего брата — Михаила — установить не удалось. Младший Иван, родившийся в 1916 г., был призван в ряды Красной Армии в 1937 г., после завершения срочной службы остался на сверхсрочную. 7 декабря 1942 г. гвардии лейтенант, командир разведроты 42-го стрелкового полка 13-й стрелковой дивизии Иван Романович Мазин был ранен в грудь под Сталинградом,

в боях за завод «Красный Октябрь», и на следующий день скончался. Похоронен на Мамаевом кургане [11].

Одаренность Александра проявилась с детства. Тяга к рисованию у мальчика с годами переросла в страсть. Он уже не мыслил себя без карандаша и кисти в руках. Родители замечали склонность Александра к рисованию и всячески поощряли это занятие, чем вызывали немалую ревность у младших сыновей.

Способности к гуманитарным наукам, обнаруженные во время посещения школы-семилетки станицы Славянской, только распалили мечту мальчика стать художником. Навыки столярного ремесла, привитые отцом, пригодились ему на строительстве Славянского хлопкоочистительного завода, где после окончания школы, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. он работал в качестве рабочего-строителя.

Умение столярничать в дальнейшем не раз выручало Александра Романовича. В доме было много мебели, изготовленной им самим. (До сих пор в семье приемной дочери Валентины, ныне проживающей в Новороссийске, хранится шкаф, сделанный его умелыми руками [13].)

Однако желание рисовать не покидало Александра, и он написал письмо в Ленинград, в Институт пролетарского изобразительного искусства (бывший ВХУТЕИИ). Вместе с ним он отправил на рецензию несколько своих рисунков, в том числе и общий вид хлопкоочистительного завода.

В книге Л.О. Четыркина «Рабочие художники», вышедшей в издательстве ИЗОГИЗ в 1933 г., приводится отрывок из письма Александра Мазина: «Посылаю вам рисунки. Рисовать охота страшная. Живу на Северном Кавказе, в Кубанском округе, в ст. Славянской. Я сын рабочего-строителя, и сам рабочий-строитель — столяр. Образование имею в объеме семилетки, а художественного никакого. Учиться хочу очень, но не знаю, где и как. Долго не решался и наконец посылаю вам несколько своих рисунков, которые я сделал урывками между работой. Все рисунки с натуры.

...Сейчас я работаю на строительстве хлопчаточистительного завода, который строится у нас в станице. Общий вид я нарисовал. И другие рисунки...

...Кроме меня здесь еще четыре моих товарища, которые тоже рисуют и хотят быть изобразками. Но они не решаются слать рисунки и ждут, что вы ответите мне.

Зовут меня Александр Мизин» [18, с. 6–8] (так в оригинале, правильно Мазин. — Д. Р.).

...Мечта Саши сбылась. Он поступил в институт. Трудному мастерству художника ему посчастливилось учиться у замечательно-го акварелиста, исследователя церковного искусства Западной Грузии, профессора Алексея Петровича Эйснера. Большое влияние на становление Мазина как художника оказала также Анна Петровна Остроумова-Лебедева. Сегодня трудно сказать, как и при каких обстоятельствах произошло их знакомство. Возможно, Александр посещал занятия выдающейся художницы во Всероссийской академии художеств, где она преподавала в 1935–1936 гг. [9, с. 23]; может быть, они познакомились на квартире профессора Эйснера, где в 1930-х гг. часто собирались известные писатели, поэты и художники. Достоверно известно лишь, что теплые дружеские отношения между Остроумовой-Лебедевой и Мазиним, возникшие в годы учебы последнего в Ленинграде, со-

хранялись вплоть до смерти Анны Петровны в 1955 г. Об этом свидетельствуют не только воспоминания Г. А. Лариной и В. И. Лариной, но и дарственные надписи на книгах, сделанные рукой А. П. Остроумовой-Лебедевой.

Сегодня нам доступны для исследования две книги. Первая — «Анна Петровна Остроумова-Лебедева» П. Е. Корнилова, изданная в 1950 г. московским издательством «Искусство» [9] и имеющая дарственную надпись на третьей странице: «Александр Романовичу Мазину на добрую память от А. Остроумовой-Лебедевой. 14 дек. 1950 г.» (рис. 2). Вторая — изданный в 1951 г. в Ленинграде каталог выставки «Анна Петровна Остроумова-Лебедева. К 80-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности» [6] с дарственной надписью на авантауле: «Моему заочному ученику Александру Романовичу Мазину на добрую память. А. Остроумова-Лебедева. 4-го дек. 1952 г.» (рис. 3). Первая книга также примечательна тем, что имеет карандашные пометки, сделанные Анной Петровной в ходе редакторской читки, по всей видимости, сигнального экземпляра. Так, на той же третьей странице с дарственной надписью читаем:

«Среди представленных ею работ на соискание звания художника были цветные гравюры...», рядом стоит карандашная пометка «а черные»; «Анна Петровна Остроумова родилась в Петербурге 10 мая 1871 года...», ниже карандашная пометка «5-го мая старого стиля» и т.д. Все это, на наш взгляд, сообщает определенную интимность и дружескую доверительность подарку, сделанному выдающим-

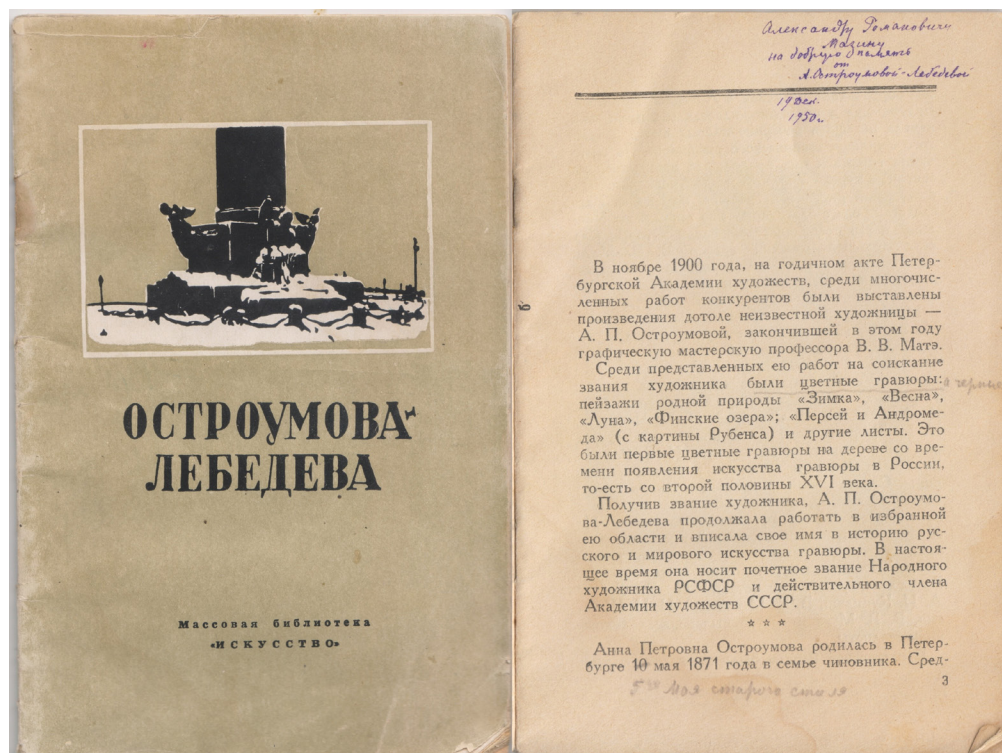

Рис. 2. Книга с автографом А.П. Остроумовой-Лебедевой. Из частного собрания

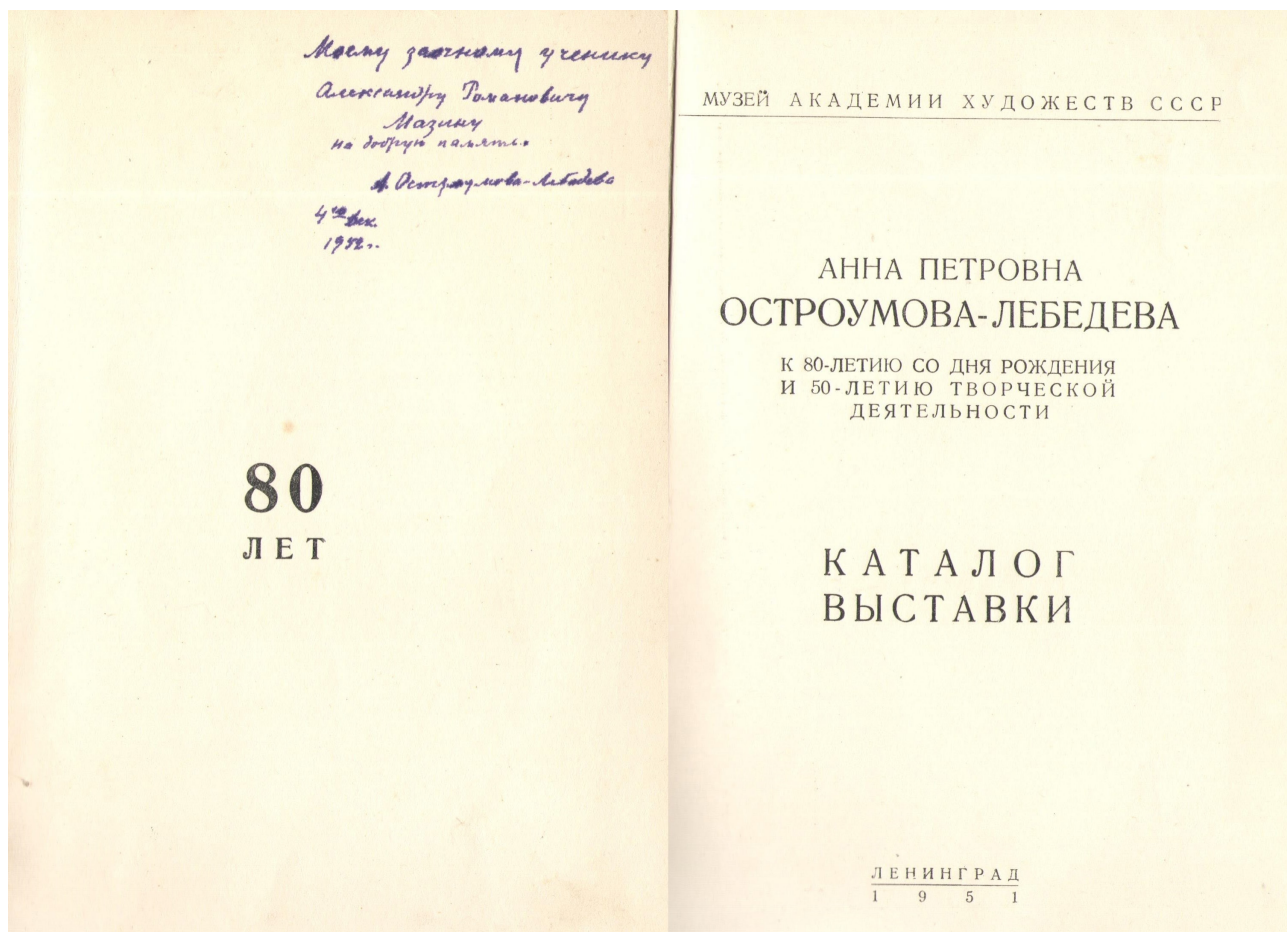

Рис. 3. Книга с автографом А.П. Остроумовой-Лебедевой из собрания Славянского историко-краеведческого музея

ся мастером-графиком провинциальному художнику.

О том, что А. Р. Мазин был не только «заочным учеником» Остроумовой-Лебедевой, но и одним из последних советских художников, лично обучавшихся у Анны Петровны, свидетельствуют строки из предисловия к каталогу юбилейной выставки А. П. Остроумовой-Лебедевой: «Серьезная методическая работа, которую непрерывно вела Анна Петровна по усовершенствованию своего мастерства, делает ее искусство настоящей большой школой для молодых художников. Под ее руководством работали В. Д. Фалилеев, Г. С. Верейский, Н. Н. Курпьянов, Н. В. Сеницын, А. Р. Мазин и другие» [6, с. 11–12].

Приведенную выше фразу из посвящения вполне можно отнести к свидетельству продолжения обучения и дружеского наставничества, перешедшего после отъезда А. Р. Мазина из Ленинграда в заочную форму.

Отдельно стоит остановиться на личности непосредственного учителя А. Р. Мазина — профессора Алексея Петровича Эйснера. Профессор Эйснер был для Александра больше чем учителем и наставником. В тяжелые дни материальной нужды он протянул одаренному студенту руку помощи, предложив жить у него на все время учебы в институте. Нам долго не удавалось разыскать достоверные сведения об Алексее Петровиче — не давали результатов запросы в Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при Российской академии художеств и Союз художников России. Одной из причин неудач стала ошибка в написании фамилии профессора (в материалах интервью он упоминается как Алексей Петрович Эйслер), другой — полное «вымывание» из истории русского искусства конца XIX — начала XX в. имени этого выдающегося ученого и подвижника.

Рис. 4. Профессор Алексей Петрович Эйсер (1872-1942), фото 1930-х гг. Славянский историко-краеведческий музей

На сегодняшний день единственным опубликованным источником информации о жизни и творчестве Алексея Петровича Эйснера являются статьи [16; 17] кандидата философских наук, доцента Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена Е. Я. Селиненьковой, поэтому далее мы обратимся к результатам ее исследований.

Алексей Петрович Эйсер родился 30 января 1872 г. в Петербурге в семье губернского секретаря Петра Ивановича Эйснера и дочери академика Санкт-Петербургской академии художеств, профессора Андрея Ивановича Штакеншнейдера — Ольги Андреевны Эйснер [16, с. 40].

В 1887–1889 гг. Алексей успешно проходит курс обучения в императорском Александровском лицее. С 1889 по октябрь 1895 г. оканчивает курс училища барона Штиглица, курс искусств в Высшем художественном училище при Императорской Академии худо-

жеств и прослушивает курс Императорского Археологического института [16, с. 41–42].

С юности влюбленный в колорит и архаику Закавказья, в 1898 г. Комиссией по фиксации древнерусской архитектуры при Академии художеств А. Эйсер направляется в Западную Грузию для осмотра и зарисовок памятников культового зодчества [16, с. 43]. Результатом нескольких поездок в Закавказье становятся 60 листов графических и акварельных этюдов, которые Эйсер «передает в Музей императора Александра III (Русский музей), получив высокую оценку своих трудов от Управляющего музеем Великого князя Георгия Михайловича. По указанию Георгия Михайловича, на средства, выделенные из казны, Эйсер осуществляет еще одну поездку в Грузию в 1900 г. и дополняет приобретенную Георгием Михайловичем коллекцию новыми зарисовками». Эта коллекция стала единственным собранием работ Алексея Петровича Эйснера, дошедшим до нашего времени [16, с. 44].

В 1903 г. Алексей Петрович завершает обучение в Академии художеств в мастерской П. О. Ковалевского, после чего работает как книжный график, составляет и оформляет альбом «Народы России», занимается публицистикой, продолжает интересоваться церковным искусством и этнографией Западной Грузии, осваивает грузинский язык и в 1909 г. вновь командировается Академией художеств в Западную Грузию для фиксации культовых памятников ранее не обследованных им районов Сванетии, Абхазии и Аджарии [16, с. 46].

Во втором десятилетии XX в. А. П. Эйсер интенсивно работает как ученый, художник и преподаватель живописи и рисования в Женском педагогическом институте, Петроградском обществе народных университетов и Академии художеств, активно участвуя в движении, направленном на художественное просвещение народа.

Революция 1917 г. сделала невозможным дальнейшее изучение церковного искусства Западной Грузии, практически обесценив в глазах новой власти результаты многолетней кропотливой работы художника.

В 1920–1930-х гг. А. П. Эйсер продолжает преподавание, сближается с писателями, поэтами и художниками, работавшими в области

детской литературы и образования, публикует серьезный учебник по живописи и рисованию «Школа рисования и живописи». Работы Эйснера участвуют в коллективных выставках в Ленинграде и Тифлисе в 1917, 1920, 1935 гг. В 1926 г. в Ленинграде проходит персональная выставка художника... Скончался Алексей Петрович Эйснер в июне 1942 г. в блокадном Ленинграде в возрасте 70 лет [16, с. 48].

Возвращаясь к периоду обучения А. Р. Мазина в мастерской профессора А. П. Эйснера, добавим, что о действительно тесных и дружеских отношениях учителя и ученика косвенно свидетельствует и тот факт, что в материалах, переданных в Славянский историко-краеведческий музей в 1988 г., присутствовал и фотопортрет А. П. Эйснера в профиль – третье известное изображение художника и единственная на сегодняшний день фотография Эйснера в зрелом возрасте [16, с. 42; 17, с. 385, 395] (рис. 4).

Закончив обучение в институте, Александр Мазин вернулся в ст-цу Славянскую, в родительский дом. Работал директором районного Дома культуры и одновременно выполнял работу художника-оформителя. Линогравюра — его главное увлечение, смысл всей жизни. В своих произведениях Александр Романович воспевал неповторимую красоту родного края: «На р. Протоке», «Яблони в цвету», «Полянка», «Летний полдень», «Овцы», «Гуси», «Пароход на реке Протоке» (рис. 5).

Ранним июньским утром 1941 г. мирная жизнь страны была прервана войной. По состоянию здоровья Александра Романовича, страдавшего язвенной болезнью желудка, на фронт не взяли. Он продолжил работать директором Дома культуры. Будучи большим любителем и тонким знатоком кубанского фольклора, он создал при ДК коллектив самодеятельных артистов, дававших концерты и игравших спектакли. В этих спектаклях Александр Романович принимал активное участие не только в качестве режиссера, но и как артист. Вырученные от концертов и спектаклей деньги коллектив собирал на боевой самолет.

В это же время Александр Мазин познакомился со своей будущей женой, учительницей начальных классов Елизаветой Ивановной Лариной, матерью троих детей. Они вме-

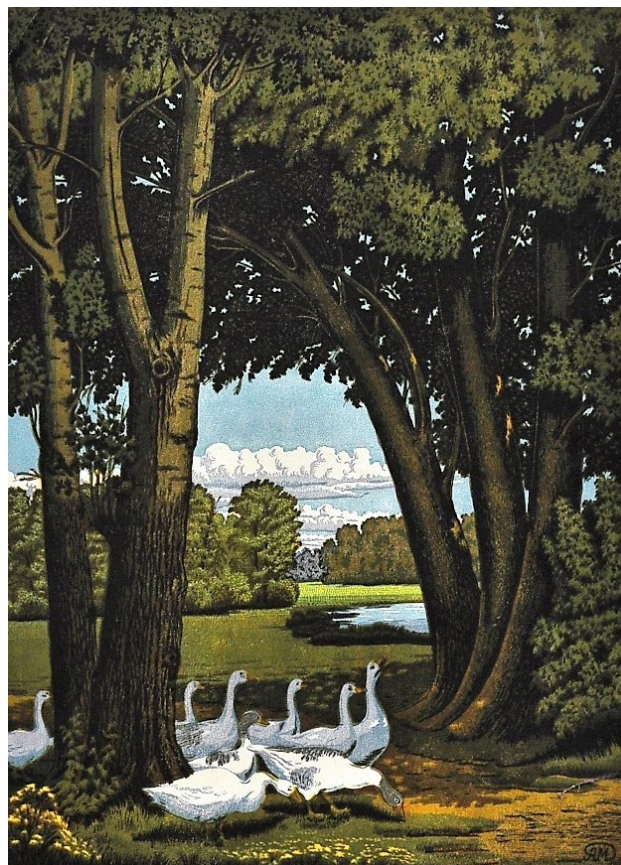

Рис. 5. А. Р. Мазин. Линогравюра «Гуси», Славянский историко-краеведческий музей

сте играли в спектаклях, выступали на эстрадных подмостках.

Во время оккупации станицы, начавшейся в августе 1942 г., немцы превратили Дом культуры в конюшню. Мазина они заставляли делать киноафиши для своих фильмов. Данный факт впоследствии послужил причиной скрытого недоверия и настороженного отношения к художнику со стороны станичников. И после войны Александру Романовичу не раз приходилось испытывать в связи с этим горечь обиды [13].

В 1946 г. на Кубани начался сильный голод. Елизавета Ивановна Ларина с тремя детьми и своей матерью Ксенией Павловной Цыпиной отправилась на Волгу, в Куйбышевскую область. Там она приняла заведование детским домом. Елизавета Ивановна не потеряла связи с Александром Мaziным. Они постоянно обменивались письмами.

В 1946 г. умерла мать Александра Романовича, и он остался один. Мазин написал

письмо Елизавете Ивановне, в котором предложил ей руку и сердце и попросил приехать.

В 1947 г. Ларина вместе с детьми и матерью вернулась в ст-цу Славянскую и соединила свою судьбу с судьбой Александра Романовича [13].

Не имея своих детей, Александр Мазин окружил отеческой заботой и любовью приемных. Помогал им встать «на ноги» в трудное послевоенное время и получить образование.

Старший Ларин — Борис Иванович — окончил Суворовское училище в г. Майкопе. Но по стезе военного не пошел. Уехал в Таганрог и там окончил техническое училище. Работал на судоремонтном заводе газосварщиком.

Средняя — Валентина — окончила Новороссийское медучилище и осталась на постоянное жительство в этом городе. Затем окончила филологический факультет Ростовского университета и 35 лет проработала в средней школе № 28 г. Новороссийска.

Младший — Геннадий — окончив авиатехническое училище в г. Вольске, поступил в Академию в Ростове-на-Дону и с 3-го курса перевелся в Ростовский пединститут на физико-математический факультет. После его окончания работал в ст-це Славянской преподавателем в школах № 5 и № 18 [13].

Александр Романович Мазин имел широкий кругозор, обладал отличной памятью и был замечательным рассказчиком. Он знал наизусть практически все произведения М. Зощенко и вечерами в кругу семьи пересказывал их «в лицах». На таких семейных посиделках читался наизусть и запрещенный Сергей Есенин.

Дети с нетерпением ожидали следующего вечера, когда вся семья соберется в одной комнате и Александр Романович начнет читать стихи или рассказывать очередное произведение. Так детям открывался литературный мир взрослых [13].

Особым расположением Александра Романовича пользовалась приемная дочь Валентина. Ее образ художник не раз воспроизводил в своих работах. На гравюре «Утро нашей Родины. Сирень» (рис. 6) в образе старшей девочки с фотографической точностью изображена Валентина, стоящая рядом с двумя младшими

Рис. 6. А.Р. Мазин Линогравюра «Утро нашей Родины. Сирень», 1954 г. Славянский историко-краеведческий музей

подругами. Образ Валентины мы встречаем и на линогравюре «За уроком» (рис. 7).

Как бы ни было семье материально трудно, Александр Романович не расставался с резцом и кистью. Много замечательных произведений создано им в послевоенные годы. Каждая сторона хозяйственной деятельности станицы Славянской нашла свое отражение в работах художника, среди которых: «Сбор хлопка», «Весенние работы на полях», «На полях совхоза „Сад-Гигант“», «Сбор яблок», «Совхоз „Сад-Гигант“», «Нефть», «Преображенная степь», «Дождь в степи» (рис. 8).

О высоком мастерстве художника говорит тот факт, что он работал сразу на семи досках. Линогравюры Александра Мазина семицветные.

В начале 1960-х гг. Александр Романович Мазин стал членом Союза художников СССР. Он принимал активное участие в выставках кубанских художников, которые проходили в Краснодаре в 1955, 1957, 1959, 1961 гг. [19, с. 110]. Его работы неизменно пользовались большим успехом среди посетителей и одо-

брением среди коллег, закупаались многими музеями страны, публиковались в центральных журналах. Александр Мазин имел много друзей в Москве и Ленинграде, в среде художников он был уважаем, хотя по характеру замкнут и «на людях» немногословен.

Помимо работы в технике гравюры как художник-оформитель Александр Романович писал портреты В. И. Ленина и членов Политбюро, по его эскизам выпускались этикетки для продукции консервного завода совхоза «Сад-Гигант» и райпищекомбината г. Славянска-на-Кубани, с его работ печатались поздравительные открытки.

Александр Романович запомнился всем большим жизнелюбом. Но последние годы жизни художника были омрачены болезнью (два инсульта с перерывом в 11 месяцев, а между ними — парализация). Александр Мазин ушел из жизни 28 апреля 1973 г., на Пасху. Он похоронен в Славянске-на-Кубани, на кладбище рядом со Свято-Успенским храмом [12].

Завершая реконструкцию жизни и творчества А. Р. Мазина, необходимо отметить, что возвращение личности художника в контекст развития искусства Кубани середины XX в.

Рис. 7. А. Р. Мазин. Линогравюра «За уроком», конец 1950-х гг. Славянский историко-краеведческий музей

призвано не только соблюсти историческую справедливость, но и дополнительно проиллюстрировать разноплановость художественной среды региона. Большое значение полученные нами результаты имеют и для кон-

Рис. 8. А. Р. Мазин. Линогравюра «Сбор хлопка», 1951 г. Славянский историко-краеведческий музей

струирования местной исторической памяти. На сегодняшний день, помимо народного художника России Н. П. Лоя, проживавшего и работавшего в г. Славянске-на-Кубани в период с 1987 по 2004 г., Александр Романович Мазин является единственным советским художником — уроженцем станицы Славянской.

К большому сожалению, Александр Романович успел подготовить только одного ученика. В конце 1950-х гг. его домашнюю мастерскую посещал юный Иван Емельянович Гончаров, которому Мазин привил любовь к графике, так же, как в свое время ему самому привил ее А. П. Эйсер.

Влияние А. П. Эйснера на выбор А. Р. Мазиним графики как основного направления в творчестве очевидно. Так же очевиден факт влияния А. П. Остроумовой-Лебедевой на увлечение художника линогравюрой. Но в за-

ключение мы бы хотели отметить еще один результат, полученный нами в ходе проведенного исследования — удивительную созвучность творческих судеб А. Р. Мазина и А. П. Эйснера. Схожие по характеру, несмотря на разницу в возрасте и социальном положении, учитель и ученик прошли одинаково тернистый путь становления в искусстве. Для обоих рубежными вехами, значительно повлиявшими на жизнь и творчество, стали трагические события в истории страны: для А. П. Эйснера — Революция 1917 г., для А. Р. Мазина — Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Оба оказались не востребованными в зрелом возрасте, когда накопленный опыт и мастерство позволяли с новой силой раскрыться природному таланту. И, наконец, оба были забыты на десятилетия и вычеркнуты из истории развития русского искусства XX в.

Dmitriy A. RESHMET

Cand. Sci. (National History), Deputy Head,
Department of Culture, Administration of
Slavyansky District Municipal Formation,
Slavyansk-na-Kubani, Krasnodar Krai, Russian Federation,
dreshmet@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4185-5932

***The Forgotten Student of an Unknown Teacher:
The Life and Work of the Kuban Graphic Artist Alexander Mazin***

Abstract. The aim of the study is to reconstruct the biography of the Kuban graphic artist Alexander Romanovich Mazin (1909–1973), who created most of his works in the middle of the 20th century, through a retrospective analysis of his life and work. Based on the artist's personal fund in the Slavyansk Museum of Local History, consisting of materials (linocuts, photographs, samples of printed materials, and personal belongings) donated by private individuals from 1985 to 2011, as well as relying on materials from private collections, published sources, and studies of Russian researchers, the author reconstructs the main stages of Mazin's creative biography. Historical-systematic, historical-biographical and diachronic methods were used in the study. Brochures with the inscription of Anna Ostroumova-Lebedeva, a Soviet graphic artist of the twentieth century, and photos of the Russian scientist Aleksey Eisner found in the artist's personal fund allowed reconstructing the facts related to the period of Mazin's study at the Institute of Proletarian Fine Arts (Leningrad) in the early 1930s. Particular attention is paid to Eisner, who rendered personal assistance to the young artist. The author discovered and first introduced into scientific discourse Eisner's portrait photograph—the only known image of him in adulthood today. The author presents the previously unknown events of Mazin's life after training in Leningrad in the pre-war period, those during the years of war and Nazi occupation and during the restoration of the country's economy after the victory. He also describes facts from Mazin's private life, his personal qualities, the fates of his adopted children, the details of his creative biography in the 1950s–1960s, and events related to his death. The author concludes that Mazin's fate is similar to fates of many provincial artists of the Soviet Union, who, for various reasons, were unable to fully

use their potential and earn the lifetime recognition of their talent. Mazin's works demonstrate his high skill; they are also significant as they reflect the main stages of the economic development of the South of Russia. Alexander Mazin can stand on a par with the brightest representatives of the artistic environment of Kuban in the middle of the twentieth century. His works are of undoubted importance for the local community, serving as an inspiring example to new generations of artists.

Keywords: Alexander Mazin, Aleksey Eisner, Anna Ostroumova-Lebedeva, linocut, Kuban artist, Academy of Arts, Kuban, Slavyansk-na-Kubani, graphic artist, Slavyansk Museum of Local History.

Использованная литература:

1. Акт приема экспонатов № 4917 от 11.06.1985 // Славянский историко-краеведческий музей. 21.05.2020.
2. Акт приема экспонатов № 157 от 17.05.1988 // Славянский историко-краеведческий музей, 20.05.2020.
3. Акт приема экспонатов № 45 от 08.08.2006 // Славянский историко-краеведческий музей. 21.05.2020.
4. Акт приема экспонатов № 15 от 22.04.2011 // Славянский историко-краеведческий музей. 21.05.2020.
5. Андрияш Н. Выставка А.Р. Мазина // Заря Кубани. 1988. 13 января. № 4. С. 6.
6. Анна Петровна Остроумова-Лебедева: к 80-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности: каталог выставки / Музей Акад. художеств СССР. Л.: [б. и.], 1951.
7. Биографическая справка к личному комплексу художника-графика А.Р. Мазина, составленная научным сотрудником Славянского историко-краеведческого музея Л. И. Албул 25.03.2000 // Славянский историко-краеведческий музей. 21.05.2020.
8. Граер Аракелян. Краснодар: Изд. дом КоТ, 2012.
9. Корнилов П.Е. Анна Петровна Остроумова-Лебедева. М.: Искусство, 1950.
10. Кубань и великие победы России в творчестве художников Краснодарского края : альбом / Администрация Краснодарского края; авт. и рук. проекта Н.Л. Щурик. Краснодар: Диапазон-В, 2010.
11. Мазин Иван Романович. Учетно-послужная картотека [Электронный ресурс] // Электронный банк данных Министерства обороны Российской Федерации «Память Народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=0d38c9342545445ac506f62307e08c06 (дата обращения 23.05.2020).
12. Материалы интервью с Г. А. Лариной от 11.02.1999 г. // Славянский историко-краеведческий музей. 21.05.2020.
13. Материалы интервью с В. И. Лариной от 11.02.1999 г. // Славянский историко-краеведческий музей. 21.05.2020.
14. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3049. Оп. 1. Д. 78.
15. Садыкова Д.Т. Григорий Булгаков: Жизнь в искусстве. Краснодар: Эдви, 2009.
16. Селинкова Е.Я. Фактография и антропология ранней коллекции православных артефактов А.П. Эйснера из Российского этнографического музея // Universum: Вестник Герценовского университета. 2014. № 2. С. 36-57.

References:

1. Slavyansk Museum of Local History. (2020) *Akt priema eksponatov № 4917 ot 11.06.1985* [Exhibit Acceptance Report No. 4917 of 11 June 1985].
2. Slavyansk Museum of Local History. (2020) *Akt priema eksponatov № 157 ot 17.05.1988* [Exhibit Acceptance Report No. 157 of 17 May 1988].
3. Slavyansk Museum of Local History. (2020) *Akt priema eksponatov № 45 ot 08.08.2006* [Exhibit Acceptance Report No. 45 of 08 August 2006].
4. Slavyansk Museum of Local History. (2020) *Akt priema eksponatov № 15 ot 22.04.2011* [Exhibit Acceptance Report No. 15 of 22 April 2011].
5. Andriyash, N. (1988) *Vystavka A.R. Mazina* [A.R. Mazin's exhibition]. *Zarya Kubani*. 13 January. 4. p. 6.
6. Ostroumova-Lebedeva, A.P. (1951) *Anna Ostroumova-Lebedeva: On the occasion of the 80th birthday and 50th anniversary of creative activity*. An exhibition catalog. Museum of the Academy of Arts of the USSR. Leningrad: [s.n.].
7. Slavyansk Museum of Local History. (2020) *Biograficheskaya spravka k lichnomu kompleksu khudozhnika-grafika A.R. Mazina, sostavlennaya nauchnym sotrudnikom Slavyanskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya L. I. Albul 25.03.2000* [A biographical note to the personal complex of the graphic artist A.R. Mazin, compiled by L.I. Albul, a researcher at the Slavyansk Museum of Local History of 25 March 2000].
8. KoT. (2012) *Graer Arakelyan*. Krasnodar: Izd. dom KoT. (In Russian).
9. Kornilov, P.E. (1950) *Anna Petrovna Ostroumova-Lebedeva*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
10. Shchurik, N.L. (2010) *Kuban' i velikie pobedy Rossii v tvorchestve khudozhnikov Krasnodarskogo kraja* [Kuban and the great victories of Russia in the works of artists of Krasnodar Krai]. An album. Krasnodar: Diapazon-V.
11. Pamyat Naroda. (2020) *Mazin Ivan Romanovich. Uchetno-posluzhnaya kartoteka* [Ivan Mazin. A service record]. [Online] Available from: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=0d38c9342545445ac506f62307e08c06. (Accessed: 23.05.2020).
12. Slavyansk Museum of Local History. (2020) *Materialy interv'yu s G. A. Larinoy ot 11.02.1999 g.* [Materials of the interview with G.A. Larina of 11 February 1999].
13. Slavyansk Museum of Local History. (2020) *Materialy interv'yu s V.I. Larinoy ot 11.02.1999 g.* [Materials of the interview with V.I. Larina of 11 February 1999].
14. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 3049. List 1. File 78.
15. Sadykova, D.T. (2009) *Grigoriy Bulgakov: Zhizn' v iskusstve* [Grigory Bulgakov: Life in art]. Krasnodar: Edvi.

17. Селинкова Е.Я. Художник А. П. Эйсер и его коллекция акварельных копий // Христианство в регионах мира. Вып. 2. Спб.: Наука, 2008. С. 381-406.

18. Четыркин Л.О. Рабочие художники. Москва: ОГИЗ; Ленинград: ИЗОГИЗ, 1933.

19. Щурик Н.Л. Мастера изобразительного искусства Кубани. Живопись. Графика. Часть I. Поколение создателей. Краснодар: Дизайн-бюро «НиК», 2006.

16. Selinenkova, E.Ya. (2014) Faktografiya i antropologiya ranney kolleksii pravoslavnykh artefaktov A.P. Eysnera iz Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya [The factography and anthropology of the early collection of Orthodox artifacts of A.P. Eisner from the Russian Museum of Ethnography]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 2. pp. 36–57.

17. Selinenkova, E.Ya. (2008) Khudozhnik A. P. Eysner i ego kolleksiya akvarel'nykh kopiy [The artist A.P. Eisner and his collection of watercolor replicas]. In: *Khristianstvo v regionakh mira* [Christianity in the regions of the world]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka, pp. 381–406.

18. Chetyrkin, L.O. (1933) *Rabochie khudozhniki* [Worker artists]. Moscoe: OGIZ; Leningrad: IZOGIZ.

19. Shchurik, N.L. (2006) *Mastera izobrazitel'nogo iskusstva Kubani. Zhivopis'. Grafika* [Masters of Fine Arts of the Kuban. Painting. Graphic arts]. Part I. Krasnodar: Dizayn-byuro "NiK".

Полная библиографическая ссылка на статью:

Решмет Д. А. Забытый ученик неизвестного учителя: жизнь и творчество кубанского художника-графика Александра Романовича Мазина / Д. А. Решмет // Наследие веков. – 2020. – № 2 – С. 73–84. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.007

Full bibliographic reference to the article:

Reshmet, D. A. (2020) The Forgotten Student of an Unknown Teacher: The Life and Work of the Kuban Graphic Artist Alexander Mazin. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 73–84. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.007

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

СУББОТИН Андрей Викторович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа
Института истории материальной культуры
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Andrey V. SUBBOTIN

Cand. Sci. (Archaeology), Senior Researcher,
Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation,

asubbotin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2199-9397

УДК 902.21+351.853(470.631)
ГРНТИ 13.61.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.008

Определение границ памятника и разведочные шурфы на городище Красный Восток в бассейне реки Кума

Monument Boundary Definition and Exploration Pits at the Krasnyy Vostok Site in the River Kuma Basin

В статье излагаются результаты инструментальной съемки и шурфовки на раннесредневековом городище, выявленном в начале 1970-х гг. Х. Х. Биджиевым. Городище и связанное с ним селище занимают высокое мысовое плато над каньоном левого берега р. Кумы в Карачаево-Черкесии. Площадь укрепленного городища – 4 га, селища – немногим меньше. С трех сторон городище абсолютно неприступно, с четвертой, западной, надежно защищено высоким валом и глубоким рвом. На городище и селище зафиксирован ряд западин, которые, скорее всего, являются заросшими остатками построек. Содержимое шести шурфов – каменные развалы фундаментов (?) строений и фрагменты сосудов. Керамика может быть датирована VII–X вв. н. э. Памятник являлся одним из звеньев в цепи достаточно известных (несколько десятков) укрепленных крепостей данного времени в предгорьях и горах Северного Кавказа. Строительство сети сложных оборонительных сооружений свидетельствует о высокой строительной культуре и социальной дифференциации общества в это время.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесская Республика, городище Красный Восток, мысовое городище и селище, разведка, инструментальная съемка, шурфовка, керамика, Раннее Средневековье, план памятника, фундаменты, вал и ров.

В июне 2019 г. экспедицией Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) произведено обследование в урочище Лафишевском неподалеку от аула Красно-восточного Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской Республики (КЧР).

В процессе выполнения работ была обследована территория городища Красный Восток, открытого в начале 1970-х гг. Х. Х. Биджиевым [2, с. 116], но не находящегося в Едином государственном реестре памятников истории и культуры и не стоящего в списке выявленных памятников археологии.

Исследованная территория представляет собой высокое мысовое, немного уплощенно-сферическое в сечении (по верхнему абрису), плато над каньоном левого берега р. Кумы (Рис. 1). Объект исследования находится в 2,4 км к юго-западу от южной окраины а. Красновосточного. Это плато вытянуто по линии запад-восток и ограничено с южной стороны длинной и глубокой балкой Калажкор, а с северной стороны — еще более протяженной балкой Хацкекор (Рис. 2). Соответственно, южный и северный склоны восточной части обследуемого участка очень крутые, а восточный край участка (и в целом вся восточная часть мыса) вообще обрывается к р. Куме скальным обрывом. К западу эта площадь имеет несколько более плавное (от его самой высокой точки) понижение. В нижней части этого понижения находится самое узкое (с юга на север) место всего участка. Его протяженность — всего около 80 м. Именно здесь находится высокий вал (высотой до 6–7 м) в напольном западном его склоне и за ним — ров глубиной 1–2 м. Ныне вал и ров сильно заросли высокой травой и мелким кустарником. В южной части вала, с напольной стороны,

Рис. 1. Городище Красный Восток. Аэрофотоснимок с юга

зафиксировано небольшое по площади обнажение каменной кладки из крупных блоков известняка, сложенных в стенку без скрепляющего раствора. В западном направлении территория плато имеет несколько более ровный рельеф в своей центральной части, однако южный и северный её борта тоже достаточно круто обрываются вниз к ложам названных выше балок. Территория обследования на самом западном краю плато была ограничена руслом пересохшего ныне и заиленного водотока, бывшего в прошлом родником. Еще западнее, за водотоком, начинается уже современный антропогенный ландшафт — отвалы силосных ям и траншей разрушенной в наши дни МТФ, бульдозерные перекопы земли и пр.

Визуальный осмотр территории обследования с достаточной убедительностью доказывает, что в данном месте находилось укрепленное городище с неприступными восточным, северным и южным рубежами и мощным оборонительным валом со рвом на западном узком перешейке, за которым с западной стороны находилось связанное с городищем селище.

В ходе работ было заложено шесть разведывательных шурфов с целью выявления культурного слоя на территории обследования. В результате работ на обследованном участке в заполнении шурфов обнаружен

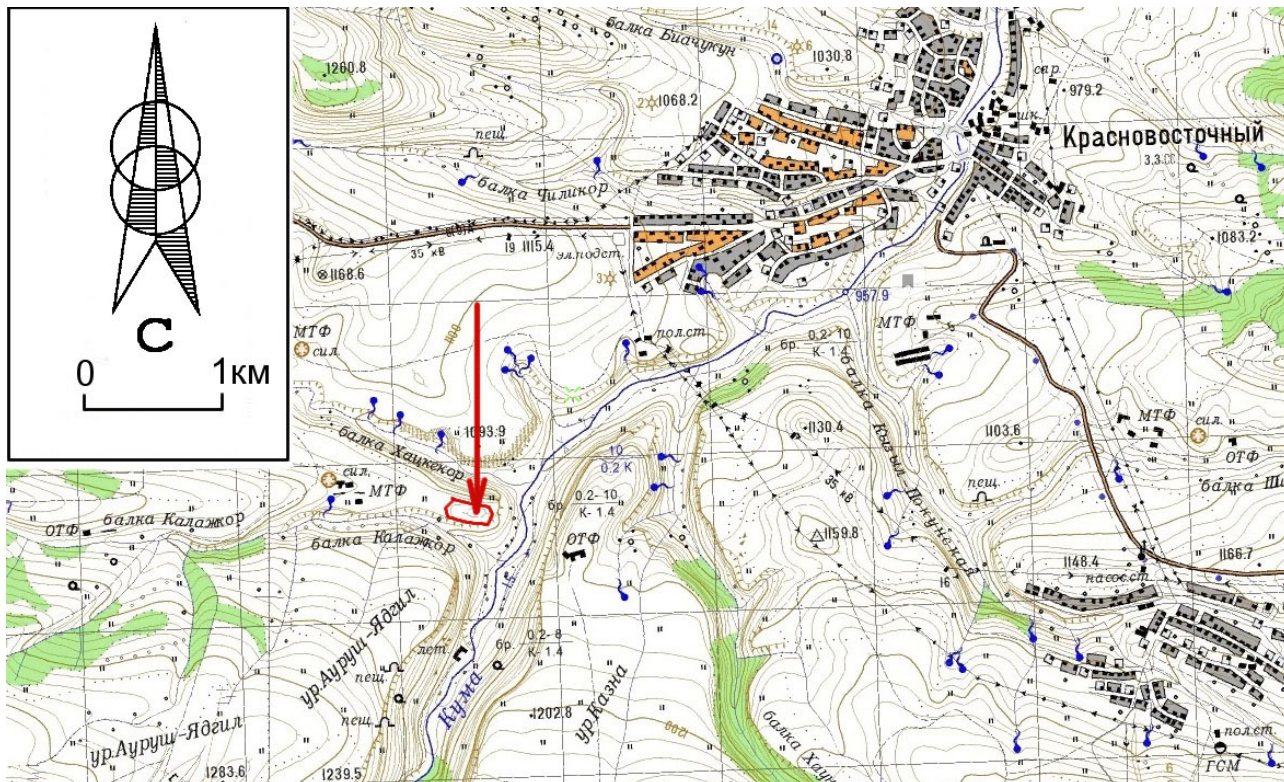

Рис. 2. Городище Красный Восток. Местоположение памятника на карте

культурный слой, развалины каменных фундаментов из крупных и средних по размеру обломков известняка, кости животных, более 200 фрагментов керамики.

Автор открытия отмечает, что городище Красный Восток «расположено в четырех километрах к западу от аула Красновосточный, в естественно укрепленном месте, в ущелье р. Кумы... на мысу и занимало площадь 4 га. С южной стороны оно укреплено каменной стеной. Вдоль стены с внутренней стороны — остатки каменных построек. Ворота находились на юго-западном конце мыса.

С восточной стороны городища к нему примыкает селище. Керамика, собранная на городище, относится к VII–X вв. Городище располагается на месте селища позднекобанской эпохи» [1, с. 140–141].

Следует, однако, отметить, что:

1. Х.Х. Биджиев [2, с. 116], а следом за ним и Е. П. Алексеева [1, с. 140–141] ошибочно указали расположение селища к востоку от городища, что невозможно, так как восточный край городища обрывается в узкий и затапливаемый сезонными паводками каньон р. Кумы под городищем. На самом деле селище распо-

лагается с западной стороны от городища на достаточно удобной для этого площадке и не вдалеке от почти высохшего к настоящему времени родника.

2. План городища, приведенный Х.Х. Биджиевым в его упомянутой выше книге [2, рис. 52–5], неверен по ориентировке, по масштабу, локации оформляющих городище с севера и юга глубоких балок, их названию, а также по ряду других характеристик.

3. Ворота в городище, вероятнее всего, находились не на южном конце вала (по Биджиеву), где не обнаружено ни одного свидетельства наличия входа, а с северной стороны вала, в месте где зафиксировано его некоторое понижение и где в настоящее время промита колей для въезда на территорию городища.

В процессе работ минувшего сезона была осуществлена инструментальная съемка всей территории памятника на площади около 8 га.

В результате определилось, что памятник состоит из двух частей — самого городища с валом и рвом (восточная часть) и селища с границей по правому борту пересыхающего родника, проходящей в крайней западной части территории обследования.

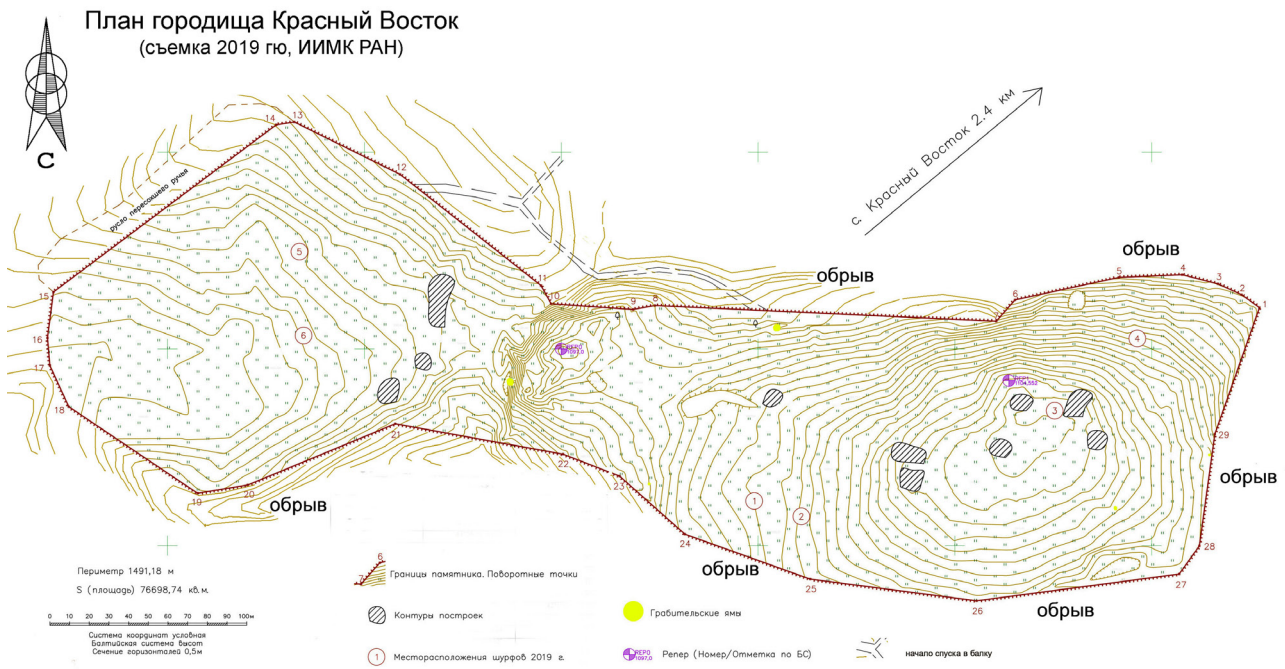

Рис. 3. Городище Красный Восток. Инструментальный план (съёмка 2019 г., ИИМК РАН)

Городище (Рис. 3) вытянуто в длину по линии запад-восток на 380 м, а в ширину имеет протяженность в самой широкой части, ближе к восточному краю, — 180 м. Самая узкая часть — на западном краю городища, где зафиксированы высокий вал и ров. Превышение самой высокой части городища над уровнем его краев — до 13 м. Следов каких-либо каменных конструкций на густо заросшей травой дневной поверхности не обнаружено.

На территории самого городища выявлено несколько широких воронкообразных неглубоких западин подквадратной, подпрямоугольной или овальной формы с хорошо заметным валиком по контуру. Таких западин, размерами в сечении от 8 до 15 м, не менее семи. Вероятнее всего, эти западины являются полностью заросшими остатками фундаментов каких-то турлучных (?) построек в центральной части городища. Никаких каменных стен по периметру памятника не найдено, хотя автор открытия писал, что на территории поселения с внутренней стороны стены прослеживались остатки построек различных размеров, сооруженных из камней. Возможно, в год открытия памятника какие-то постройки еще сохранялись, но к моменту настоящего обследования они были разобраны местными

жителями на хозяйственное строительство в ауле.

Не столь рельефная западная часть обследуемой территории, представляющая собой селище, занимает чуть меньшую площадь, чем городище. Размеры селища с запада на восток — 220 м, а с юга на север — 200 м. Площадка относительно ровная, лишь в восточной половине этой территории, то есть ближе к валу и рву, также выявлено три пологих воронкообразных западины с валиками по контуру. Скорее всего, это тоже остатки абсолютно заросших фундаментов каких-то построек. Площадь их в сечении — от 8 до 20 м.

Сам вал и ров имели явно оборонительное значение. Судя по остаткам каменной кладки, сохранившейся не заросшей лишь в одном месте вала, на своем южном напольном краю он представлял собой стену, сложенную из крупных песчаниковых блоков всухую.

В процессе инструментальной съемки памятника были обнаружены следы спуска с городища по северному борту мыса к дну балки Хацкекор. Этот спуск представляет собой ныне сильно заросшую широкую тропу, спускающуюся серпантином по склону, причем в самом своем начале на данную тропу можно было выйти как с территории городища, так и с территории селища. Сейчас эта

тропа прослежена лишь на верхней половине пути к дну балки, а ниже она теряется, видимо, из-за разрушивших её осыпей крутого склона. Следует отметить, что путь к воротам по северной балке зафиксировал еще автор открытия памятника, который отмечал, что она шла параллельно оборонительной стене.

По условиям договора планировалась закладка четырех шурфов на самом городище. Однако в связи с обнаружением западин и подъемного керамического материала не только на территории самого городища, но и к западу от него, за валом, было принято решение о закладке дополнительно еще двух шурфов на данной территории — с целью выявления свидетельств существования здесь селища.

В результате оказалось, что во всех шурфах присутствуют находки — керамика, кости животных. Кроме того, в пяти шурфах наличествуют остатки разрушенных каменных конструкций.

Коллекция керамики (Рис. 4, 5) состоит из некрупных фрагментов стенок гончарных (?) сосудов или сосудов, правленных на круге; есть несколько мелких фрагментов стенок лепных сосудов. Венчики представлены в количестве 20 экземпляров, в основном мелких, что не позволяет определить ни форму сосуда, ни (в ряде случаев) диаметр. Керамика разнообразна по цвету глины, плотности теста, обжигу, примесям; есть ангобированная, чернолощенная, фрагменты стенок с гребенчатым линейным орнаментом, венчик с зубчатым штампом, фрагменты стенок с расчесами, с нагаром и без. Примеси — дресва, мелко- и крупнозернистый кварц (известняк или толченая ракушка). Но большую часть керамики объединяет такая примесь, как мелкозернистая слюда. По своему характеру, тесту и формам венчиков керамика может быть датирована последней третью I тыс. н.э., что не противоречит мнению автора открытия памятника по данному вопросу, в соответствии с которым это VII–X вв. н.э.

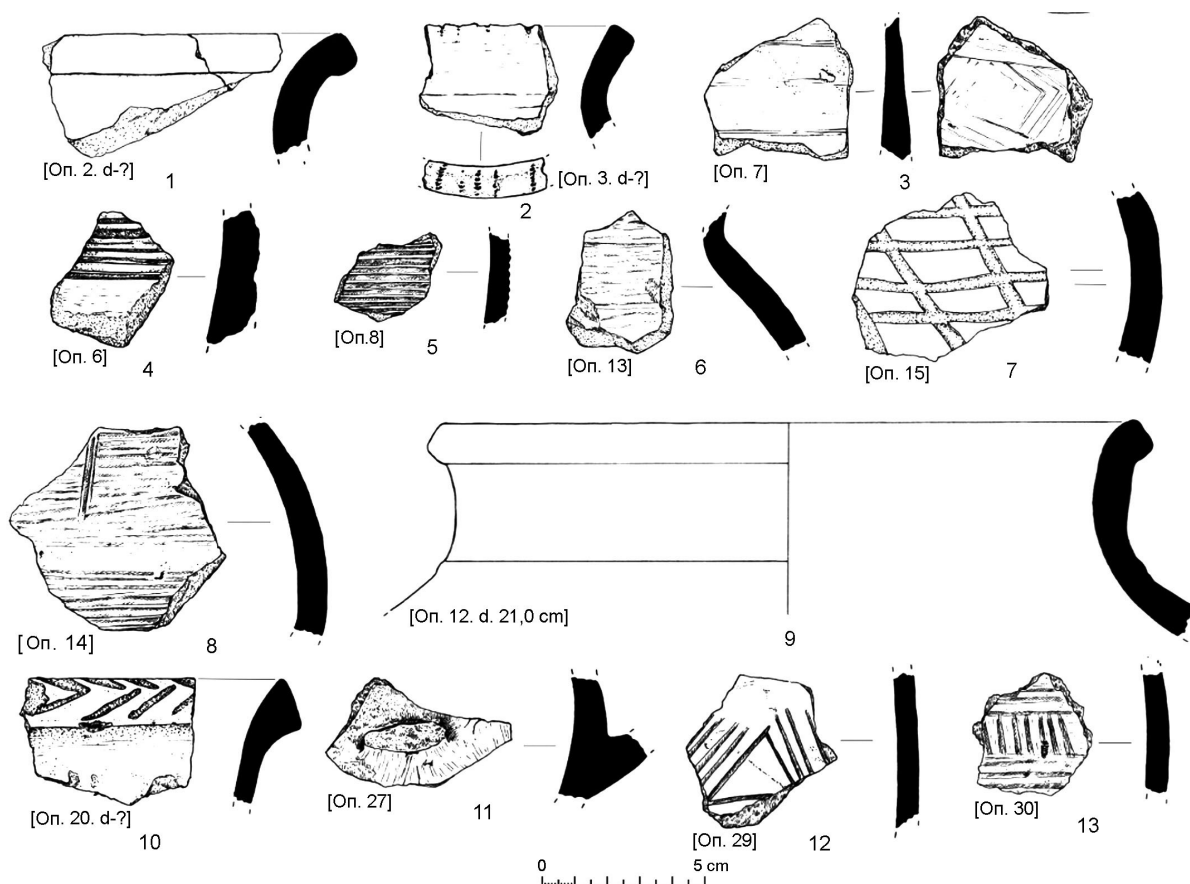

Рис. 4. Городище Красный Восток. Венчики и орнаментированные стенки сосудов из шурфов 1-3.

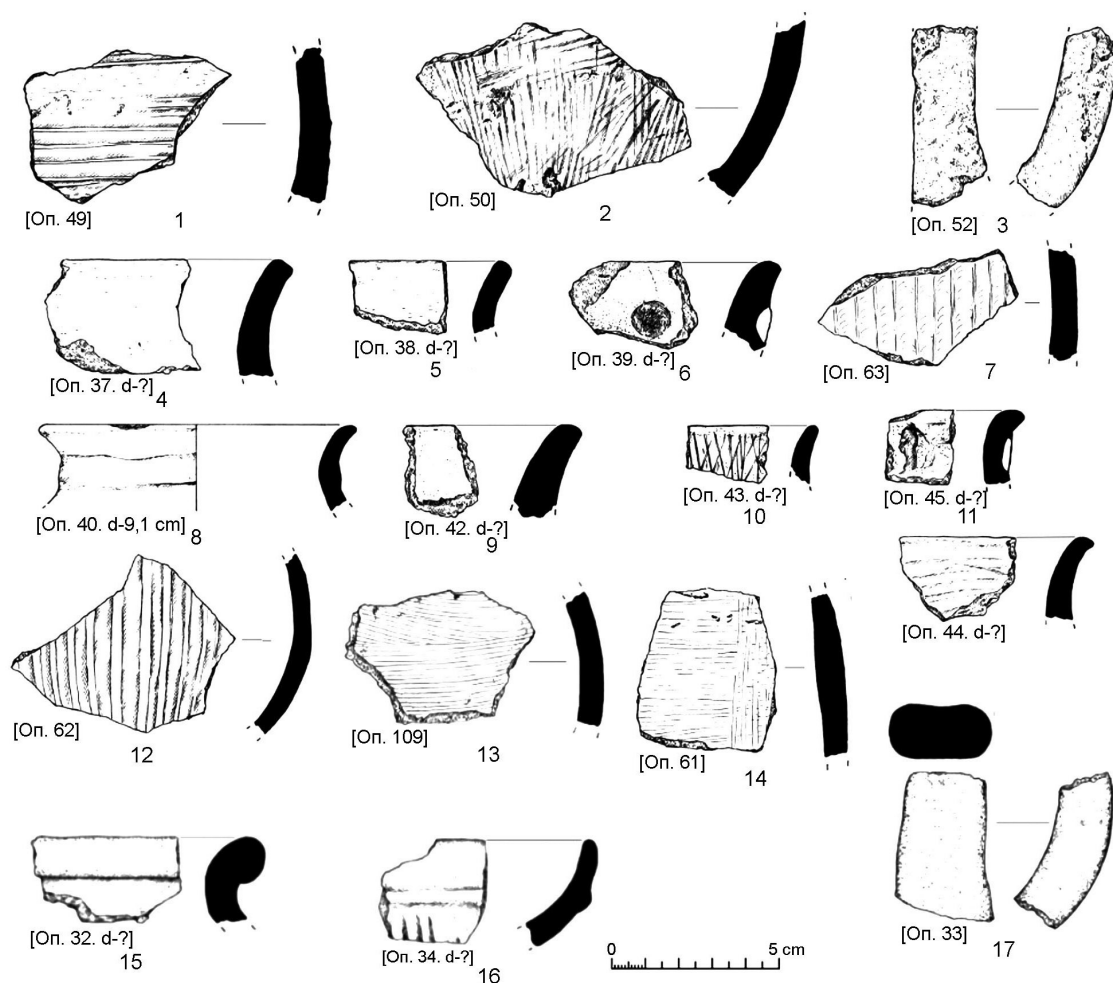

Рис. 5. Городище Красный Восток. Венчики и орнаментированные стенки сосудов из шурфов 4-6.

Х. Х. Биджиев, авторитетный исследователь фортификационных сооружений Северного Кавказа и, в частности, Карачаево-Черкесии, «с определенной оговоркой» разделяющий средневековые поселения на территории Республики на четыре большие группы, относит данный памятник к первому типу третьей группы. Это двухчастные поселения, которые состоят из укрепленного городища без цитадели и селища. Помимо Красновосточного к данной группе принадлежат также Байтал-Чапханское, Красногорское и ряд аналогичных памятников. Памятники третьей и четвертой групп, по мнению Х. Х. Биджиева, можно также суммарно датировать VII–XII вв. н.э.

Городище и замки-крепости, как правило, имеют двух- и трехчастное деление, которое четко разграничивает различные слои населения по их социальному составу. Для

поселений третьей и четвертой группы весьма характерна также сложная система оборонительных сооружений, свидетельствующая о высокой строительной культуре и социальной дифференциации общества.

Другими авторами фиксируется целая сеть этих городищ [3, с. 144–146] [1, с. 140] которые возникают в конце VI или на рубеже VI–VII вв.

По данным Ковалевской известно более 130 подобного рода каменных городищ, расположенных порой группами в предгорьях и горных районах — поселения с оборонительными стенами из камня. Через каждые 2–3 км на оконечности мыса, господствовавшего над рекой (высота их над уровнем реки колеблется от 10 до 50 м), сооружалась такая небольшая крепость. Иногда на относительно малом пространстве создавалось целое гнездо крепостей. Например, у Медового водопа-

да, близ Кисловодска, насчитано двенадцать подобных памятников, на территории Мало-карачаевского конного завода расположено пять таких крепостей. Крепостные стены, башни, жилые и хозяйственные здания были сложены насухо из крупных блоков серого известняка, который ломали на нижнем скальном уступе того же мыса, превращая его тем самым в неприступную цитадель.

Как правило, рассматриваемые поселения располагались на труднодоступных

мысах, отрогах, защищенных с трех сторон глубокими ущельями, которые соединялись с основным массивом гор через узкую полосу, или занимали плоскую вершину плато — останец с крутыми склонами. Поэтому древние строители крепостных сооружений укрепляли памятник только с напольной стороны.

Все это в полном объеме фиксируется в результате проведенных исследований 2019 года на городище Красный Восток.

Andrey V. SUBBOTIN

Cand. Sci. (Archaeology), Senior Researcher,
Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation,
asubbotin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2199-9397

***Monument Boundary Definition and Exploration Pits
at the Krasnyy Vostok Site in the River Kuma Basin***

Abstract. The article presents the results of instrumental surveys and pitting at an early medieval site, identified in the early 1970s by Kh.Kh. Bidzhiev. The investigated site and the settlement associated with it occupy a high cape plateau above the canyon of the left bank of the river Kuma in the Karachay-Cherkess Republic. The object of study is located in 2.4 km south-west of the southern outskirts of the village Krasnovostochny. The area of the fortified site is 4 hectares, the area of the settlement is slightly less. On three sides, this site is absolutely impregnable. On the forth western side, on its western slope, it is reliably protected by a rampart of up to 6 to 7 m high and a moat of 1 to 2 m deep. On the outside of the southern part of the rampart, a small outcrop of masonry constructed of the large blocks of limestone formed in the dry stone wall was discovered. The gates to the site were most likely located on the northern side of the rampart, in the place where a slight decrease was discovered, not at the southern end of the rampart (according to Bidzhiev) because no sign of an entrance was found there. The site revealed several shallow depressions of a sub-square, sub-rectangular or oval shape with a noticeable roller along the contour. There are at least 7 such depressions in the sectional area from 8 to 15 m. Probably, these depressions are the overgrown remains of the foundations of some buildings in the central part of the site. The content of 6 pits made on the territory of the site and the settlement are stone remains of the foundations (?) of ancient buildings and fragments of vessels. The collection of ceramics consists of medium-sized fragments of the walls of pottery (?) vessels, or vessels that are corrected on a wheel. The ceramics are diverse in the color of clay, density of the paste, firing, and impurities. According to the character, paste and collar shapes, ceramics can be dated to the last third of the 1st millennium AD, which does not contradict the opinion of the site's discoverer on this issue (7th to 10th cent. AD). The examined site was one of the links in the main chain of fairly widely known (several dozen) fortified stone fortresses of this time in the foothills and mountains of the North Caucasus. Specialists know more than 130 similar stone sites, sometimes located in groups in the foothills and mountainous regions: settlements with defensive stone walls. Such small fortresses were built every 2 to 3 km along the tip of the cape above the river. The construction of a network of complex defensive structures indicates a high building culture and a social differentiation of society at the time.

Keywords: Karachay-Cherkess Republic, Krasnyy Vostok site, cape site and settlement, exploration, instrumental survey, pitting, ceramics, early Middle Ages, plan of site, foundations, rampart and moat.

Использованная литература:

1. Алексеева Е. П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии М.: Наука – Восточная литература, 1992. С. 140–141.
2. Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1983. С.116–123.
3. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука, 1984. С. 144–146.

References:

1. Alekseeva, E.P. (1992) *Arkheologicheskie pamyatniki Karachaevo-Cherkessii* [Archaeological monuments of Karachay-Cherkessia]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura. pp. 140–141.
2. Bidzhiev, Kh.Kh. (1983) *Khumarinskoe gorodishche* [Khumar]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo kn. izd-va. pp.116–123.
3. Kovalevskaya, V.B. (1984) *Kavkaz i alany. Veka i narody* [The Caucasus and the Alans. Centuries and peoples]. Moscow: Nauka, pp. 144–146.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Субботин А. В. Определение границ памятника и разведочные шурфы на городище Красный Восток в бассейне реки Кума / А. В. Субботин // Наследие веков. – 2020. – № 2 – С. 85–92. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.008

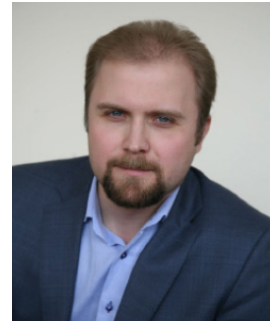
Full bibliographic reference to the article:

Subbotin, A. V. (2020) Monument Boundary Definition and Exploration Pits at the Krasnyy Vostok Site in the River Kuma Basin. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 85–92. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.008

ГУРОВ Михаил Борисович
проректор по творческой и социально-воспитательной
деятельности Московского государственного института культуры;
преподаватель кафедры культурологии
Московского государственного института культуры,
Москва, Российская Федерация

Mikhail B. GUROV
Vice-Rector for Creative and Socio-Educational Activities, Lecturer,
Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation,
gurovmb@yandex.ru

УДК 351.853:94(470)"18"
ГРНТИ 13.61.09
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.009

**«Краткое обозрение»
А.Г. Глаголева – первый свод
памятников истории и культуры
России (по материалам изданий
Министерства внутренних дел
30-х – 40-х гг. XIX века)**

***A Brief Overview by Andrey Glagolev:
The First Corpus of Monuments
of History and Culture of Russia
(Based on Publications
of the Ministry of Internal Affairs
of the 1830s–1840s)***

В статье на основе периодических изданий Министерства внутренних дел 30-40-х гг. XIX в. анализируется первый свод памятников России – «Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников», составленное ученым, историком и археологом А.Г. Глаголевым по поручению министра внутренних дел Д.Н. Блудова. Анализ проводится с целью установления, какие именно памятники и по какой причине были отобраны государством для охраны. В первой части исследования изучен процесс составления свода, вторая посвящена анализу его пообъектного состава. При подготовке статьи использовались нарративный и исторический методы исследования, а также сравнительный и типологический. Делается вывод, что основу первого свода памятников России составили, в первую очередь, памятники церковной архитектуры, главным критерием отбора объектов при этом выступала их древность, причастность к истории, выдающимся историческим событиям и жизни великих людей, то есть историческая и мемориальная ценность.

Ключевые слова: памятник, памятник истории и культуры, объект культурного наследия, памятник археологии, исторические здания, охрана памятников, древности, свод памятников.

Статья посвящена изучению первого свода памятников истории и культуры Российской империи — «Краткого обозрения древних русских зданий и других отечественных памятников» А. Г. Глаголева. Несмотря на то что данный документ является фактически первым официальным списком отечественных древностей, до настоящего времени он не был объектом отдельных исторических и памятниковедческих исследований. «Краткое обозрение» А. Г. Глаголева только упоминается в диссертационном исследовании А. В. Работкевича [18], а также в публикациях М. А. Поляковой [16] [17]. При этом в учебном пособии М. А. Поляковой «Культурное наследие России. Сохранение и актуализация» указывается неверное количество памятников, приведенных в своде А. Г. Глаголева (более 4000 объектов [16, с. 63]). Вероятно, это просто техническая ошибка, потому как более 4000 памятников, а именно 4108, было в списке, составленном значительно позже, уже при министре внутренних дел П. А. Столыпине, по циркуляру Министерства внутренних дел от 6 сентября 1901 г. И эта цифра была опубликована.

Источниковую базу нашего исследования составляют публикации А. Г. Глаголева в официальных изданиях Министерства внутренних дел, а также ряд документов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве, и материалы, опубликованные в издании «Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX в. Сборник документов» [23].

При историческом описании процесса подготовки А. Г. Глаголевым своего «Краткого обозрения» мы опирались на нарративный и исторический методы исследования. Сравнительный и типологический методы применялись при анализе пообъектного состава списка.

Единая государственная политика в отношении выявления и сохранения недвижимых памятников старины начинает складываться в Российском государстве только в XIX в. До этого времени о целенаправленной политике государства в части сохранения наследия говорить не приходится. Характеризуя отдельные мероприятия органов государственной власти, направленные на изучение

и сохранение памятников истории и старины в XVIII в., А. В. Работкевич отмечает: «...собственно же государственная политика, предполагающая наличие системы охраны памятников и органов, её осуществляющих, в это время ещё не сложилась» [18, с. 76].

В начале XIX в. полномочиями по выявлению и сохранению памятников древности на территории Российской империи наделяется Министерство внутренних дел. Это происходит еще при императоре Александре I, но только в правление императора Николая начинается активная работа в данном направлении.

В 1826 г. Министерство внутренних дел выпускает циркуляр гражданским губернаторам «О доставлении сведений об остатках древних зданий и воспрещении разрушать оные». Из Циркуляра следует, что Государь Император повелел немедленно собрать «следующие сведения по всем губерниям: 1) в каких городах есть остатки древних замков и крепостей и других зданий древности и 2) в каком они положении ныне находятся. Воля Его Величества в то же время есть, чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать, что и должно оставаться на ответственности начальников городов и местных полиций» [23, с. 67]. И далее: «Буде есть возможность снять с таковых зданий планы и фасады в нынешнем их положении, то сие Его Величеству весьма желательно» [23, с. 67].

Положения циркуляра о воспрещении разрушать исторические здания вскоре получили свое развитие в законодательных актах. Так, в Уставе строительном 1832 г. в разделе II, главе 4, пункте 617 подчеркнуто, что «строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности, под ответственностью за нарушение сего», а в разделе III «О зданиях церковных» в пункте 665 четко прописано: «Когда требуется только перестройка или починка церкви, то в МВД препровождается точный план и фасад оной, как она была до повреждения, с подробным означением и описанием, в чем и каким образом положено ее исправить или переменить» [23, с. 74]. В Уставе Духовных консисторий от 27 марта 1841 г. в пункте 50 указано, что епархиальные

начальства контролируют, «чтобы старинные церкви, замечательные в каком-либо отношении историческом, возобновлялись с сохранением прежнего вида» [23, с. 78].

Таким образом, было положено начало новой государственной политике в деле обращения с недвижимым наследием. Материалы, которые должны были поступить от губернаторов, призваны были сформировать первый свод памятников, подлежащих защите. А главным ведомством, которое должно было обеспечивать эту защиту, являлось Министерство внутренних дел, как отвечающее в числе прочего и за строительство.

В соответствии с требованиями циркуляра 1826 г. о древних зданиях необходимо было предоставить следующие сведения: «а) когда и кем оные строены или перестроены; б) по какому случаю или для какого намерения; в) если они не полны, то сколько, когда и почему они разрушены; г) из каких материалов строены; д) какие в них достойные примечания или отличные от обыкновенных вещи или части оных находятся; е) в каком они теперь положении, в чьем ведении и для чего употребляются; и, наконец, можно ли их поддерживать починкою, не переменив их древних планов и фасадов» [23, с. 68].

Это была первая в истории России попытка составить подробный список древних памятников на территории всей страны. Циркуляр гражданским губернаторам был разослан 31 декабря 1826 г. 6 января 1827 г. из Министерства внутренних дел вышло аналогичное обращение — к министру Императорского двора [19], а 7 января 1827 г. — к обер-прокурору Святейшего синода [20]. Последние два обращения содержали просьбу дать поручение оказывать на местах содействие выполнению губернаторами требований циркуляра.

Все материалы были представлены в I-е Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и по Высочайшему повелению в полном объеме перенаправлены в Министерство внутренних дел, которому и надлежало следить за сохранностью этих зданий.

Полученные материалы были переданы известному ученому, историку и археологу Андрею Гавриловичу Глаголеву с целью подгото-

вить их для публикации в журнале Министерства внутренних дел (ЖМВД). Издание этих материалов было анонсировано в первом номере журнала Министерства внутренних дел за 1838 г.

В одной из своих статей, опубликованной в ЖМВД в 1842 г. и посвященной выходу в свет издания «Материалы для статистики Российской империи», А. Г. Глаголев характеризует сведения, оказавшиеся у него в распоряжении, как неполные и неверные [4, с. 307]. Однако, несмотря на это, он все же «полагал возможным составить, в роде пояснительного для них текста, опыт общего обозрения древних зданий по следующему плану:

Часть I. Памятники собственно Русские. А). Крепости. Б). Церкви и монастыри. В). Дворцы и другие примечательные здания. Г). Разные археологические памятники.

Часть II. Памятники иноплеменных народов в России. А). Кавказских племен и Армянские. В). Монгольские и другие Азиатские. С). Финские. Д). Немецкие. Ф). Римские в Бессарабии, и Г). Греческие в Крыму» [4, с. 307–308].

В целом министр внутренних дел одобрил этот план, и для помощи в его реализации был выпущен еще один циркуляр (от 9 октября 1837 г.), в котором министр снова просил начальников губерний доставить ему сведения о древних зданиях, «как то: монастырях, церквях, замках, домах, водопроводах, мостах, развалинах стен, остатках древних дорог и других памятниках древности, замечательных, или по своим историческим событиям, или по каким-либо особо важным происшествиям, точные и полные сведения, и если возможно, то доставить рисунки таковым древностям, и изложить вкратце историю существования их, или предания, кои на их счет сохранились» [4, с. 308]. Характеризуя данные материалы, А. Г. Глаголев отмечает, что «некоторые из полученных сведений требуют проверки, дополнений, критики; другие могут в настоящее время быть уже с пользою обнародованы» [5, с. 351]. Однако последних, то есть тех, которые могли бы быть обнародованы без правки или с минимальной правкой, оказалось совсем немного. К таковым можно отнести только материалы, присланные Владимирским, казанским и курляндским губер-

наторами. В остальном же, как констатирует А. Г. Глаголев, материалы вновь оказались неудовлетворительными. Более того, некоторые губернаторы «отозвались, что в их губерниях совсем нет никаких памятников древности» [4, с. 308].

Несмотря на это, А. Г. Глаголев все же составил на основе имеющихся в его распоряжении материалов краткую записку и представил ее на рассмотрение министру внутренних дел. Однако тот счел получившиеся описания «слишком краткими и сухими» и поручил переделать все «с начала до конца, стараясь по возможности дополнять где нужно всем, что только можно найти замечательного в Истории, в журналах и в отдельных сочинениях обнародованных» [5, с. 350]. Так появилось «Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников», которое фрагментарно было напечатано в журнале Министерства внутренних дел и в «Материалах для статистики Российской империи» [2; 3]. Если говорить об источниках, которыми пришлось пользоваться А. Г. Глаголеву при написании этого труда, то тут им была проделана обширная работа по подбору нужной литературы и ее анализу (ведь в этой теме он фактически был первопроходцем). Описывая работу над первыми двумя частями «Краткого обозрения»¹, которые сначала были опубликованы в журнале Министерства внутренних дел, а потом перепечатаны в «Материалах для статистики Российской империи», он отмечает следующее: «...в двух напечатанных статьях уже описано мною около 70-ти крепостей и более 500 церквей и монастырей. Каждый из сих памятников надлежало сличать с отечественною Историей, столько многосложною, и сверять с разными отдельными сочинениями, по части археологии, которых одно приискивание, по неимению собственной археологической библиотеки, требовало большого терпения» [5, с. 351]. К примеру, при описании сторожевых линий в самом первом разделе («Крепости») ему пришлось обращаться к летописям и Книге Большого чертежа [4, с. 309].

Первоначальный план А. Г. Глаголева, касающийся содержания «Краткого обозрения»,

так и не был реализован в полном объеме. Законченными оказались только два первых раздела первой части — «Памятники собственно русские». Оба эти раздела, один из которых посвящен крепостям, другой — церквям и монастырям, в полном объеме были напечатаны в «Материалах для статистики Российской империи». Содержащаяся в них информация может быть дополнена сообщением владимирского гражданского губернатора «Описание некоторых древностей и памятников во Владимирской губернии», которое, ввиду его высокого качества, было опубликовано А. Г. Глаголевым в девятом номере журнала Министерства внутренних дел за 1839 г. [15]. Третий раздел первой части — «Дворцы и другие примечательные здания» — представлен двумя отдельными статьями в журнале Министерства внутренних дел за 1841 г.: «О древних великокняжеских и царских дворцах» [7] и «О дворцах, современных Петру Великому» [6]. Четвертый раздел первой части — «Разные археологические памятники» — вовсе не был подготовлен².

Вторая часть, посвященная памятникам иноплеменных народов России, фрагментарно представлена несколькими статьями в ЖМВД в период с 1840 по 1842 г. Так, первый раздел второй части — «Памятники кавказских племен и Армянские» — представлен двумя статьями: «Обозрение древних зданий в Закавказском крае» [12] (о древних памятниках Грузии) и «Описание древних зданий в Армянской области» [11]. Насколько они исчерпывают изначальный замысел Глаголева по обозрению памятников Кавказа и Закавказья, вопрос открытый. Второй раздел — «Памятники монгольские и другие азиатские» — представлен только обзором памятников древности Казанской губернии [13]. Правда, в первом номере журнала Министерства внутренних дел за 1841 г. есть анонимная статья «О городе Касимове Рязанской губернии» [14], в кото-

² Если, конечно, не считать разными археологическими памятниками остатки крепостных укреплений, которые Глаголев описывает вместе с крепостями в первом разделе, и другие руинированные объекты, описанные им в разных статьях, а также различные памятники древности (гражданские и церковные постройки), упоминаемые в статье о церквях и монастырях.

¹ А). Крепости; Б). Церкви и монастыри.

рой описываются древности ханских времен и православные храмы. Однако, если учесть, что памятники русского народа и народа иноплеменного даются вместе, чего А. Г. Глаголев обычно не делал, что некоторые из приводимых в статье православных памятников (Казанский монастырь и церковь Вознесения 1748 г.) уже были упомянуты А. Г. Глаголевым в разделе «Церкви и монастыри» первой части «Краткого обозрения» и, наконец, что часть описываемых церковей была построена в XIX в. и не относилась к древностям, достоверно отнести данную статью к авторству А. Г. Глаголева нельзя¹. Третий раздел («Памятники Финские») и шестой («Памятники Греческие в Крыму») вовсе не представлены никакими публикациями. К четвертому разделу — «Памятники Немецкие» — можно отнести две статьи: «Обозрение древних замков Курляндской губернии» [10] и «Об остатках древних замков и монастырей в Эстляндской губернии в хронологическом порядке их построения» [9]. Раздел пятый второй части — «Памятники Римские в Бессарабии» — проиллюстрирован только тремя памятниками: одной православной церковью XV в. и монастырем с церковью 1641 г. [1]

Единым изданием «Краткое обозрение» так и не вышло.

По какой причине А. Г. Глаголеву не удалось выполнить изначально намеченный план, в настоящий момент неясно. Возможно, не хватило материала. Возможно, сказались кадровые перестановки в Министерстве внутренних дел — 23 сентября 1841 г. его возглавил Л. А. Перовский (а последние публикации А. Г. Глаголева в ЖМВД относятся к 1842 г.). Нельзя исключать, что новый министр посчитал эту работу не столь важной. А возможно, причиной тому послужило состояние здоровья А. Г. Глаголева — в 1844 г. его не стало.

Значение «Краткого обозрения» для дела охраны памятников в XIX в. крайне велико. По сути, на протяжении всей второй половины столетия оно оставалось главным списком, на который ориентировались не только любители старины, но и ответственные

за сохранение древних зданий чиновники государственных учреждений. Как следует из письма председателя Императорской археологической комиссии графа А. А. Бобринского товарищу министра внутренних дел князю А. Д. Оболенскому от 4 марта 1898 г., на самый конец XIX в. государственные учреждения Российской империи не обладали актуальным сводом памятников и продолжали пользоваться «Кратким обозрением» А. Г. Глаголева, напечатанным в «Материалах для статистики Российской империи» [23, с. 170].

В 1863 г. была предпринята попытка обновить список: 27 апреля из МВД вышел циркуляр с предложением губернским и областным начальникам статистических комитетов предоставить сведения о древностях. Однако положительного итога эта инициатива не имела, как и аналогичные ей — со стороны графа А. С. Уварова в 1876 г. и Министерства народного просвещения в 1886 г. [23, с. 170–171]. Новый свод памятников удалось составить только в начале XX в. По циркуляру Министерства внутренних дел от 6 сентября 1901 г. по всем губерниям, областям и городам были собраны сведения о количестве известных древних памятников, зданий, сооружений и исторических памятников. Всего таковых набралось 4108 объектов [21, л. 616 об. — 617].

Вероятно, А. Г. Глаголев даже не мог предположить, что его «Краткое обозрение» на столько лет станет фактически официальным сводом памятников. Пожар 1863 г., случившийся в Министерстве внутренних дел и уничтоживший часть архива ведомства, придаст дополнительную значимость его труду.

Изначально Глаголев ставил перед собой куда более скромные цели. Он лишь хотел оформить полученные материалы, привести их «в некоторый систематический порядок, который, легко указывая на предмет всякому любителю отечественной старины, мог бы побуждать к дальнейшим розысканиям и облегчать их» [5, с. 351]. Теперь мы можем с уверенностью констатировать, что с этой задачей он справился блестяще.

Помимо того, что «Краткое обозрение» представляет собой первый опубликованный свод памятников, оно является еще и любо-

¹ Хотя, возможно, это выдержки из сообщения губернатора, минимально обработанные перед публикацией.

пытным документом, позволяющим нам понять, какой смысл образованный русский человек первой половины XIX в. вкладывал в понятие «памятник древности». На основании этой выборки, сначала сделанной чиновниками на местах, а потом дополненной и расширенной в столице, мы можем видеть, какие объекты (и почему) считались достойными сохранения.

Во-первых, сама по себе древность того или иного здания уже была достаточным поводом для внесения его в список. Во-вторых, особое значение уделялось мемориальной ценности объекта. Анализ записок А. Г. Глаголева, позволяет сделать вывод, что архитектурная ценность древних памятников в то время еще не осознавалась.

Построенные несколько веков назад крепости, церкви и монастыри для образованного человека XIX в. были примечательны, в первую очередь, тем, что являлись памятниками живой истории. Объясняя состав своего списка фортификационных объектов, А. Г. Глаголев отмечает, что в него включены те из них, «которые наиболее примечательны по историческим воспоминаниям, или, по крайней мере, о которых мы имели возможности собрать топографические сведения» [2, с. 86]. К исторической памяти он апеллирует и при составлении списка древних церквей и монастырей: «...многие монастыри поставлены на местах, ознаменованных какими-нибудь важными отечественными происшествиями» [3, с. 6]. И далее: «...мы, следуя принятому нами правилу, бросим беглый взгляд только на те храмы и обители, которые ознаменованы своею древностью, святынею или каким-либо важным событием» [3, с. 71]. Под святынями понимаются мощи святых основателей монастырей, чудотворные и древние иконы, древние кресты, Евангелия и т.д.

А. Г. Глаголев описывает привычные нам памятники архитектуры как исторические достопримечательности, останавливаясь при этом, в первую очередь, на памятных событиях: кто основал, что было рядом, когда разоряли, кто из государей жертвовал деньги. Про архитектуру он редко пишет, лишь иногда отмечая, что то или иное здание древней постройки. Для него важен не архитектурный

стиль, а сама древность. Он обязательно отмечает погребения святых основателей или ктиторов монастыря. Отмечает захоронения знатных особ. Иногда упоминает тот или иной храм только потому, что в нем хранятся реликвии или есть чудотворный образ. Иногда пишет о церквях, которые уже утрачены (как, например, древние церкви в Киеве), но история которых представляется важной и интересной. Для него храмы и монастыри — памятники в том смысле, что они хранят память. Нередко он останавливает свое внимание на некрополях и отдельно упоминает могилы Ивана Сусанина в Ипатьевском монастыре и первопечатника Ивана Федорова в церкви святого Онуфрия во Львове.

Именно поэтому А. Г. Глаголев уделяет внимание не только парадным и красивым объектам, но и тем, которые пребывают в запустении. Так, описывая «запустелую» церковь Солотченского монастыря во имя святителя Алексея, митрополита Московского, он отмечает: «...древность этого храма доказывается самыми трещинами в стенах и сводах его и выросшими сверху на сводах большими березами, которых корни укрепились не в земле, а в кирпичях» [3, с. 123]. А о разрушенном Покровском храме в брошенной Аграфениной женской пустыни в 13 верстах от Рязани он повествует так: «...на камнях, омываемых водою, видны черепы, кости, разодранные мантии и сандалии. Другая Предтеченская церковь разваливается: на престоле антиминс Стефана Яворского 1700 года» [3, с. 124–125].

Иногда, описывая церковь или монастырь, он отмечает и природные достопримечательности: кедровую или сосновую рощу или, например, меловые столпы (рядом с Успенским Дивногорским монастырем Воронежской губернии). При описании древних зданий в Армянской области упоминаются разрушенные старые города, древние мосты и древние водопроводы.

Важным и интересным также является вопрос о количестве памятников, вошедших в свод А. Г. Глаголева. Как было упомянуто выше, по итогам циркуляра 1901 г. под охрану было поставлено 4108 объектов. Насколько выросло количество охраняемых объектов за шестьдесят с лишним лет?

Подсчет не так прост, как может показаться на первый взгляд. Сам Глаголев, комментируя свои статьи о крепостных и церковных сооружениях, говорит о 70 крепостях и более чем 500 монастырях и церквях [5, с. 351]. Но его слова нуждаются в уточнении.

Во-первых, сам по себе перечень крепостей, опубликованный как первый раздел первой части «Краткого обозрения», помимо сохранившихся и руинированных объектов, которых, если считать крепостной комплекс за один памятник, действительно 71, содержал также и линейные укрепления разного времени (валы, засеки, дистанции и т.д.). Всего — 121 объект. Во-вторых, нужно понимать, что большинство из приведенных объектов — множественные, то есть, по сути, являются ансамблями (Новгородский кремль, Казанский кремль, Астраханский кремль и т.д.). В некоторых случаях А. Г. Глаголев более подробно расписывал состав крепостей (Старый Киев, Московский кремль, Псковский кремль и др.), в некоторых — просто называл объект (крепость Ивангорода, крепость Петербурга и пр.), без конкретизации. В перечне церквей и монастырей также очень много ансамблей. При этом иногда Глаголев просто упоминает ансамбль (Спасо-Суморин монастырь в Тотьме, Оптина пустынь и др.), иногда пишет: столько-то церквей такого-то монастыря (четыре церкви Симонова монастыря, восемь церквей Новодевичьего монастыря, семь церквей Высоцкого монастыря в Серпухове и т.д.), а иногда скрупулезно перечисляет постройки (Троице-Сергиева лавра, Иосифо-Волоцкий монастырь и др.). В данном случае, вероятно, Глаголев был заложником той информации, которая ему была предоставлена и которую он смог найти сам. Поэтому его слова о 70 крепостях и 500 монастырях и церквях следует понимать как сумму отдельно стоящих построек и ансамблей, вне зависимости от того, поименован ансамбль как единичный объект или описан детально. Для того чтобы понять, о каком же количестве памятников в его трудах идет речь, необходимо считать иначе.

Исходя из самих текстов А. Г. Глаголева, мы с достаточной степенью надежности можем предположить, что если у него была возможность подробно расписать состав ан-

самбля и столь же подробно описать объект, он этой возможностью пользовался. Поэтому в случаях, когда состав множественного объекта, будь это укрепление или монастырский комплекс, уточнен, мы будем эти уточнения учитывать и, как это делается сегодня при подсчете объектов культурного наследия, будем считать ансамбль за один объект и прибавлять к нему все объекты, которые входят в его состав. Мы также будем учитывать все руинированные объекты, за исключением тех, которые помечены автором как утраченные. Встречающееся в материалах задвоение объектов учитываться при подсчете не будет.

Следуя такой методике, мы можем заключить, что первый раздел первой части «Краткого обозрения» содержит информацию о 172 оборонительных объектах, три из которых — Серпухов, Коломна и Нижний Новгород — поименованы дважды, сначала как самостоятельные объекты, а потом в составе комплексного объекта «Города-укрепления по левому берегу Оки с остатками земляных валов и без них». Исключая из списка дважды упомянутые памятники, мы получаем 169 объектов в разделе «Памятники собственно русские. Крепости». Второй раздел — «Церкви и монастыри» — содержит информацию о 1224 объектах¹. То есть всего получается 1393 памятника. Конечно, это очень условная цифра. В реальности объектов было намного больше. Московский кремль (без Китай-города, Белого и Земляного города), Нижегородский кремль, Псковская и Староладожская крепости, засечная линия от Тулы по реке Упе до города Одоева с городками и городищами, как и многие монастыри, упомянутые А. Г. Глаголевым как один памятник, — это все множественные объекты. Так, например, если посмотреть на Московский кремль с позиции современной охраны памятников, то только крепость — это 22 объекта (прясла и башни), а крепость Старой Ладogi — 11 объектов культурного наследия.

Находя в процессе работы новый материал, Глаголев вносил дополнения в свои спи-

¹ В это число не входит церковь Косьмы и Дамиана в Рогачеве, помеченная как разобранная, а также укрепления Путивля, Галича и Солигалича, уже упомянутые в первой части «Краткого обозрения», посвященной крепостям.

ски: «...при новом пересмотре статьи о церквях и монастырях, открыто мною еще несколько памятников этого рода, неполно описанных или и совсем не внесенных в описание. Заметим важнейшие из них» [5, с. 351]. Конкретно в этом случае речь шла о церкви Преображения Господня внутри Черниговского замка, о четырех церквях в Черниговской губернии¹, о трех церквях в Смоленской губернии² и о Крестном монастыре на Кий-острове (еще пять объектов), который был только упомянут в статье о церквях и монастырях, и требует, по мнению А. Г. Глаголева, более подробного описания [8]. Если учитывать и эти новые объекты, то перечень церквей и монастырей будет включать уже не 1224 объекта, а 1237. Кроме того, в описании церквей и монастырей появляются и чисто фортификационные объекты³, которые, зная о них раньше автор, наверняка появились бы в первой части его труда.

В перечень дворцов вошли 17 великокняжеских и царских строений, из которых шесть были помечены как утраченные, и 34 сооружения, связанных с Петром Великим, из которых сохранилось 24. Таким образом, из сохранившихся объектов по данному разделу — 35 памятников. Вместе с первыми двумя разделами — 1441 объект.

Из памятников народов иноплемennых по разделу памятников Кавказа — 217 памятников Закавказского края (из которых 121 — это крепости, башни, дворцы и прочие сооружения, а 96 — древние церкви и монастыри), а также 307 памятников Армянской области (157 церквей и монастырей и 150 иных объектов). Для кавказских памятников характерно значительное количество руинированных объектов. По разделу азиатских

памятников — 28 объектов: руинированные (в основном) объекты в Булгаре, Биляре и Старой Казани, включая церковь святителя Николая в Булгаре, обращенную из древнего болгарского здания. По немецким памятникам — 7 замков в Курляндской губернии и 29 замков, церквей и монастырей в Эстляндской губернии (в основном все руинированные). Итого — 36 памятников. К этому числу иноземных памятников следует прибавить еще монастырь и две православные церкви в Бессарабии, о которых было упомянуто выше. Таким образом, по второй части «Краткого обозрения» — «Памятники иноплемennых народов России» — мы имеем 591 объект.

Всего же двум этим разделам мы получаем 2032 памятника. А если добавить к ним объекты из сообщения владимирского гражданского губернатора, которые не попали в первый раздел «Краткого обозрения», то мы получим на 65 объектов больше, то есть 2097 памятников.

Что касается памятников народов иноплемennых, то надо сказать, что у Глаголева должно было быть в распоряжении больше материалов, чем было им опубликовано в журнале Министерства внутренних дел. В Российском государственном историческом архиве, в фонде Центрального статистического комитета МВД, отложилось дело «О древностях, собранных по губерниям» [22], в котором, в частности, находится письмо, направленное в 1838 г. Министерством внутренних дел в Статистическое отделение. К письму прилагается реестр крепостей и замков, а также их развалин, составленный на основании донесений из некоторых, в том числе западных, губерний. Так, в Рязанской губернии, в городе Касимове, отмечены татарская мечеть с минаретом 1467 г. и ханский мавзолей 1520 г. В Виленской губернии — 10 замков и их развалин и один памятник, поставленный Стефаном Баторием в 1579 г. В Курляндской губернии — 18 замков и их развалин, а также церковь святого Петра 1696 года с древним дубом⁴. В Лифляндской губернии — 32 замка. В Эстляндской губернии — 14 развалин замков. Сравнивая эти материалы с материалами, опубликованными в журналах,

¹ Борзенская церковь Благовещения (1717 г.), две Нежинские церкви: Николаевская (1634 г.) и Богоявленская (1721 г.) и развалины церкви Архистратига Михаила в селе Старогородня Остерского уезда.

² Троицкий собор в Вязьме, Духовская церковь в Дорогобуже и Флоровская церковь в Песочках Ельнинского уезда.

³ Следы города Ростиславля: валы и курганы, валы от деревянной крепости Осташкова, оборонительный земляной вал близ Вышинской Успенской пустыни от реки Выши до Пензы, которых нет в списке крепостей.

⁴ Всего 20 объектов.

видно, что Глаголев сократил перечень замков Курляндии и существенно расширил список объектов Эстляндской губернии (в него вошли все объекты из письма губернатора). Материалы по Виленской губернии и Лифляндии не были опубликованы вовсе.

Если использовать при подсчете и эти неопубликованные архивные материалы, то можно считать, что Министерство внутренних дел обладало информацией еще о 58 объектах, что в совокупности с уже описанными составляет 649 памятников народов иноплеменных и 2155 памятников всего.

Таким образом, можно увидеть, что за период с 1840-х гг., когда МВД собрало информацию о более чем двух тысячах объектов, и до начала XX в., когда их стало уже 4108, количество охраняемых памятников древности выросло почти в два раза.

Проанализировав количественный состав памятников «Краткого обозрения», мы получили следующие интересные цифры. Так, в процентном отношении на русские памятни-

ки приходится 70% объектов (1506 единиц), а на памятники народов иноплеменных (при том что некоторые предполагаемые А. Г. Глаголевым описания так и не увидели свет) — 30% (649 единиц). Среди русских памятников подавляющее большинство (1068 объектов, или 71%) относятся к памятникам церковной архитектуры (церкви, монастыри, часовни, колокольни, поклонные кресты). На памятники фортификационные (крепости, валы, засеки и т.д.) приходится 12% (181 объект), на жилые и служебные гражданские и церковные постройки — 10% (148 объектов), на монастырские и церковные ограды, упомянутые 64 раза, — 4%, на природные объекты (пещеры, рощи, меловые столпы) — не более 1% (15 объектов), и 2% (30 объектов) отнесены к разделу «разное» (кладбища, колодцы, малые архитектурные формы, памятные места и т.д.).

Если же разделить по типовой принадлежности все памятники «Краткого обозрения», то мы получим следующие данные:

Таблица 1

Типы памятников в «Кратком обозрении» А. Г. Глаголева

Тип памятников	Количество единиц	% от общего количества памятников
Церкви (включая армянские и три католические)	867	40,2%
Монастыри, пустыни и скиты (включая армянские и шесть католических)	390	18,1%
Часовни	47	2%
Колокольни	46	2%
Монастырские и церковные стены, валы и ограды	84	3,9%
Крепости, башни, замки и иные оборонительные сооружения и комплексы (каменные, деревянные, земляные)	421	19,5%
Жилые и служебные гражданские и церковные постройки (дворцы, дома, келии, палаты, конюшни и др.)	213	10%
Некрополи, кладбища, могилы, мавзолеи, усыпальницы	21	1%
Инженерные сооружения (мосты, водопроводы, дороги)	10	0,5%

Мечети, минареты, капища	9	0,5%
Природные объекты	17	0,8%
Другое (поклонные кресты, памятные места, малые архитектурные формы, колодцы и источники и т.д.)	30	1,5%

Несложно увидеть, что в общем количестве памятников объекты, относящиеся к памятникам церковной архитектуры (церкви, монастыри, колокольни, часовни), представляют абсолютное большинство: среди русских памятников их 71%, а в общем списке — 62,3%. И это без учета монастырских и церковных стен и оград, а также жилых и хозяйственных церковных построек (келий, палат, трапезных и др.), отдельно отмечаемых А. Г. Глаголевым, которые хоть и не принадлежат типологически к церковной архитектуре, но занимают по отношению к ней (к тем объектам, к которым относятся) подчиненную роль.

Таким образом, на основании анализа «Краткого обозрения» А. Г. Глаголева мы можем заключить, что основу первого свода памятников России составили именно объекты с религиозным содержанием, и даже более конкретно — памятники церковной архитектуры. Именно они осознавались как

главные хранители памяти. Наиболее ценной была сама их древность, их «задействованность» в выдающихся исторических событиях и «причастность» к жизни великих людей. Они были не просто свидетелями истории, они сами были историей, которая связывала воедино еще живущих и уже ушедших. Утрата каждого такого памятника осознавалась как утрата живой связи с ушедшими поколениями, со своими предками, или, выражаясь современным языком, как утрата материальной ценности, формирующей идентичность народа или нации.

«Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников» А. Г. Глаголева является весьма ценным историческим источником для исследования процесса формирования дела охраны памятников в нашем государстве и как важный исторический документ заслуживает дальнейшего более глубокого изучения.

Mikhail B. GUROV

Vice-Rector for Creative and Socio-Educational Activities, Lecturer,
Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation,
gurovmb@yandex.ru

A Brief Overview by Andrey Glagolev:

The First Corpus of Monuments of History and Culture of Russia

(Based on Publications of the Ministry of Internal Affairs of the 1830s–1840s)

Abstract. The article analyzes the first corpus of monuments of Russia—*A Brief Overview of Ancient Russian Buildings and Other Domestic Monuments*. The corpus was compiled by the scientist, historian and archaeologist Andrey Glagolev under the instruction of Minister of Internal Affairs Dmitry Bludov. The analysis aims to determine which monuments were selected by the state for protection and why. Glagolev's *A Brief Overview* has never been the subject of separate consideration in Russian science. At the same time, this is a very valuable document for the history of cultural heritage protection in Russia. *A Brief Overview* was based on materials prepared by local governors in response to circulars from the Ministry of the Internal Affairs of 31 December 1826 and 9 October 1837. The Ministry of Internal Affairs received these materials and passed them to Glagolev for verification and editing. Thus, the materials published in the official publications of the Ministry of

internal Affairs are the result of the work of a lot of people throughout the country; they allow us to understand what local officials and metropolitan scientists understood by ancient monuments. The article consists of two parts. The first is devoted to the process of compiling the corpus, and the second to the analysis of its object-specific composition. The first part was prepared using narrative and historical research methods, while the second part was prepared using comparative and typological methods. In total, *A Brief Overview* and its accompanying materials contain information about 2,155 monuments, which fall into two large groups: Russian monuments (1,506 objects) and monuments of other ethnoses (649 objects). The analysis of the structure of the corpus of monuments and the distribution of all the described monuments into types (churches, monasteries, fortifications, civil buildings, necropolises, engineering structures, natural objects, etc.) leads to the conclusion that the basis of the first corpus of Russian monuments was primarily monuments of church architecture. The analysis of the description of objects in Glagolev's materials allows concluding that the main criterion for selecting monuments for inclusion in the corpus was their antiquity, involvement in history, outstanding historical events and the lives of great people, that is, historical and memorial value. Thus, in the first half of the 19th century, Russian society considered the ancient church architecture as the main channel for transmitting the historical memory of the people from generation to generation.

Keywords: monument, monument of historical and cultural importance, object of cultural heritage, archaeological monument, historical buildings, monument protection, antiquities, corpus of monuments.

Использованная литература:

1. Глаголев А.Г. Древние греческие церкви в Бессарабской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1842. №№4-12. С.12-14.
2. Глаголев А.Г. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего изволения, при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. Т.1. 1839. С. 84-132.
3. Глаголев А.Г. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего изволения, при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. Т.2. 1841. С.3-204.
4. Глаголев А.Г. Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения, при статистическом отделении совета Министерства внутренних дел, том I-й изд. 1839 и том II-й – 1841 года // Журнал Министерства внутренних дел. 1842. №3. С. 262-324.
5. Глаголев А.Г. Материалы для статистики Российской империи. Т. 2. 1841 (окончание) // Журнал Министерства внутренних дел. 1842. №№4-12. С. 348-388.
6. Глаголев А.Г. О дворцах, современных Петру Великому // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. №10. С.43-77.
7. Глаголев А.Г. О древних великокняжеских и царских дворцах // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. №9. С.339-362.
8. Глаголев А.Г. О древних зданиях и святынях Крестного монастыря на острове Кию //

References:

1. Glagolev, A.G. (1842) *Drevnie grecheskie tserkvi v Bessarabskoy oblasti* [Ancient Greek churches in Bessarabia]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 4–12. pp. 12–14.
2. Glagolev, A.G. (1839) *Kratkoe obozrenie drevnikh russkikh zdaniy i drugikh otechestvennykh pamyatnikov* [A Brief Overview of Ancient Russian Buildings and Other Domestic Monuments]. In: *Materialy dlya statistiki Rossiyskoy imperii, izdavaemye s Vysochayshego izvoleniya, pri Statisticheskom otdelenii Soveta Ministerstva vnutrennikh del* [Materials for the statistics of the Russian Empire, published with the permission of His Imperial Majesty at the Department of Statistics of the Council of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 1. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs. pp. 84–132.
3. Glagolev, A.G. (1841) *Kratkoe obozrenie drevnikh russkikh zdaniy i drugikh otechestvennykh pamyatnikov* [A Brief Overview of Ancient Russian Buildings and Other Domestic Monuments]. In: *Materialy dlya statistiki Rossiyskoy imperii, izdavaemye s Vysochayshego izvoleniya, pri Statisticheskom otdelenii Soveta Ministerstva vnutrennikh del* [Materials for the statistics of the Russian Empire, published with the permission of His Imperial Majesty at the Department of Statistics of the Council of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 2. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs. pp. 3–204.
4. Glagolev, A.G. (1842) *Materialy dlya statistiki Rossiyskoy imperii, izdavaemye s Vysochayshego soizvoleniya, pri statisticheskom otdelenii soвета Ministerstva vnutrennikh del, tom I-y izd. 1839 i tom II-y – 1841 goda* [Materials for statistics of the Russian Empire published with the permission of His Imperial Majesty at the Department of Statistics of the Council of the Ministry of Internal Affairs, Vol.

Журнал Министерства внутренних дел. 1841. №7. С.1-7.

9. Глаголев А.Г. Об остатках древних замков и монастырей в Эстляндской губернии в хронологическом порядке их построения // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. № 5. С.189-210.

10. Глаголев А.Г. Обзорение древних замков Курляндской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 4. С. 1-8.

11. Глаголев А.Г. Описание древних зданий в Армянской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. №12. С. 378-410.

12. Глаголев А.Г. Обзорение древних зданий в Закавказском крае // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 11. С. 229-249.

13. Глаголев А. Г. Памятники древности в Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 8. С. 170-218.

14. О городе Касимове Рязанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. №1. С. 7-15.

15. Описание некоторых древностей и памятников во Владимирской губернии (сообщено Владимирским гражданским губернатором) // Журнал Министерства внутренних дел. 1839. №9. С. 429-512.

16. Полякова М. А. Культурное наследие России. Сохранение и актуализация. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2019.

17. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России. М.: Дрофа, 2005.

18. Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII - начале XX века: Дис. ... канд. культурологии. М., 1999.

19. Российский государственный исторический архив. Ф. 515. Оп. 7. Д. 1117.

20. Российский государственный исторический архив. Ф.796. Оп. 108. Д.49.

21. Российский государственный исторический архив. Ф.1284. Оп. 186. 1901 г. Д.11а.

22. Российский государственный исторический архив. Ф.1290. Оп. 1. Д. 121.

23. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начало XX века: Сб. документов. М.: Отечество, 1997.

1 (1839) and Vol. 2 (1841)]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 3. pp. 262–324.

5. Glagolev, A.G. (1842) *Materialy dlya statistiki Rossiyskoy imperii.* T. 2. 1841 (okonchanie) [Materials for the statistics of the Russian Empire. Vol. 2. 1841 (ending)]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 4–12. pp. 348–388.

6. Glagolev, A.G. (1841) *O dvortsakh, sovremennykh Petru Velikomu* [On the palaces contemporary to Peter the Great]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 10. pp. 43–77.

7. Glagolev, A.G. (1841) *O drevnikh velikoknyazheskikh i tsarskikh dvortsakh* [On the ancient grand princes' and royal palaces]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 9. pp. 339–362.

8. Glagolev, A.G. (1841) *O drevnikh zdaniyakh i svyatynyakh Krestnogo monastyrnya na ostrove Kii* [About the ancient buildings and shrines of the Holy Monastery on Kiy Island]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 7. pp. 1–7.

9. Glagolev, A.G. (1841) *Ob ostatkakh drevnikh zamkov i monastyrej v Estlyandskoy gubernii v khronologicheskom poriyadke ikh postroyeniya* [About the remains of ancient castles and monasteries in the Estland Province in the chronological order of their construction]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 5. pp. 189–210.

10. Glagolev, A.G. (1840) *Obozrenie drevnikh zamkov Kurlyandskoy gubernii* [An overview of the ancient castles of the Courland Governorate]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 4. pp. 1–8.

11. Glagolev, A.G. (1840) *Opisanie drevnikh zdaniy v Armianskoy oblasti* [Description of ancient buildings in the Armenian Province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 12. pp. 378–410.

12. Glagolev, A.G. (1840) *Obozrenie drevnikh zdaniy v Zakavkazskom krae* [An overview of ancient buildings in the Transcaucasian Krai]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 11. pp. 229–249.

13. Glagolev, A.G. (1840) *Pamyatniki drevnosti v Kazanskoy gubernii* [Monuments of antiquity in the Kazan Province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 8. pp. 170–218.

14. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* (1841) *O gorode Kasimove Ryazanskoy gubernii* [On Kasimov, a town in the Ryazan Governorate]. 1. pp. 7–15.

15. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* (1839) *Opisanie nekotorykh drevnostey i pamyatnikov vo Vladimirskoy gubernii* (soobshcheno Vladimirskim grazhdanskim gubernatorom) [Description of some antiquities and monuments in the Vladimir Province (reported by the Vladimir Civil Governor)]. 9. pp. 429–512.

16. Polyakova, M.A. (2019) *Kul'turnoe nasledie Rossii. Sokhranenie i aktualizatsiya* [The cultural heritage of Russia. Preservation and updating]. Moscow: RSUH.

17. Polyakova, M.A. (2005) *Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii* [Protection of the cultural heritage of Russia]. Moscow: Drofa.

18. Rabotkevich, A.V. (1999) *Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [The state policy in the field of protection of historical and cultural monuments in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Culturology Cand. Diss. Moscow.

19. Russian State Historical Archive. Fund 515. List 7. File 1117.

20. Russian State Historical Archive. Fund 796. List 108. File 49.

21. Russian State Historical Archive. Fund 1284. List 186. Year 1901. File 11a.

22. Russian State Historical Archive. Fund 1290. List 1. File 121.

23. Dedyukhina, V.S. et al. (1997) *Sokhranenie pamyatnikov tserkovnoy stariny v Rossii XVIII – nachalo XX veka: Sb. dokumentov* [The preservation of church antiquities in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Otechestvo.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гуров М. Б. «Краткое обозрение» А.Г. Глаголева – первый свод памятников истории и культуры России (по материалам изданий Министерства внутренних дел 30-х – 40-х гг. XIX века) / М. Б. Гуров // *Наследие веков*. – 2020. – № 2 – С. 93–105. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.009

Full bibliographic reference to the article:

Gurov, M. B. (2020) *A Brief Overview by Andrey Glagolev: The First Corpus of Monuments of History and Culture of Russia (Based on Publications of the Ministry of Internal Affairs of the 1830s–1840s)*. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 93–105. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.009

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ЗЕЙНАЛОВ Хазар Атиф оглы
доктор философии по искусствоведению, доцент,
заместитель директора по науке
Института архитектуры и искусств
Национальной Академии Наук Азербайджана,
Баку, Республика Азербайджан
Khazar A. ZEYNALOV
PhD in Study of Art, Assoc. Prof.,
Deputy Director for Scientific Affairs,
Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan,
khazar.zeynalov@yandex.ru

УДК 929:7.071.1(470+479.24)
ГРНТИ 18.31.04
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.010

Азербайджанская тема в творчестве Федора Модорова: искусствоведческий анализ

The Azerbaijan Theme in the Works of Fedor Modorov: An Art History Analysis

Цель настоящей статьи – исследование азербайджанских мотивов в творчестве известного русского живописца, народного художника РСФСР Федора Модорова. В середине 20-х гг. прошлого века Модоров, побывав в Азербайджане, создал ряд работ, посвященных нефтяной индустрии республики, а также истории и культуре азербайджанского народа. Несмотря на то, что от момента создания этих полотен прошел почти век, они до сих пор не были предметом отдельных изысканий. Автор попытался восполнить этот пробел – им осуществлена классификация относящихся к данной теме произведений художника, проведен их краткий искусствоведческий анализ и впервые дана оценка в художественном и историческом аспектах. В ходе исследования также было отмечено, что в наше время, когда культурные связи между Азербайджаном и Россией вступили в новую фазу, освещение их истории приобретает особое значение, позволяя народам обеих стран глубже узнать и оценить общее историко-художественное наследие.

Ключевые слова: Модоров Ф.А., живопись, художник, тема Азербайджана в изобразительном искусстве, Баку, индустриальный жанр, портрет, нефть в изобразительном искусстве.

Введение. Азербайджан всегда привлекал внимание не только русских дипломатов, путешественников, ученых, но и художников. Начиная со второй половины XVIII в. многие из них стали активно посещать его во время поездок на Кавказ. Этот интерес вырос в разы после присоединения страны к России (в первой четверти XIX в.). В середине и во второй половине XIX столетия в Азербайджане побывали такие известные мастера изобразительного искусства, как Г. Гагарин, В. Верещагин, А. Боголюбов, Г. Сергеев и многие другие. Их реалистичные картины с изображением городов и сел Азербайджана, историко-архитектурных памятников, местных жителей и их обрядов служат достоверным художественным источником знаний об истории и культуре этого края [3]. Созданные маслом и в графической технике (чаще всего в виде гравюр), эти работы являют собой ценные произведения искусства, имеющие, как было отмечено, и большое познавательное значение.

В конце XIX — начале XX в. приток русских художников в Азербайджан, и, в первую очередь, в Баку, заметно увеличился. В то время Баку, благодаря добыче нефти, стремительно развивался. Это был самый быстрорастущий город юга России, в котором функционировали художественные студии, учрежденные русскими художниками, создавались товарищества художников, регулярно проводились выставки-продажи картин.

В 1920 г., после установления в Азербайджане советской власти, интерес художников к городу и республике вырос еще больше. Они приезжали в Баку для того, чтобы запечатлеть произошедшие здесь преобразования. Многие направлялись в города и районы республики, создавая картины на индустриальную и колхозную темы. Все это было типично для агитационной деятельности большевистских властей. Однако русские советские художники помимо индустриального пейзажа отражали и жизнь простого народа, создавая яркие полотна, изобилующие характерными сценами из быта азербайджанцев. В этот период реалистическое изобразительное искусство в Азербайджане было еще на стадии формирования, и данные работы, безусловно, имели большое культурно-просветительское значение.

В числе первых русских советских художников, посетивших Азербайджан во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., был Федор Александрович Модоров (1890–1967), впоследствии известный живописец, педагог, народный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств БССР, член-корреспондент АХ СССР.

В искусствоведении азербайджанская тематика в творчестве Модорова практически не исследовалась. Частично эта тема освещена в одной из публикаций автора [7, с. 169–183]. Другие научные публикации нам не известны. Немногочисленные журналистские заметки, помещенные в соцсетях, составляют основу всей информации на эту тему. Искусствоведческий анализ произведений Федора Модорова в них, как правило, отсутствует. Тем не менее эти материалы (О. Булановой [2], Н. Гасановой [3] и др.) для нас ценны, поскольку содержат важную информацию о творчестве художника.

Целью исследования является освещение темы Азербайджана в творчестве Ф. Модорова, классификация и анализ относящихся к ней произведений, выявление их жанрово-тематических особенностей и определение значимости в контексте развития азербайджано-русских культурных взаимосвязей в современный период. С этой целью автор использовал историко-сравнительный метод. Материалом послужили работы Модорова, входящие в «азербайджанскую серию», а также произведения других художников, необходимые для сопоставления и оценки творческих методов.

Говорить подробно о творческом наследии художника мы не станем — ему посвящено достаточное количество литературы. Но основные темы и жанры все-таки обозначим. Родной поселок Федора Модорова — Мстера (Владимирская область) — издавна славился как один из центров иконописи и художественной росписи, в которых преуспели оба родителя художника. Хорошо освоив каноны Мстерской школы, сам Модоров в молодости занимался созданием и реставрацией икон, а позже возглавил художественную мастерскую, действовавшую в Мстере. «За свою продолжительную творческую жизнь Ф. А. Модоров написал сотни полотен, в которых он

отразил различные этапы жизни страны. В его творчестве есть портретные, пейзажные и тематические полотна, написанные во Владимирском крае: „Мстерский пейзаж“ (1910)... „Портрет матери“ (1934), „Портрет Н. П. Кадькова“ (1934), „Весна во Владимире“ (1945), „Город Суздаль“ (1945)» [5]. Его работы приобретались многими музеями страны. «Картины Ф. А. Модорова хранятся в Третьяковской галерее и в музее В. И. Ленина в Москве. Всего в различных музеях страны находится до 400 его картин» [5]. Широка география этих музеев. Среди них — Центральный музей современной истории России, выставочное объединение РОСИЗО и др. Немало картин Модорова хранится и в частных коллекциях [6].

Следует отметить, что для творчества Федора Модорова была характерна так называемая партийно-номенклатурная составляющая. В ярких, радужных тонах он изображал жизнь Страны Советов, создавал колоритные образы ее руководителей. Самая известная работа Модорова на эту тему — «Ходоки у В. И. Ленина» (1948) — стала своего рода визитной карточкой художника. Вместе с тем много полотен Модоров посвятил теме войны, одной из главных для зрелого периода его творчества. «Большую известность принесли художнику портреты воинов и партизан Великой Отечественной войны» [5]. Среди них — портрет С. А. Ковпака — легендарного командира партизанского отряда...

Но Азербайджан Ф. А. Модоров начал писать задолго до этого. В 1920-х гг. он был одним из наиболее активных членов АХРР — Ассоциации художников Революционной России, объявившей все другие художественные группы и объединения, а также авангардизм во всех его проявлениях антинародными и вредными. Помимо него в рядах ассоциации числились такие известные художники того времени, как И. И. Бродский, А. Е. Архипов, Б. М. Кустодиев, М. П. Греков, В. Н. Мешков и др. Именно АХРР направила Модорова в Азербайджан, где он, как пишет известная азербайджанская журналистка О. Буланова, «создал большой цикл... работ в рамках творческой командировки» [2].

Эта серия была создана преимущественно с 1924 по 1930 г. Однако с Азербайджаном

художника связывает не только она. Из его биографии известно, что с 1948 по 1962 г. он возглавлял МХИ им В. И. Сурикова. В этом институте училась целая плеяда талантливых азербайджанских художников (причем большая часть из них — как раз в те годы, когда им руководил Федор Александрович), в том числе Таир Салахов, имя которого позже прогремело на весь мир, и Расим Бабаев, впоследствии народный художник Азербайджана, один из наиболее ярких представителей национального изобразительного искусства, сумевший добиться признания, несмотря на обвинения в формализме, из-за которых он так и не смог получить диплом выпускника МХИ в 1955 г.

«Азербайджанская серия» работ Федора Модорова отличается красочностью и тематическим разнообразием. Но азербайджанской эту серию назвали мы, в официальной же биографии художника о ней ничего не написано. Эта тематика существовала в его творчестве в «неназванном виде», оставаясь в тени индустриального жанра и темы труда.

В жанрово-тематическом плане картины Модорова, посвященные Азербайджану, можно разделить на четыре основные группы:

- историко-революционные полотна;
- индустриальный пейзаж;
- городской пейзаж;
- работы на национальную тему.

Интересно, что национальный колорит пронизывает произведения всех четырех групп. Так правдиво и убедительно «рассказать» на холстах о жизни азербайджанского народа (о которой до этого момента Ф. Модоров практически ничего не знал) мог только художник, обладающий очень тонким чутьем и, безусловно, выдающимся талантом.

Рассмотрим его большое многофигурное полотно «Встреча броненосца „III Интернационал“ в Баку», написанное в 1933 г. Ясно, что в идейно-политическом смысле эта работа сегодня не представляет особого интереса. Более того, в современной историографии факт прибытия 11-й армии в Баку расценивается как захват власти в республике большевиками. Но с точки зрения художественно-исторической переоценить эту картину сложно.

Итак, что мы на ней видим? Только что прибывший состав уже остановился. Люди, ко-

торых здесь несколько сотен, радуются, приветствуют прибывших с красными знаменами и лозунгами в руках. Изображая людскую массу, художник ушел от «расплывчатой манеры», каждое лицо, каждая деталь здесь скрупулезно прописаны, что создает эффект «высокого разрешения». (По четкости изображенных лиц эта работа сопоставима с «Вечерней Россией» И. Глазунова.)

На картине — самые разные люди: и интеллигенты в европейском костюме, и крестьяне в характерном головном уборе, и красноармейцы. Но почти все они (в том числе те, которые прибыли поездом) — азербайджанцы. Возможно, в действительности это было не совсем так. Но желание художника продемонстрировать подлинный национальный характер во всей его полноте было слишком велико. И задуманное ему блестяще удалось. По прошествии почти девяти десятилетий с момента создания картины в ней обнаруживаются детали, остававшиеся незамеченными в течение долгого времени. Интересно, например, что в толпе много женщин с покрытой головой. Модоров хотел сделать акцент на их активном участии в политической жизни и на уважительном отношении к ним в азербайджанском обществе.

Важная особенность картины — изображение лидеров государства во главе с Нариманом Наримановым, верным сыном азербайджанского народа, всю жизнь борющимся за свободу и процветания своей страны. Нариманов изображен в самом центре композиции, перед остановившимся бронепоездом. На нем красивый, аккуратный белый костюм, сразу выделяющий его среди собравшихся. Стройная фигура, высокий лоб, ясный взгляд хорошо заметны даже в таком малом масштабе и в окружении сотен лиц. Рядом с ним можно разглядеть и других представителей новой власти — Чингиза Ильдырыма, Мирзу Давуда Гусейнова и др., позже подвергшихся репрессиям.

Известно, что в тот день Нариманова не было в Азербайджане — он прибыл в Баку только 16 мая 1920 г., спустя несколько дней после этих событий. Тем не менее художник уверенно включил его в композицию. Более того, предельно точный образ Нариманова — основа всего сюжета, его идейно-художествен-

ное ядро, добавляющее картине исторической значимости.

«Встреча броненосца „III Интернационал“ в Баку» — несомненно, одна из наиболее впечатляющих и монументальных работ Модорова. В ней прослеживаются основные особенности его творческой манеры — яркость, колоритность, масштабность, четкая изобразительная техника. Все это можно найти и в картине «Встреча рабочими Баку красного бронепоезда», созданной Модоровым двумя годами ранее, в 1931 г. На ней взору открывается тот же Бакинский вокзал, только он изображен с противоположной стороны. Такая же пестрая, шумная толпа с красными знаменами и лозунгами встречает бронепоезд. В левом нижнем углу с близкого расстояния изображен подросток, взобравшийся на край крыши и жадно следящий за развитием событий. Однако эта работа не столь масштабна, и, вероятно, ее можно рассматривать как своеобразный «эскиз» к «Встрече броненосца „III Интернационал“ в Баку».

Еще одна известная историко-революционная картина художника — это «Киров среди рабочих Баку». Во многих источниках она датируется 1938 г., что, как мы считаем, не соответствует действительности. 1938 г. — слишком поздняя дата для продолжения художником «азербайджанской темы». Есть основания полагать, что работа создавалась в середине 1920-х, скорее всего в 1924 г., о чем свидетельствует едва заметная отметка в левом нижнем углу картины. Не бесспорной, в отличие от других полотен, является и изобразительная техника. Почти во всех источниках в качестве материалов указаны холст и масло. Модоров действительно в основном использовал именно их. Но, видимо, были и исключения. Даже при беглом взгляде на картину легко обнаруживаются особенности, характерные для техники акварели. Цвета в работе заметно выцвели. Край бумаги в левом верхнем углу потерся. Наконец, на работе видны следы наслоения водяных красок. «Киров среди рабочих Баку» — единственная известная работа художника, созданная в акварельной технике. Возможно, картина была задумана как эскиз более масштабного произведения, которое так и не было воплощено художником на холсте.

В композиционном плане работа не отличается особой оригинальностью. Как явствует из названия, на картине изображен С. М. Киров, в ту пору первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, в окружении азербайджанских трудящихся — рабочих нефтепромыслов, крестьян. Все изображенные, за исключением Кирова, являются представителями коренной нации. Среди этих восьми человек — женщина с покрытой головой и подросток, поглощенный происходящим вокруг. Внимательно слушая рабочих, Киров делает заметки в блокноте.

Эта работа Модорова — одна из тех, в которых национальная тематика выражена наиболее ярко. В реалистической манере Модоров изобразил крестьянина на переднем плане. На нем — традиционная азербайджанская крестьянская одежда и головной убор. На ногах — пестрые, многоцветные шерстяные носки — джорабы и простые крестьянские лапти — чарыхи. Все это наглядно показывает, насколько серьезно художник отнесся к особенностям национального быта и их отражению в своем творчестве.

Как пишет Т. Е. Коткова, «в 1930-х гг. Модоров впервые обращается к индустриальному пейзажу, популярному в это время жанру. Пейзажами „На стройке Магнитки“ (1931), „Челябинский тракторный“ (1932) автор стремится создать панораму советской индустрии современных лет» [4]. Но к тому моменту у него уже были полотна на индустриальную тему, созданные под впечатлением от поездки в Азербайджан. Причем в количественном отношении это самая многочисленная группа работ «азербайджанской серии» (всего их в цикле не менее двадцати). В тематическом плане здесь преобладают нефтепромыслы и связанные с ними секторы промышленности (нефтеперегонные заводы, отдельные цеха и участки).

Близкой по композиционному решению и по общему замыслу к работам историко-революционного жанра является картина «Празднество на нефтяных промыслах», созданная в 1930 г. На ней (с очень высокого ракурса) — общая панорама нефтяного промысла. Повсюду видны старые деревянные башни буровых установок. Унылую, безотрад-

ную картину оживляют колонны трудящихся, направляющиеся к трибуне, расположенной в нижнем правом углу. Люди несут красные флаги, лозунги. Настроение примерно такое же, как и в вышеописанных картинах.

Отметим, что Модоров не единственный русский художник первой половины XX в, обратившийся к теме бакинских нефтяных промыслов. Их писали А. П. Остроумова-Лебедева, К. Ф. Богаевский, А. В. Куприн и некоторые другие. Но если в работах этих авторов промыслы запечатлены в застывших тонах, в напряженной психологической атмосфере (это особенно характерно для произведений Константина Богаевского), то картины Модорова выглядят несколько иначе. Для художника индустриальный пейзаж — часть трудовых будней отважных бакинских нефтяников. Да, среди работ художника немало картин, на которых люди (если не считать пары силуэтов на дальнем плане) отсутствуют — таковы, например «Завод крекинг» или «Белый город. Керосиновый завод» (обе — 1930-х гг.). Но от них все равно исходит горячее дыхание трудового человека, на них виден ландшафт, преобразованный его могучей рукой...

Как мы могли заметить, во многих произведениях художник использует принцип «дальнего расположения», подразумевающий охват значительного композиционного пространства. Разумеется, при такой масштабности уменьшаются и человеческие фигуры, показанные на расстоянии. Это характерная черта индустриального пейзажа, особенно, если речь идет о больших стройках, гигантах экономики того времени. Но встречается в работах Модорова и «близкое расположение». Часто это цеха, в которых трудятся рабочие. Такова, например, картина «Баку. Новый нефтеперегонный завод. Крекинг» (нач. 1930-х гг.). На ней мы видим труженика, управляющего мощными устройствами. Первое, что бросается в глаза, — его национальность. Перед нами азербайджанец средних лет, регулирующий краны подачи и зорко следящий за показаниями манометров. Это одно из тех немногочисленных произведений Модорова, где рабочий нефтеперегонного предприятия показан с близкого расстояния. Окруженный бесчисленными трубами, кранами и датчика-

ми, он, кажется, абсолютно счастлив и всем своим видом дает нам понять, что залог грядущего процветания страны — в труде.

Тема нефти представлена в творчестве Модорова в основном двумя типами работ. Первый — это панорамы нефтяных промыслов, по сути, представляющие собой пейзажи с изображением буровых вышек старого образца. Характерные работы этого типа — «Нефтяные промыслы в Сабунчах» и «Празднество на нефтяных промыслах». Второй — «заводские зарисовки», демонстрирующие нефтеперерабатывающий процесс. К ним относятся картины «Завод крекинг», «Белый город. Керосиновый завод» и ряд других. И в первом, и во втором случае люди уходят на второй план, они практически не видны. Можно выделить и третий тип работ, посвященных нефтепромыслам. На них показаны собственно трудящиеся — показаны крупно, как на картине «Баку. Новый нефтеперегонный завод. Крекинг». Но таких произведений у Модорова, любящего широкие просторы, немного.

Художник много ездил по регионам Азербайджана, наблюдал за жизнью народа, изображал трудовой процесс в других городах республики. Пожалуй, лучшим произведением Модорова на тему труда (в рамках «азербайд-

жанской серии») является известное полотно «Гянджа. Прядильно-ткацкая фабрика», написанное им в 1930 г. (рис. 1). В «индустриальных» работах автора, созданных в Азербайджане, обычно преобладают серо-коричневые тона — характерная палитра ландшафта промышленных зон, пропитанных нефтью. Но здесь колористическое решение совершенно другое — с акцентом на синий и голубой цвета.

Вообще, тема легкой промышленности с ее самой продвинутой отраслью — текстильной — занимала особое место в советской живописи, особенно в ее ранний период. Еще в 1927 г. А. А. Дейнека написал свое известное полотно «Текстильщицы». «Ритм и своеобразная орнаментика лежат в основе композиционного решения и другой моей картины — „Текстильщицы“, ритм непрерывного кругообразного движения в ткацких станках. Я почти машинально подчинил ему и ткачих с их плавными, певучими движениями. Возможно, что это сообщило вещи некоторую отвлеченность», — отмечал впоследствии сам художник [1]. «Текстильщицы» Дейнеки послужили своего рода сигналом к массовому восприятию и реализации художниками этой темы. Она же встает перед нами и в работе «Гянджа. Прядильно-ткацкая фабрика» Модорова. На

Рис. 1. Ф. А. Модоров. Гянджа. Прядильно-ткацкая фабрика. 1930. Холст, масло.

ней крупным планом изображены станки и две молодые азербайджанки, работающие на них. Одна из них целиком поглощена рабочим процессом, а другая, несмотря на всю свою занятость, все-таки улучила миг, чтобы поднять голову и своим ясным, невинным, мы бы даже сказали, завораживающим взглядом посмотреть на зрителя. В отличие от дейнековских текстильщиц, героини Модорова одеты куда скромнее, но зато в их costume подчеркнута национальная специфика. На обеих — синие производственные халаты, головы

покрыты косынками: у одной — белой, у другой — красной. Радующие глаз светло-синие тона с небольшими вкраплениями ярко-красного добавляют картине оптимистических ноток.

Интересно, что одновременно с Модоровым на тему легкой промышленности откликнулся и молодой в ту пору азербайджанский художник Салам Саламзаде (1908–1997), создавший в том же 1930 г. одну из своих наиболее популярных ранних работ «Гянджинская ткацкая фабрика. Ниточный цех», или просто «Ниточный цех». По сути, на обеих картинах изображен один и тот же производственный объект. Но при этом грубоватая, с явными признаками формализма и примитивного искусства работа Саламзаде композиционно больше напоминает «Текстильщиц» Дейнеки. Работа же Модорова отличается четкой манерой письма, точным подбором светлых, мажорных оттенков синего. В композиции строго соблюдены нормы академической живописи, характерные для соцреализма.

Следующая группа «азербайджанских» работ Федора Модорова, о которой хотелось бы сказать отдельно, — это картины на национальную тему. Одна из них — «Караван верблюдов» (1934). На ней автор с близкого расстояния изобразил двух верблюдов, на которых верхом сидят мужчины в традиционной крестьянской одежде, характерной для степных районов Азербайджана. На заднем плане видны другие верблюды, идущие вслед за погонщиками. Однако надо заметить, что, несмотря на весь национальный колорит, работа лишена единого сюжетного замысла. В ней нет четкой концентрации композиционных деталей, нет связки между ними. И она больше напоминает эскиз, нежели самостоятельное, завершенное произведение. Обратим внимание на цветовое решение. В палитре преобладают желто-коричневые и серые тона, кверху светлеющие. Но это уже не те коричневые и не те серые, что были в работах на индустриальную тему. Это точно переданные цвета степи. В разных источниках «Караван верблюдов» датируется 1927 г., хотя мы считаем иначе. По нашему мнению, картина относится к 1934 г., о чем свидетельствует запись в нижнем правом углу. Написана картина маслом.

Работа «Ковроткачество. Азербайджан» (1930) — гораздо более яркая и красочная. В ней захватывает уже сам сюжет. На картине изображена ткацкая артель, где женщины занимаются традиционным ремеслом — ковроткачеством. Почти все пространство полотна занимает крупная и широкая деревянная рама — станок, на котором ткется ковер. Наверху — разноцветная пряжа. Перед станком — две женщины, изображенные в процессе труда. Внизу виднеется часть изготавливаемого ковра...

Вызывает интерес и картина «Тюрчанка (азербайджанка). Председательница сельсовета» (1929). Работу можно классифицировать как портрет (рис. 2). И это, пожалуй, единственный портрет в «азербайджанской

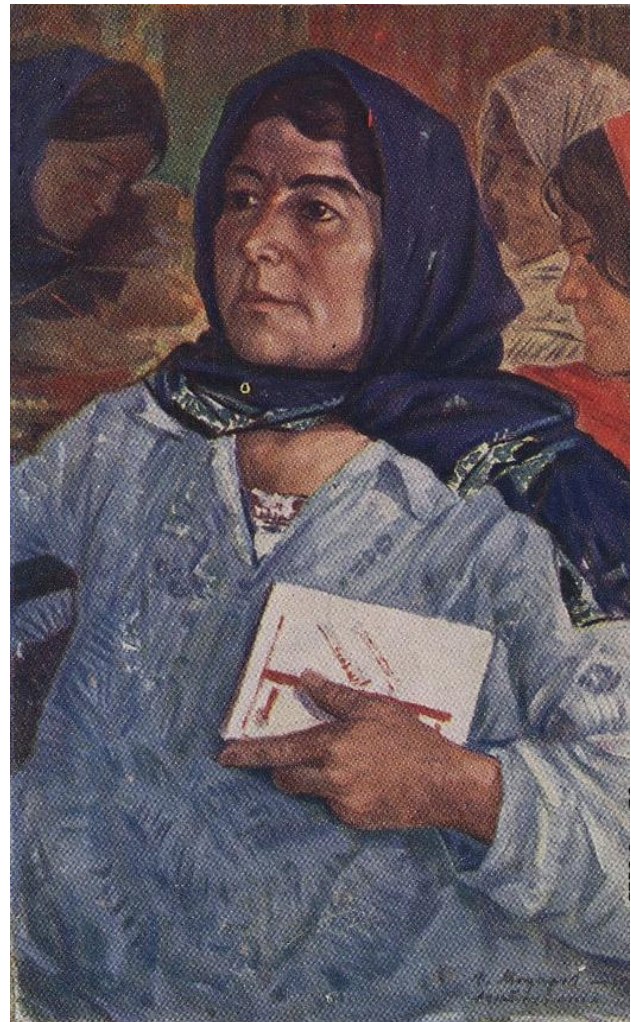

Рис. 2. Ф. А. Модоров. Тюрчанка (азербайджанка). Председательница сельсовета. 1929. Холст, масло.

серии» Модорова. Композиция проста. На среднем плане мы видим уже немолодую, но полную жизненной силы и решимости простую деревенскую женщину — председательницу местного сельского совета. На ней широкое серо-голубое платье, голова покрыта синим платком с узорами по краям. Ее ясный, спокойный и пронизательный взгляд обращен в сторону. В левой руке, прижатой к груди, женщина держит блокнот. Позади нее — еще три женщины (мы видим только их головы). Художнику прекрасно удалось передать дух сплоченности, царящей в коллективе, и подчеркнуть вовлеченность освобожденных женщин Азербайджана в сферы деятельности, ранее доступные только мужчинам.

Образ «тюрчанки» Модоров позже, в 1932 г., использовал в другой своей работе — «Ударная комсомольская бригада штукатуриц». Ее главная героиня — молодая женщина с порцией готовой штукатурки в руках — изображена (если не считать положения рук) в такой же позе, в таком же светло-синем платье (халате) и таком же платке на голове.

Любопытно, что в некоторых источниках можно найти более подробное название этой работы — «Тюрчанка (азербайджанка). Председательница сельского совета с. Агатадии». Так написано, например, на почтовой карточке, выпущенной в Ленинграде Ассоциацией художников Революции. То, что во времена Модорова азербайджанцы назывались тюрками, известно многим. Интересно другое — где же находится выше-названное село? В Азербайджане такого населенного пункта точно нет. Ответ прост — произошла ошибка в прочтении названия села Агджабеди, не очень разборчиво написанном от руки (возможно, самим Федором Модоровым). Агджабеди, получивший статус города в 1965 г., расположен на Кура-Араксинской низменности

Азербайджана и является административным центром одноименного района республики, в котором, по всей видимости, довелось побывать художнику, перед тем, как он отправился в Гянджу.

Теперь немного о Модорове-пейзажисте. Федор Александрович — автор ряда интересных городских пейзажей, написанных в Баку. На них он изображал не новостройки, во множестве возводившиеся в то время, а старые дома близ крепости Ичери шехер и в других исторических районах.

Интересна, например, композиция «Баку. Набережная», созданная в 1926 г. (рис. 3). На дальнем плане мы видим море и круто спускающийся к нему Баиловский склон. На бе-

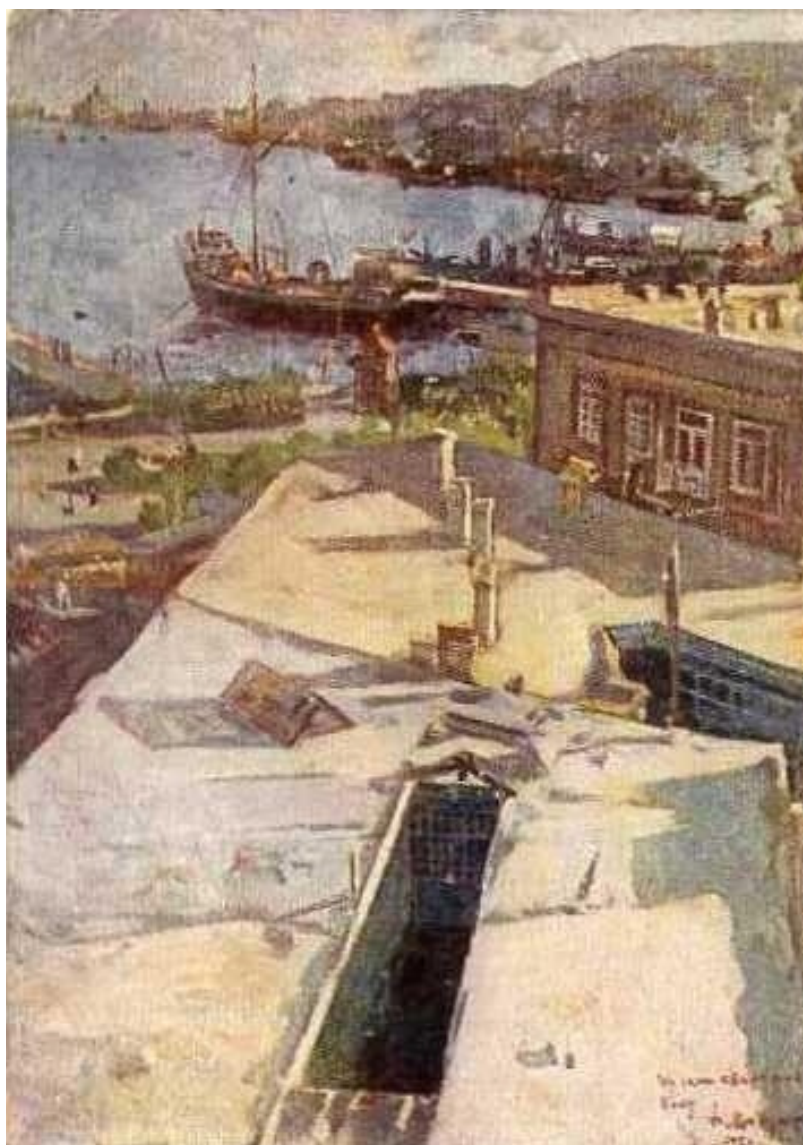

Рис. 3. Ф. А. Модоров. Баку. Набережная. 1926. Холст, масло.

регу — корабли, вдали — небольшие дома и деревья. На переднем же плане художник изобразил характерные для Баку старые дома с плоскими крышами и узенькими, полутемными внутренними двориками. Такие тесные общие дворы с краном и уборной, в которых прошло детство многих бакинских знаменитостей с мировым именем, до сих можно увидеть кое-где в черте старой части города.

Внимание также привлекают две другие картины — «Вид Баку» и «Баку. Вид на старый город» (обе 1929 г.). Первая представляет собой панораму дворца Ширваншахов — средневековых правителей города. Видны отдельные сооружения, входящие в ансамбль дворца, мечети, минареты. Вдали, в правой части композиции, узкой темно-синей полосой проглядывает море, соединяющееся с небом. Несмотря на то, что в небе облака, работа изобилует светлыми цветовыми пятнами. Она выполнена в технике, близкой к пленэрной, и колористически разделена на три части. Верхняя — сине-голубая — море и небо. Средняя — коричневая — это собственно старый город, в центре которого — дворец Ширваншахов. Наконец, нижняя — зеленая часть — парк, разбитый вдоль могучих стен крепости, а также тенистые деревья, занимающие правый нижний край картины.

В аналогичных цветах, только уже без зеленого, решена и картина «Баку. Вид на старый город». Здесь нет деревьев — возле крепостей их обычно не сажали, а тень давали плотно пристроенные друг другу каменные жилые дома, их балконы, нависающие над головой. На картине мы видим такие дома и узкую улочку между ними. В правой части размещен минарет мечети «Сыныг гала», напротив — плоские, квадратные и прямоугольные крыши окрестных домов. На переднем плане — крыша, устланная ковром, на котором сидят три аксакала. Поджав под себя ноги, они пьют чай и мирно разговаривают о чем-то. Эта национальная привычка — отдых на крыше дома после знойного летнего дня — передана очень реалистично и выразительно.

Заключение. Изучение творчества Федора Модорова позволяет углубиться в историю азербайджано-российских культурных связей, не прерывающихся по сей день [7,

с. 169–170], и восполнить все еще существующие в ней пробелы.

Модоров — одним из тех русских художников, в творчестве которых тема Азербайджана оставила глубокий след. Он посвятил ей, по разным оценкам, не менее двадцати произведений, не считая многочисленных эскизов и зарисовок. Тем не менее эти работы никогда не были предметом отдельного искусствоведческого исследования, несмотря на то, что данная тема отмечалась авторами ряда публикаций, и не выделялись в самостоятельную серию. В настоящей статье эта попытка предпринята впервые.

В ходе исследования были изучены тематические и жанровые особенности ряда произведений художника, выявлена их идейно-эстетическая общность, суть которой — в реалистичном изображении жизни азербайджанского народа и его достижений в различных сферах, а также в передаче богатого национального колорита.

Работы Модорова и других художников, создавших произведения на рассматриваемую в статье тему, были сопоставлены и сравнены.

Таким образом, можно сказать, что цель, первоначально стоящая перед автором статьи, достигнута. В частности, работы, созданные Федором Модоровым во время творческой командировки в Азербайджан, выделены в отдельную серию, занимающую значительное место в наследии художника. Эти картины, написанные преимущественно с 1924 по 1933 г., разделены на четыре основные группы (историко-революционные полотна, индустриальный пейзаж, городской пейзаж и работы на национальную тему). Отмечено также, что национальный колорит в той или иной степени продемонстрирован во всех произведениях цикла.

В процессе сопоставления «азербайджанских» работ Федора Модорова и других русских художников, обращавшихся к этой теме (А. П. Остроумовой-Лебедевой, К. Ф. Богаевского, А. В. Куприна), обнаружены точки схождения и расхождения, не изучавшиеся ранее.

Все это, безусловно, поможет дальнейшему комплексному исследованию азербайджано-российских культурных отношений, которое, как мы полагаем, будет успешно продолжаться.

Khazar A. ZEYNALOV

PhD in Study of Art, Assoc. Prof.,
Deputy Director for Scientific Affairs, Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan,
khazar.zeynalov@yandex.ru

***The Azerbaijan Theme in the Works of Fedor Modorov:
An Art History Analysis***

Abstract. The aim of the article is an art history analysis of the works on the theme of Azerbaijan by the outstanding Russian painter, people's artist of the RSFSR Fedor Alexandrovich Modorov (1890–1967). This analysis involves the establishment and refinement of the history of these works' creation, the classification and definition of their historical and artistic significance. In the study, the author used the historical-comparative method to analyze Modorov's works and compare them with works of other Russian artists. The research materials were Modorov's paintings, as well as historical, biographical, and art studies by Soviet, Russian, and Azerbaijani researchers. The problem is characterized by an extremely poor degree of elaboration: on its own, the theme of Azerbaijan was not even distinguished by researchers who studied the artist's works. Meanwhile, over the years of his creative business trip to Azerbaijan at the initiative of the Association of Artists of Revolutionary Russia in the 1920s–1930s, Modorov painted about 20 paintings and watercolors directly related to Azerbaijani themes. During the study, most of the artist's works on the theme of Azerbaijan were examined, their historical and artistic significance was determined and substantiated, features associated with national specifics were identified and shown. The history of some paintings is clarified, the works are systematized by genre and theme. Modorov's works are compared with other artists' paintings on the topic. Modorov's Azerbaijani series is divided into four groups according to the thematic principle: historical and revolutionary theme; industrial landscape; city landscape; national theme. Common features were revealed in the ideological, aesthetic, and artistic solutions of the paintings: they all show industrial achievements, development of public life and activities; convey the rich national color and character; everyday characteristics of the people; reflect the panorama of Baku and its historical and architectural monuments. The artistic and historical significance of these works is emphasized, despite the fact that about a hundred years have passed since their creation. It is noted that, at present, when the cultural ties between Azerbaijan and Russia have entered a new phase, coverage of the history of mutual cultural ties is of particular importance as it allows the peoples of both countries to more deeply learn and appreciate the common historical and artistic heritage.

Keywords: Fedor Modorov, painting, artist, theme of Azerbaijan in fine arts, Baku, industrial genre, portrait, oil in fine arts.

Использованная литература:

1. Александр Дейнека. Текстильщицы [Электронный ресурс] // Александр Дейнека. URL: <http://www.deineka.ru/work-tekstilshitsy2.php> (дата обращения: 20.05.2020).
2. Буланова О. Люди, Баку и нефть на картинах Федора Модорова [Электронный ресурс] // История Азербайджана. URL: <https://azerhistory.com/?p=7774> (дата обращения: 22.05.2020).
3. Гасанова Н. Баку в изобразительном искусстве [Электронный ресурс] // Надежда Гасанова: Живой Журнал. URL: <https://ngasanova.livejournal.com/279642.html> (дата обращения: 20.05.2020).

References:

1. Deyneka, A. (1927) *Tekstil'shchitsy* [Textile workers]. Painting. [Online] Available from: <http://www.deineka.ru/work-tekstilshitsy2.php>. (Accessed: 20.05.2020).
2. Bulanova O. (n.d.) *Lyudi, Baku i neft' na kartinakh Fedora Modorova* [People, Baku, and oil in the paintings of Fedor Modorov]. [Online] Available from: <https://azerhistory.com/?p=7774>. (Accessed: 22.05.2020).
3. Gasanova, N. (2012) *Baku v izobrazitel'nom iskusstve* [Baku in the fine art]. [Online] Available from: <https://ngasanova.livejournal.com/279642.html>. (Accessed: 20.05.2020).

4. Коткова Т.Е. Народный художник РСФСР Модоров Фёдор Александрович (1890-1967) [Электронный ресурс] // Администрация муниципального образования Поселок Мстера Вязниковского района, Владимирской области. URL: <http://mstera-adm.ru/tinybrowser/files/zemlyaki/modorov-f.a.-narodnyy-hudozhnik-rsfsr.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

5. Модоров Федор Александрович (1890-1967) [Электронный ресурс] // Земля Владимирская. Электронная библиотека. URL: <https://land.lib33.ru/site/publication/3427> (дата обращения: 19.05.2020).

6. Модоров Федор Александрович (1890-1967). Биография [Электронный ресурс] // Трамвай искусств. URL: <http://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/1289-modorov-fjodor-aleksandrovich-1890-1967.html> (дата обращения: 16.05.2020).

7. Zeynalov H. Azərbaycan-Rus rəssamlıq əlaqələri tarixindən // *İncəsənət və mədəniyyət problemləri*. 2015. № 2 (52). S. 169-183.

4. Kotkova, T.E. (2015) *Narodnyy khudozhnik RSFSR Modorov Fedor Aleksandrovich (1890–1967)* [People's Artist of the RSFSR Fedor Modorov (1890–1967)]. [Online] Available from: <http://mstera-adm.ru/tinybrowser/files/zemlyaki/modorov-f.a.-narodnyy-hudozhnik-rsfsr.pdf>. (Accessed: 12.05.2020).

5. Vladimir Land. Electronic Library. (n.d.) *Modorov Fedor Aleksandrovich (1890–1967)*. [Online] Available from: <https://land.lib33.ru/site/publication/3427>. (Accessed: 19.05.2020). (In Russian).

6. Tramvay iskusstv. (n.d.) *Modorov Fedor Aleksandrovich (1890–1967). Biografiya* [Fedor Modorov (1890–1967). Biography]. [Online] Available from: <http://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/1289-modorov-fjodor-aleksandrovich-1890-1967.html>. (Accessed: 16.05.2020).

7. Zeynalov, H. (2015) From the history of the Azerbaijan-Russian artistic communications. *İncəsənət və mədəniyyət problemləri – Problems of Arts and Culture*. 2 (52). pp. 169–183. (In Azerbaijani).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Зейналов Х. А. Азербайджанская тема в творчестве Федора Модорова: искусствоведческий анализ / Х. А. Зейналов // *Наследие веков*. – 2020. – № 2 – С. 106–116. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.010

Full bibliographic reference to the article:

Zeynalov, Kh. A. (2020) The Azerbaijan Theme in the Works of Fedor Modorov: An Art History Analysis. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 106–116. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.010

КЛЮЕВА Ирина Васильевна
кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов
Национального исследовательского Мордовского государственного
университета имени Н. П. Огарева,
Саранск, Российская Федерация

Irina V. KLYUEVA

Cand. Sci. (Aesthetics), Assoc. Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,

klyueva_irina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0392-3228

УДК [792.8:929]:73.027.1

ГРНТИ 18.31.04

ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.011

**Балерина Софья Федорова 2-я
в русской скульптуре
Серебряного века (С. Д. Эрзя,
М. Д. Рындзюнская, Н. Я. Данько)**

**Ballerina Sofia Fedorova II
in the Russian Sculpture
of the Silver Age (Stepan Erzia,
Marina Ryndzyunskaya, Natalya Danko)**

Цель статьи – культурологический и искусствоведческий анализ трех портретных изображений выдающейся балерины Серебряного века русской культуры Софьи Федоровой 2-й (1879–1963), созданных С. Д. Эрзей, М. Д. Рындзюнской и Н. Я. Данько. Материалом исследования являются архивные документы, отечественная периодика 1910-х гг., отзывы критиков и воспоминания современников о балерине. На основе использования сравнительно-исторического, биографического и семиотического методов представлена характеристика личности и творчества Федоровой 2-й, реконструирована ее биография; прослежена история создания трех скульптур, выявлены их художественные особенности и смысловое наполнение. Автор заключает, что Н. Я. Данько и М. Д. Рындзюнская изображают «дневную» Федорову, главным в их работах является демонстрация красоты и выразительности движений балерины. С. Д. Эрзя запечатлел «ночную» Федорову: сосредоточив внимание на лице артистки, он сумел в своей скульптуре отразить ее сложный внутренний мир.

Ключевые слова: С. В. Федорова 2-я, Серебряный век, балет, русская скульптура, С. Д. Эрзя, М. Д. Рындзюнская, Н. Я. Данько.

Софья Васильевна Федорова, известная по сцене как Федорова 2-я (1879–1963) — одна из самых ярких звезд русского балета первой трети XX в., составивших его миро-

вую славу. Еще в 1914 г., на взлете ее артистической карьеры вышел в свет отдельным изданием очерк С. Григорова «Балетное искусство и С. В. Федорова 2-я» [8]. Творчеству

и судьбе балерины посвящены страницы в книгах В. М. Красовской по истории русского балета [10, 11]. Без статьи о ней не обходится сегодня ни одна балетная или театральная энциклопедия.

По свидетельству современника — литературоведа А. В. Чичерина, автор книги о Федоровой — Сергей Николаевич Григоров, студент, «вечно погруженный в журнал “Вопросы философии”», говорил, что для него Федорова 2-я — «то же, что Пушкин или Кант, Рембрандт или Вагнер!.. Ее искусство выражает самые высокие, самые тонкие чувства, столь же чистые, как та музыка, в которой она движется и живет» [29, с. 310, 312].

Мэтр русского символизма Вячеслав Иванов писал о ней: «У Федоровой два лика. Один внешний, часто повторяющийся в ее выступлениях... Это Федорова скачущая, необычайно экспрессивная — в танцах египетских, индийских, цыганских, испанских. Но... это не настоящая Федорова... Дневная Федорова, скрывающая свою тайну. Есть другая Федорова. Почти неподвижная, как бы дремлющая. Но там, в глубине, всплывают какие-то зарницы, молнии пробегают во мраке... Всем своим обликом она будит смутное, тайное воспоминание... Связанные стихии, скрытые обычной жизнью, умеет развязывать эта заклинательница. Ее область — темная мистика души» [9].

Действительно, Федорова известна, прежде всего, как непревзойденная исполнительница характерных танцев (русских, украинских, цыганских, кавказских, испанских, венгерских, индусских и др.) в балетных и оперных спектаклях. Однако «подлинная», «ночная» Федорова заявила о себе в новаторских спектаклях гениев русского балета — А. А. Горского (Эсмеральда в «Дочери Гудулы» (1902), Хита в «Дочери фараона» (1905), жрица Молоха в «Саламбо» (1910), главная партия в «Жизели» (1913) и др.) и М. М. Фокина (половецкая девушка в «Половецких плясках» (1909), танцевальный дивертисмент в «Вакханалии» (1909), Таор в «Клеопатре» (1913) и др.).

Имевшая цыганские корни Федорова в 1899 г. окончила балетное отделение Московского театрального училища и сразу была принята в корифейки Большого театра [20, л.

2] (получив вскоре сценическое имя «Федорова 2-я», поскольку танцовщица Федорова уже была в составе труппы — в кордебалете). На нее сразу обратил внимание главный постановщик театра Горский, который перевел ее во второй разряд танцовщиц [20, л. 6]. В 1900 г. Горский вводит для нее, вносившей, по словам Е. Суриц, в любую пляску, «какое-то особое буйство и почти трагический надрыв» [26, с. 14], партию Уличной танцовщицы, исполняющей испанский танец. В начале декабря 1900 г., когда должна была состояться премьера «Дон Кихота», внезапно заболела корифейка Екатерина Гельцер, исполнявшая главную партию — Мерседес. Софья Федорова, заменила ее и спасла спектакль, заставив при этом говорить о себе «всю Москву». Красовская пишет, что обе ее героини «внесли терпкий диссонанс в жизнерадостный поток событий “Дон Кихота”, противопоставляя веселью толпы «гордое одиночество и самосжигающую страсть» [11, с. 151]. Так уже в первых сольных партиях начинающая артистка громко заявила о своей неповторимой индивидуальности, о собственной теме в искусстве.

7 декабря Горский направляет рапорт в Московскую контору императорских театров: Федорова заменила Гельцер «настолько успешно, что танец Мерседес был по требованию публики повторен» [20, л. 7]. Директор императорских театров В. А. Теляковский объявляет Федоровой благодарность [20, л. 7], в январе ее переводят в первый разряд танцовщиц [20, л. 10]. С этого момента началась ее карьера характерной танцовщицы.

Вскоре Федорова становится примой — Горский стал поручать ей ведущие партии в своих спектаклях. В 1901 г. он поставил для нее миниатюру «Танец Анитры» на музыку Э. Грига, сделал новую версию партии жены Хана в балете «Конек-Горбунок» Ц. Пуни. Концертмейстер Большого театра Н. Клименкова вспоминала об этом спектакле: «... Софья Федорова. Вот артистка, которую Москва обожала. Она замечательно танцевала... восточный танец на музыку Глазунова... великолепно разыгрывала все мизансцены... танцевала с почти экстатической увлеченностью цыганский танец на музыку Брамса. Позднее он был заменен татарским с луком»

[цит. по: 2, с. 215–217]. О татарском танце вспоминала другая современница — М. Горшкова: «Буйный татарский танец в исполнении С. В. Федоровой 2-й с ее зажигающей дикостью был просто шедевр...» [цит. по: 2, с. 206].

27 марта 1902 г. Теляковский, присутствовавший на занятиях танцевального класса Горского, записывает: «Конечно, между всеми выделялась Федорова 2-я» [27, с. 216].

В 1902 г. Горский ставит один из самых знаменитых своих спектаклей — «Дочь Гудулы» — мимодраму на музыку А. Симона по мотивам романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Пресса обвиняла балетмейстера в излишнем натурализме. (Горский сделал главным героем своего спектакля средневековый Париж — с его «двором чудес» и пестрой толпой, нищими, калеками...) Известный критик Ю. Беляев назвал свою рецензию «Балет или каторга?» [3]. Но многим выдающимся деятелям театрального искусства, например, К. С. Станиславскому, спектакль понравился. Софья Федорова выступила в партии Эсмеральды. Даже Беляев, в целом негативно оценивший спектакль, высоко отзывался о ее игре, особенно в сцене покаяния Эсмеральды у собора [3].

Актриса С. В. Гиацинтова, маленькой девочкой увидевшая Софью Федорову в этом спектакле, писала в своей книге: «Юная цыганка в исполнении Федоровой 2-й, маленькой балерины с большим темпераментом, привела меня в неистовство. Я просто заболела балетом...» [5, с. 474]. В журнальной публикации она снова вспоминала о своем детском впечатлении: «В миниатюрной балерине было что-то значительное, притягательно-прекрасное... покоряло “самовыражение” страстного, бурного и вместе с тем необыкновенно поэтического существа...» [6].

В 1904 г. танцовщица выступает в балете Минкуса «Баядерка», в 1905 г. исполняет роль Лизы в «Тщетной предосторожности» П. Гертеля. В этом же году она впервые встретилась на сцене с Анной Павловой — в спектакле «Дочь фараона» (муз. Ц. Пуни). Павлова, специально приезжавшая из Петербурга, исполняла роль Бинт-Анты, Федорова — ее рабыни Хиты. Красовская пишет о созданном ею образе: «Сутулая, с лицом страдальчески

надменным, все более бледневшим по мере того, как разгорался, расширялся немигающий взор из-под насупленных бровей... Для этой танец... таинство, но не светлое, а какое-то недоброе, дикое» [10, с. 82].

Для Горского Федорова воплощала идеал артистки балета. Новатору русского балета нужны были не балерины, а танцующие актрисы, которые танцевали бы не «ногами», а всем телом, руками, корпусом, лицом, душой. Достижение художественной правды хореографического образа для него было важнее безупречности технической подготовки. Об этом писал Григоров: «Танец одними ногами теперь почти совсем отошел в прошлое. Но лицо в танце и сейчас даже у первых балетных персонажей часто представляет полузастигнутую маску с немногими трафаретными выражениями. Не то у Федоровой. Она танцует “вся”. Пластически воспитанное тело очень гибко и послушно выражает замысел танца; одухотворенное лицо необычайно выразительно передает самые сложные и тонкие переживания...» [8, с. 28–29].

Многие современники утверждали, что техническое мастерство Софьи Федоровой, как и ряда других танцовщиц Горского, не было безупречным. Это мнение категорически оспаривал Григоров, считавший что неправильность ее техники — кажущаяся: артистка просто никогда не выпячивает ее на передний план, стараясь подчинить технику содержанию роли, что, на его взгляд, выгодно отличает ее не только от представителей старого «формального» балета, но и от знаменитых Екатерины Гельцер и Анны Павловой, у которых на первом плане — техника «со всеми ее придуманными премудростями, пируэтами, арабесками, аттитюдами, фуэте десятками, содержание же, смысл подгоняется к ним» [8, с. 26]. У Федоровой — «техника в ее власти, а не она в плену у техники...» [8, с. 27]. Григоров подчеркивал, что Федорова — артистка «Божьей милостью» [8, с. 25], «не “танцовщица”, интересная теми или иными частными танцевальными особенностями, не балерина только, но “артист-балерина” и артистка...» [8, с. 21].

Мощный талант Федоровой как драматической и трагедийной актрисы был заме-

чен в театральном мире. К. С. Станиславский в письме к сыну от 27 апреля 1907 г. шутя советовал ему открыть кафешантан, ставить там исторические пьесы в стихах. Себя он прочил на роли старых царей, а первой актрисой видел Федорову [24, с. 366–367]. Красовская утверждает, что в искусстве Федоровой «жило то сложное, что следовало бы назвать “шалыпинским”, по высокому мерилу эпохи. Федорова могла быть и Кармен, и Марфой русского балета... Она олицетворяла представления современников о героине трагедии...» [11, с. 159].

Вершиной творчества Федоровой считают роль жрицы Молоха в балете Горского «Саламбо» на музыку А. Арндса (1910). Григоров писал, что Федорова производит «грандиозное и яркое впечатление... Мрачная, мистически-грозная жрица в экстазе религиозного ужаса и скорби, с грозно-ужасным лицом и чародейными змеиными движениями...» [8, с. 50].

А. Шик утверждал впоследствии, что Сергей Дягилев, готовясь к первому балетному Русскому сезону в Париже, спросил известного московского режиссера А. Санина, «кого из московских балетных артистов следует пригласить... и тогда же получил от него ответ: “конечно, Софью Федорову” [30]. Так она попала в знаменитую дягилевскую антрепризу, в которой были заняты, в основном, звезды петербургского балета: Анна Павлова, Тамара Карсавина, Вацлав Нижинский, Ида Рубинштейн. Хореографом дягилевских сезонов был Михаил Фокин. «Половецкие пляски», покорившие Париж, стали легендой мировой культуры, но мало кто сегодня вспоминает, что главная заслуга в этом принадлежит Федоровой — именно она была здесь солисткой, как вспоминал русский танцовщик С. Л. Григорьев, «...танцевала половецкую девушку с потрясающим огнем» [32, с. 31].

Федорова солировала в «Вакхическом танце» («Вакханалии») на музыку А. Глазунова. По словам П. А. Ливена, она напоминала «неистовую менаду, и от ее дикого вдохновения в труппу словно вселялся бес» [33, с. 83].

Дягилев приглашал Софью Федорову и в каждый следующий Русский сезон в Париже — в 1910, 1911, 1912, 1913 гг. Вместе с его

труппой она гастролировала в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке, Брюсселе, Риме, Будапеште, Вене и везде ее талант отмечался критикой. Газета «Утро России» в июле 1910 г. опубликовала ее интервью об успехах дягилевских сезонов [18].

В течение пяти лет Софья Федорова готовила роль, ставшую для нее роковой. Горский еще в 1907 г. поставил на сцене Большого театра свою версию «Жизели» А. Адана. С 1908 г. Федорова мечтала о ней и не решалась ее исполнить. 28 апреля 1913 г. она впервые выступила в роли Жизели. Многих зрителей, привыкших видеть в балете красоту, спектакль просто испугал. В первом акте потрясала жестокой правдивостью сцена сумасшествия и смерти героини. Многие критики считали, что для балетного театра она была слишком натуралистичной. По мнению балетного критика А. Левинсона, Федорова внесла в «Жизель» «надрыв и пафос психологической драмы» [13]. Художественный критик С. Мамонтов в конечном итоге принял эту непривычную эстетику: «Первое чувство, просыпающееся в душе зрителя при виде этого страдания и этого патологически переданного безумия, заставляет воскликнуть мысленно: — Зачем такие леденящие подробности! Им нет места среди привычных балетных условий... Но вдохновенное творчество делает свое дело... Все это так ужасно правдиво, что захватывает и вызывает нервную дрожь» [14]. Григоров утверждал, что упреки в том, что Федорова наделила свою роль чрезвычайной насыщенностью и сложностью содержания, она должна принять как «огромную похвалу» [8, с. 62].

Потрясало и второе действие спектакля. Горский отказался от традиционной балетной тюники и одел танцовщиц в хитоны, это было до того, как партию Жизели начала исполнять Федорова, но до нее это новшество не производило столь жуткого впечатления: она была подобна настоящей покойнице, восставшей из гроба.

Работа над спектаклем далась артистке тяжело. Во-первых, классический танец представлял для нее значительную сложность в техническом отношении. Но главное, психологически сложная роль пагубно отразилась

на ее душевном состоянии. У хрупкой танцовщицы было слабое здоровье, с 1905 г. по болезни она нередко отказывалась от выступлений, в отдельных случаях опаздывала или даже не являлась на репетиции и спектакли, отказывалась выступать с некоторыми партнерами, о чем красноречиво свидетельствуют документы из ее личного дела, заведенного в Московской конторе императорских театров. В 1906 г. врач констатирует у нее на фоне нескольких заболеваний соматического характера общее малокровие (анаемия) [20, л. 24], в 1907 г. помимо этого — неврастению [20, л. 41].

Тем не менее, ее положение примы театра постоянно укрепляется — в 1911 г. размер ее содержания составляет 4000 рублей в год за исполнительскую деятельность и 1000 рублей в год за преподавание танцев на сцене и в театральном училище [20, л. 69].

8 октября 1913 г. на основе проведенного консилиума по поводу жалоб Федоровой на «общую физическую слабость... сильные головокружения... бессонницу... полную потерю аппетита... повышенную впечатлительность, раздражительность, скорую утомляемость и быструю резкую смену в настроении — от полной вялости и апатии с обильными слезами до повышенно бодрого живого состояния духа» врачи констатируют, что она «выглядит сильно истощенной болезнью»; ей выдается медицинское заключение, согласно которому она страдает «острым резким малокровием... общей физической нервностью...» [20, л. 124]. Консилиум пришел к выводу, что по состоянию здоровья артистке требуется освобождение от занятий балетом «на срок не менее 6 недель для курса систематического лечения в условиях санаторской обстановки...» [20, л. 124]. Это были признаки тяжелого нервного расстройства, которое вскоре перейдет в серьезное психическое заболевание. Софью Федорову постигла та же участь, что и других гениев балетного искусства: Вацлава Нижинского, с которым она блистала на одной сцене в дягилевской антрепризе, а впоследствии — петроградскую «красную Жизель» Ольгу Спесивцеву. Красовская считает, что Жизель Спесивцевой и Федоровой сближали «разорванное сознание и пато-

логический демонизм»: «Жизели этих двух танцовщиц довели до предела и исчерпали субъективный трагизм темы», — пишет Красовская [11, с. 313].

Федорова и Спесивцева «сломались» именно на «Жизели». Однако в воспоминаниях современников о Федоровой можно заметить свидетельства надвигающейся болезни еще до 1913 г. Так, танцовщица Бронислава Нижинская вспоминала о своем конфликте с ней, случившемся в 1911 г. Когда дягилевская труппа находилась в Монтевидео, Фокин решил поставить для нового балета «Нарцисс» танец Вакханки специально для Софьи Федоровой. Но она не приехала в Монтевидео, и роль доверили Нижинской. В июне 1911 г. Федорова приехала в Париж, где узнала, что танцевать в спектакле она не будет: «Фокин громко, на весь зал произнес: “Нижинская танцует Вакханку очень хорошо, а Софья Федорова делает совсем не то, что я хочу!” Услышав это, Федорова, еще находившаяся в партере, упала в обморок, и ее отнесли в уборную» [15, с. 134–135]. Нижинская объясняет поведение Федоровой тем, что ее «испортил» успех у зрителей: «Слава испортила ее, характер у нее был тяжелый, она легко раздражалась» [15, 135]. Вероятно, причиной истеричности артистки была хрупкость душевной организации, которая при стечении неблагоприятных обстоятельств увлекла ее в пучину безумия.

Чувствуя, что Жизель усугубляет ее тяжелое психическое состояние, Федорова отказывается от роли и почти полностью переходит на характерные партии. Выдающаяся актриса Малого театра Елена Гоголева впоследствии вспоминала о театральных впечатлениях своей молодости, относящихся к 1913–1914 гг.: «Тогда в Большом театре блистали красавица Каралли, Балашова и моя любимица, огневая исполнительница характерных партий Федорова 2-я» [7, с. 96].

В 1916 г. Федорова выступает с номером «Пятая симфония» на музыку Бетховена, отмеченном трагической экспрессией. Однако лето 1916 г., несмотря на то, что идет война, проходит легко и беззаботно: она отдыхает в Эссентуках — в компании С. В. Рахманинова, Санина и его жены, К. С. Станиславского,

Ф. И. Шаляпина и др. Тем не менее, события войны, революции, разруха и голод способствовали развитию болезни балерины. В сентябре 1917 г. закончился срок ее последнего контракта с дирекцией Большого театра. Она продолжала числиться в труппе, но выступала редко. Однако каждый ее выход на сцену был потрясением для зрителей, вызывал отклики. (Именно к этому времени относится цитированное выше высказывание о ней Вяч. Иванова).

В 1918 г. муж Федоровой — известный оперный певец, солист Большого театра Петр Оленин переезжает в Петроград, получив должность режиссера и управляющего оперной труппой Мариинского театра. К началу сезона 1918/19 гг. Федорова по болезни не является на службу, однако до конца 1918 г. получает жалованье в полном размере. Затем содержание было приостановлено. 16 января 1919 г. она направляет в Художественно-репертуарный Комитет Балетной труппы Государственного Большого театра заявление с просьбой назначить ей пособие для лечения «в виду тяжелых условий жизни и невозможности из-за тяжелой болезни в настоящее время служить в театре» [20, л. 150]. 7 февраля 1919 г. по запросу Комитета врач выдает свидетельство о том, что «артистка балета Федорова 2-я страдает истеро-неврологическими явлениями и вряд ли скоро может работать» [20, л. 151]. С 21 февраля согласно декрету от 21-го февраля 1919 г. ей установлен оклад в сумме 3000 рублей, представлялось 3300 рублей [20, л. 153]. В декабре 1920 г. Секретариат коллегии Наркомпроса просит Управление Московскими государственными театрами прислать подробное жизнеописание артистки Федоровой 2-й для направления в наркомсобез «на предмет исходатайствования... усиленного социального обеспечения» [20, л. 154]. Управление отправляет необходимые сведения [20, л. 155], однако, вероятно, «усиленное обеспечение» в Москве Федоровой получено не было, и она переезжает в Петроград к мужу.

28 января 1922 г. Оленин неожиданно умер. После пережитого в связи с этим стресса состояние Федоровой ухудшилось. Она уе-

хала за границу — сначала в Берлин (выступив в главной роли в пантомиме «Покрывало Пьеретты» по А. Шницлеру), затем в Париж, где участвует в концертах, устраиваемых организациями русского зарубежья, дает уроки хореографии. В 1925–1926 гг. в составе труппы Анны Павловой Федорова совершает гастрольное турне по многим странам мира. В 1928 г. она вновь участвует в выступлениях дягилевской труппы, станцевав в «Половецких плясках».

Прогрессирующая болезнь оборвала ее карьеру — она была помещена в госпиталь для душевнобольных. Один из ее друзей — юрист и журналист Григорий Петрович Столповский, который знал ее еще в Москве, забрал ее из лечебницы и заботился о ней до конца ее жизни. Все эти годы она находилась в состоянии «легкого безумия» и периодически лечилась в психиатрических клиниках.

Искусство балета эфемерно — даже кинолента не сохранила следов вдохновенного творчества выдающейся балерины, ее жизни на сцене. Однако ее образ продолжает жить в произведениях трех больших мастеров русской скульптуры. Софья Федорова 2-я запечатлена в нескольких замечательных произведениях русской скульптуры: в выполненных в Москве работах Степана Дмитриевича Эрззи («Портрет балерины Федоровой 2-й. Мрамор, 1915. Музей Государственного академического Большого театра) и Марины Давыдовны Рындзюнской («Балерина Федорова 2-я». Мрамор, 1916, ГТГ), а также в созданной в Петрограде растиражированной статуэтке Натальи Яковлевны Данько «Испанский танец». (Балерина С. В. Федорова 2-я в балете А. Глазунова «Раймонда» (фарфор, 1921. ГРМ).

Хронологически первым является скульптурный портрет, созданный Эрззей. Работа выполнялась по заказу Большого театра. (Скульптор в это время находился в трудном материальном положении. Испытывая за границей острое чувство ностальгии, он приехал в Россию повидаться с родными, оставив свои работы и сбережения в Париже. Но началась война, и путь в Европу был закрыт. Мастер снимает мастерскую на Петровке, в подвале Высоко-Петровского монастыря и начинает работать.)

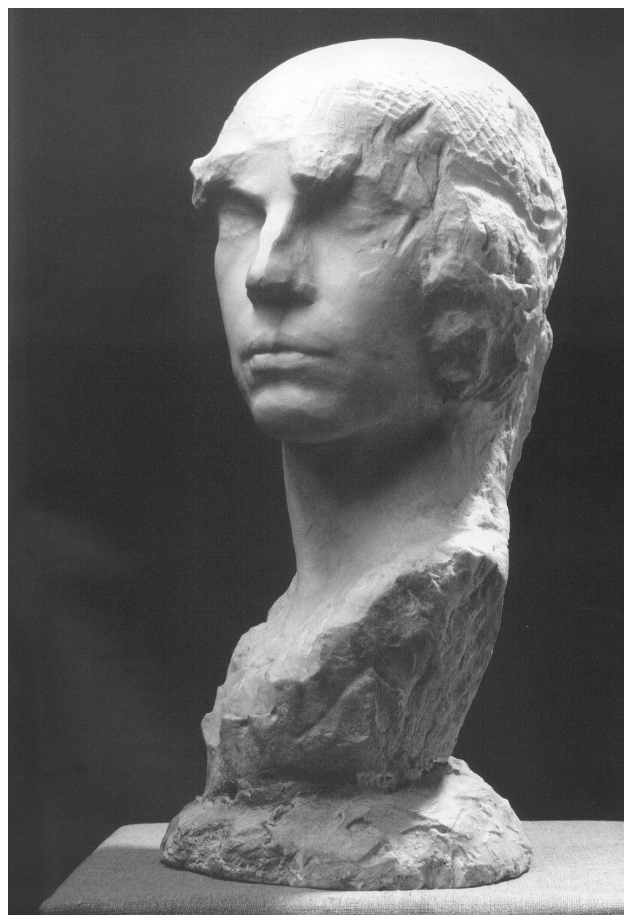
Эрзя изображает Федорову не на сцене, а в жизни, включив в композицию портрета (бюст с высокой линией обреза) лицо и шею артистки, создав выразительный, запоминающийся образ. Нет достоверных сведений о том, выполнялся портрет с живой модели или по фотографии (что часто бывало в практике Эрзи). Предполагаем, что с живой модели скульптор выполнил графический портрет, оригинал которого с авторской подписью «С. Эрзя. 1915» находится сегодня в Отделе рукописей Государственного Русского музея [16]. Скульптурный портрет выполнялся по графическому портрету и, вероятно, по ряду фотографий артистки.

Среди многочисленных фотодокументов, находящихся в личном фонде скульптора в Центральном государственном архиве Республики Мордовия есть фотография, кото-

С.В. Федорова (?). Центральный государственный архив Республики Мордовия. Предварительная атрибуция И.В. Ключевой.

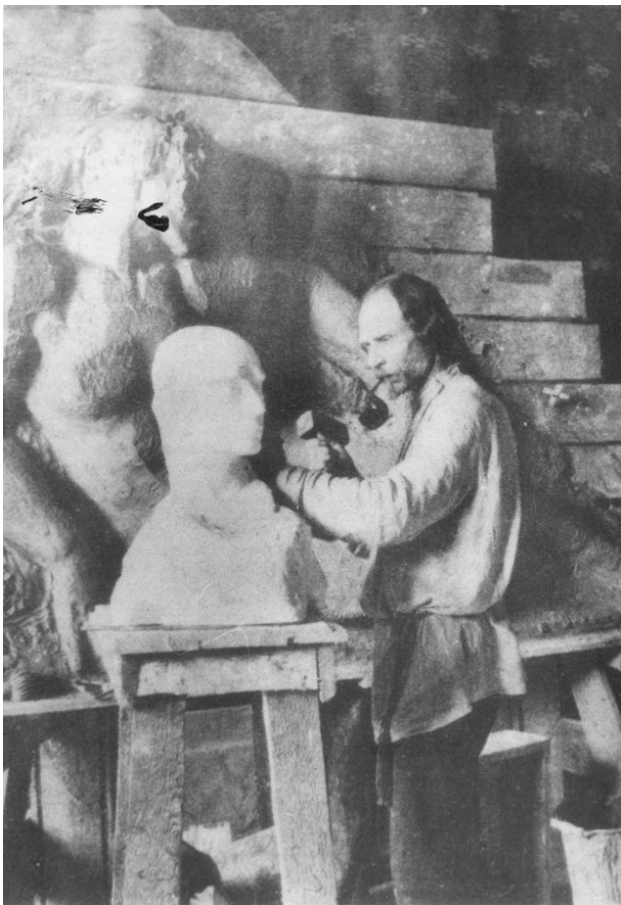
рую мы предварительно атрибутируем как неизвестный фотопортрет Софьи Федоровой [28]. Темные густые волнистые волосы обрамляют правильный овал женского лица с необыкновенно выразительными чертами — крупными и в то же время нежными. Ярко горящие темные глаза, трагедийный излом густых черных бровей... В облике молодой женщины соединены хрупкая женственность и демонизм, мягкость и жесткость, нежность и страстность, глубоко затаенная печаль и горделивый вызов, незащищенность и надменность, расслабленность и напряженность, внутренняя надломленность и цельность характера. В эрзинском скульптурном портрете — тот же крупный нос с горбинкой, четко очерченный красивый рот, сжатый в подобие улыбки. Та же прекрасная, высокая, стройная, лебединая шея... Но волосы прикрывает модный головной убор «сетка».

С.Д. Эрзя. Портрет балерины С.В. Федоровой 2-й. 1915, мрамор. Музей Государственного академического Большого театра. Фотография из личного архива автора.

Эрзя выполняет портрет Софьи Федоровой в кульминационный момент ее творческого пути, ее судьбы. Это пик ее карьеры — она недавно блистала в дягилевских антрепризах, только что вышел в свет очерк Григорова. Вместе с тем в это время она находится в состоянии глубокого душевного кризиса — уже обозначены признаки разрушительной, мучительной болезни. Артистка напоминает прекрасного лебедя — гордого, но как будто испуганно встрепенувшегося, напряженно вслушивающегося в какие-то звуки — звучащие вокруг или внутри себя.

5 июня 1915 г. журнал «Русская иллюстрация» публикует статью «Степан Эрзя» с приложением фотоснимков. На одном из них скульптор запечатлен в своей мастерской «за работой над мрамором Федоровой 2-й» [4]. В журнале помещены также фоторепродукции скульптур «Портрет Б. П. Лопатина», «Голова Христа», «Баба», «Мрамор» («Портрет

С. Д. Эрзя за работой над портретом С. В. Федоровой. Центральный государственный архив Республики Мордовия.

Кати»). Как мы выяснили, автором статьи является известный художественный критик Б. П. Лопатин (Шуйский). Полтора месяца спустя Лопатин пишет в газете «День»: «Эрзя, вернувшийся перед началом войны в Россию, пока осел в Москве. На досуге он начал лепить громадную фигуру женщины, в два натуральных роста. Это отвечало его склонности, в значительной степени направленной в сторону архитектурности. В Москве он... начал из мрамора бюст артистки С. В. Федоровой 2-й» [12].

Таким образом, одновременно с портретом Федоровой Эрзя работает над статуей, получившей название «Баба». Сегодня она известна по нескольким сохранившимся фотографиям. Исследователи расходятся в датировке скульптуры: М. Н. Баранова и В. С. Ионова датируют ее 1919 г., т.е. относят к уральскому периоду творчества скульптора [23, с. 429]. Сотрудники Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи в книге, подготовленной к 130-летию со дня рождения Эрзи — 1916 г. [17, с. 337], В. С. Дворецкая — 1915 г. [25, с. 214], как и портрет Федоровой. В эрзинских альбомах, хранящихся в Отделе рукописей ГРМ на некоторых фотографиях «Бабы» есть надпись, сделанная его рукой: «Москва 1914» (16, фотографии №№ 312,

С. Д. Эрзя. Баба (1916, цемент). Не сохранилась. Фотография. Центральный государственный архив Республики Мордовия.

*С.Д. Эрзя. Баба (1916, цемент).
Не сохранилась. Деталь. Фотография.
Центральный государственный архив
Республики Мордовия.*

315), в другом месте: «1915 г. Москва» [16, фотография № 204].

22 декабря 1915 г. газета «Раннее утро» публикует статью «Эрзя в Москве»: «Маленький полутемный подвал в доме Петровского монастыря... Вот мастерская... известного русского скульптора-крестьянина, Эрзи... Эрзя энергично начал работать у себя в подвале. Сейчас заканчиваются несколько новых вещей, которые несомненно, явятся ценным вкладом в русское искусство» [1]. Среди этих работ называется портрет Федоровой 2-й и «Статуя женщины» (т.е. «Баба»). Следовательно, работа над портретом длилась не менее полугода: с июня или мая 1915 г. до конца 1915 г.

Сопоставив расположенные рядом на одном из листов хранящегося в ГРМ эрзинского альбома [16] выполненный им графический портрет Федоровой 2-й и фоторепродукцию головы «Бабы», мы приходим к выводу, что это одно и то же лицо.

Это наблюдение позволяет приоткрыть завесу в тайну творчества скульптора, проследить парадоксальные метаморфозы образов, рождающихся в его художественном воображении. В данном случае лицо миниатюрной, хрупкой Федоровой соединено с мощной широкобедрой фигурой и крепкими конечностями «Бабы». Здесь в лице Федоровой нет печати демонизма, inferнальности, оно спокойно, грустно-задумчиво. Скульптор несколько изменяет форму носа, спрямляя, «антикизируя» профильную линию. Лицо балерины стало отправной точкой в свободном полете творческой фантазии скульптора, в котором была и доля шутки — судя по ряду фотографий, хранящихся в Отделе рукописей Русского музея, историко-краеведческом музее Республики Мордовия, где он запечатлен рядом с «Бабой» обнаженным.

В альбом помещены 16 фоторепродукций «Бабы» (в основном, ее лицо). Больше таких «дублей» в эрзинских альбомах нет. Образ Федоровой, судя по всему, занимал значительное место в творческом сознании скульптора. До работы над портретом Федоровой Эрзя крайне редко обращался непосредственно к изображению танца, хотя для его скульптур, особенно ню, были характерны своеобразные «танцующие» движения, «танцевальные» позы. На фотографии, где Эрзя запечатлен работающим над портретом Федоровой, мы видим на заднем плане подобную фигуру — это фрагмент выполненного им барельефа для одного из особняков на Остоженке (не сохранился). Впоследствии мотив танца станет очень важным в творчестве скульптора. Вероятно, определенную роль в этом сыграла его встреча с выдающейся русской балериной. Возможно, именно о ней вспоминал мастер, хранивший много лет ее фотографию, когда работал над скульптурой «Танец», («Танцовщица», «Балерина», «Знаменитая танцовщица»), которую сам называл «Ведьма» (1929), над «Испанской танцовщицей» (1937), над другими «танцевальными» композициями.

Рындзюнская начинает работать над изображением Федоровой одновременно с Эрзеей, а возможно, даже раньше него.

(Следует отметить, что оба скульптора — ученики С. М. Волнухина — долгое время тесно общались. В 1907–1914 гг., когда Эрзья находился в Европе, они переписывались. Осенью 1910 г. Рындзюнская приезжала к Эрзье в Париж, где находилась до весны 1911 г. Он выполнил несколько ее портретов в Европе и один — сразу после возвращения в Россию в 1914 г.) В апреле 1915 г. журнал «Рампа и жизнь» публикует фотографию, на которой зафиксирован один из начальных моментов работы Рындзюнской над рассматриваемым произведением. Снимок сделан в мастерской скульптора: Федорова, одетая в обычное (не сценическое) платье, стоит, держа в руках белую кружевную шаль; Рындзюнская лепит с нее модель скульптуры. Завершено произведение было лишь в 1916 г.

*М. Д. Рындзюнская. Балерина Федорова
2-я. 1916, Мрамор. Государственная
Третьяковская галерея. Фотография с
официального сайта Государственной
Третьяковской галереи.*

Рындзюнская запечатлела Федорову не на сцене, а в жизни, но в движении — создав подлинно монументальную скульптуру, изображающую балерину во весь рост. Статуя возвышается на постаменте, голова танцовщицы сильно закинута назад — так, что лицо оказывается расположенным перпендикулярно по отношению к телу, шаль в ее руках служит своеобразной опорой в задней части скульптурной композиции. Движение фигуры развивается от напряженного жеста прижатой к груди правой руки, приподнятого правого плеча, закинутой головы, напряженного изгиба корпуса, переходящего в линии ног (опорной правой и выдвинутой вперед левой) и заканчивается постаментом-кубом.

Т. В. Портнова, сравнивая работу Рындзюнской с «А. Дункан» С. Коненкова (1916), оценивает ее гораздо выше, поскольку в ней «движение каждой формы глубже, экспрессивность фигуры ярче, проявляется более сложная волнообразная композиция» [19, с. 68]. Исследовательница считает, что аналогией этой скульптуры в античных образцах является «Менада» Скопаса, с которой ее связывают «внешняя общность движения силуэта позы» и «выразительность мимики, богатого духовного чувства, рождаемого танцем» [19, с. 68].

В отличие от произведения С. Коненкова, пластическая форма у Рындзюнской становится чеканной, весомой, силуэт тяготеет к обобщенной линии, скульптурная масса как бы имеет крепкий внутренний стержень.

Сама Рындзюнская в своих воспоминаниях утверждала, что считает «Федорову 2-ю» произведением «чисто модернистского характера» [21, л. 41], поскольку при ее создании она ставила задачу «дать в одном куске исчерпывающее движение»; впоследствии она рассматривала это как недостаток скульптуры: «И если даю это, то отношение масс не прочувствовано, не хватает архитектуроники. Красоты соотношений. Эти недочеты снижают силу этой вещи, а именно ее исчерпывающее движение, вмещенное в один блок» [21, л. 51].

В конце 1916 г. Рындзюнская экспонирует эту скульптуру на выставке «Мира ис-

кусства», о чем сообщает еще одному своему другу — скульптору Ивану Семеновичу Ефимову, находящемуся в действующей армии, на фронте: «Может, это и правильнее сейчас бросить наше искусство. Не вовремя оно. Но ничего не поделаешь — сидишь в столице, и жизнь берет свое. Выставки следуют одна за другой. И сейчас, точно не в военное время открыт “Союз”, “Мир искусства” (на кот<о>ром>, кстати сказать, я участвую Федоровой 2-й и большой, большой женщиной из цемента...)... Стоит и моя мраморная Федорова 2-я, не любимая мной за ее бьющий эффект, за силу движения, которая лишает ее компактной скульптурности. А вот моя старая женщина уже покойнее, скульптурнее, но, увы... публика если уж смотрит, то, конечно, на Федорову» [22, л. 1–1 об.].

Данько в фарфоровой статуэтке изображает Федорову на сцене, в характерном танце. Автор книги о Данько Ю. Эбин писал: «...Балерина представлена в порыве стремительного испанского танца. В энергичном движении она резко откинулась назад. В руке бубен. У ног — розы и брошенный веер. Бурное движение, динамика вихревого танца, выразительная пластика рук делают эту скульптуру одним из лучших произведений Данько» [31, с. 25–26]. Портнова говорит об этой работе: «Прихотливая линия очерчивает силуэт балерины, представленной в энергичном характерном танце. В красиво разработанной гамме, слагающейся из фиолетовых, красных, черных, зеленоватых цветов, звучит испанская музыка обаятельного танца» [19, с. 81].

Итак, три замечательных мастера создают три совершенно разных скульптурных изображения Федоровой 2-й: монументальную мраморную фигуру (Рындзюнская), станковый мраморный бюст (Эрзя), декоративную фарфоровую статуэтку (Данько). Данько изображает «дневную», «скачущую» Федорову, тем не менее, ей удастся создать одухотворенный образ. У Рындзюнской Федорова — тоже «дневная», художницу привлекает грация балерины, выразительность ее движения, изображая которое, она сосредоточивает внимание на чисто пластических задачах. Эрзя — единственный из трех

скульпторов, сумевший увидеть и запечатлеть «ночную» Федорову. Его интересует не танец балерины, а ее сложный глубинный внутренний мир: он отражает «темную мистику» ее души (выражение Вяч. Иванова), передает охватившее женщину состояние напряжения, тревоги и беспокойства, которое не только выявляет признаки ее начинающейся душевной болезни, но и оказывается созвучным времени, когда выполнялся портрет, являясь отражением уже начавшихся и грядущих катастроф.

*В.Ф. Рукавишников. Испанский танец.
(Балерина С.В.Федорова 2-я
в балете А.К. Глазунова «Раймонда»).
Фарфор, 1952. (Повторение модели
Н.Я. Данько (1921). Фотография с сайта
Виртуального музея
русского искусства Ю. Трайсмана.*

Irina V. KLYUEVACand. Sci. (Aesthetics), Assoc. Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
*klyueva_irina@mail.ru****Ballerina Sofia Fedorova II in the Russian Sculpture of the Silver Age
(Stepan Erzia, Marina Ryndzyunskaya, Natalya Danko)***

Abstract. The main aim of the article is to present an art historical and cultural analysis of three portrait images of Sofia Fedorova II (1879–1963), the outstanding ballerina of the Silver Age of Russian culture, created by masters of Russian sculpture Stepan Erzia (portrait bust, 1915, marble), Marina Ryndzyunskaya (statue, 1916, marble) and Natalya Danko (figurine, 1921, porcelain). The research materials are previously unpublished documents from the archives of Moscow, Saint Petersburg, Saransk, as well as articles from Russian periodicals of the 1910s; reviews of professional critics and memories about the ballerina. Based on the use of comparative historical, biographical, and semiotic methods, the article reconstructs Fedorova's biography, considers various aspects of the reception of her personality and work by contemporaries: figures of literature (Vyacheslav Ivanov), theater (S. Giatsintova, E. Gogoleva, K. Stanislavsky, V. Telyakovsky), ballet (S. Grigoriev, B. Nizhinskaya), art critics and historians of ballet (Yu. Belyaev, P. Liven, S. Mamontov), other representatives of the humanitarian intelligentsia (S. Grigorov). Sofia Fedorova is known as an unsurpassed performer of characteristic dances in ballet and opera performances, as well as a ballerina who embodied the images of the innovative choreography of A.A. Gorsky and M.M. Fokin. Vyacheslav Ivanov claimed that the ballerina had "two faces": the "daytime", "galloping" Fedorova and the "nighttime" Fedorova, whose sphere was the "dark mysticism of the soul". The author of the article traced the history of the creation of the three sculptures and revealed their artistic features and semantic content. The three sculptors created completely different sculptural images of Fedorova: a monumental marble figure (Ryndzyunskaya), an easel marble bust (Erzia), and a decorative porcelain figurine (Danko). According to the findings of the author of the study, Danko portrays Fedorova as "daytime" and "galloping" (nevertheless, she manages to create an ethereal image). Ryndzyunskaya also shows Fedorova as "daytime", the sculptor is attracted by the ballerina's grace, the beauty and expressiveness of her movement: portraying it, she focuses on purely plastic problems. Erzia is the only sculptor of the three who managed to see and capture the "nighttime" Fedorova. He is not interested in the ballerina's dance, but in her complex deep inner world: he reflects the "dark mysticism" of her soul, conveys the state of tensivity and anxiety that engulfed the woman, revealing not only signs of her incipient mental illness, but also her keen sense of the catastrophic state of the world (during World War I and the impending revolution).

Keywords: Sofia Fedorova II, Silver Age, ballet, Russian sculpture, Stepan Erzia, Marina Ryndzyunskaya, Natalya Danko.

Использованная литература:

1. Ард. А. [Ард-Ходоровский А.]. Эрзя в Москве // Раннее утро. 1915. 22 дек.
2. Балетмейстер А. А. Горский. Материалы. Воспоминания. Статьи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
3. Беляев Ю. Балет или каторга? // Новое время. 1902. 6 дек.
4. В. Б. Степан Эрзя // Русская иллюстрация. 1915. 5 июня.
5. Гиацинтова С. С памятью наедине. М.: Искусство, 1985.

References:

1. Ard, A. [Ardov-Khodorovskiy, A.] (1915) Er'zya v Moskve [Erzia in Moscow]. *Rannee utro*. 22 December.
2. Surits, E.Ya. & Belova, E.P. (2000) *Baletmeyster A.A. Gorskiy. Materialy. Vospominaniya. Stat'i* [Choreographer A.A. Gorsky. Materials Memories. Articles]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Belyaev, Yu. (1902) Balet ili katorga? [Ballet or katorga?]. *Novoe vremya*. 6 December.
4. V.B. (1915) Stepan Er'zya [Stepan Erzia]. *Russkaya illyustratsiya*. 5 June.

6. Гиацинтова С. Сцена жива женщиной // Театральная жизнь. 1960. № 9. С. 13–14.
7. Гоголева Е. На сцене и в жизни. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1989.
8. Григоров С. Балетное искусство и С. В. Федорова 2-я. Опыт. М.: Труд, 1914.
9. Иванов П. [Вяч. Иванов]. Заметки о балете // Театральный курьер. 1918. № 38. 30 окт.
10. Красовская В. М. Павлова. Нижинский. Ваганова. Три балетных повести. М.: Аграф, 1999.
11. Красовская В. М. Русский балетный театр начала XX века: в 2 ч. Ч. 2. Танцовщики. Л.: Искусство, 1972.
12. Л. Наши художники. III. // День. 1915. 27 июля.
13. Левинсон А. «Жизель» // Речь. 1914. 4 нояб.
14. Мамонтов С. В балете. // Русское слово. 1913. 30 апр.
15. Нижинская Б. Ранние воспоминания: в 2 ч. Ч. 2. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1999.
16. Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 102. Оп. 1. Д. 49.
17. Папоров Ю. Н. Великий Эрзя. Признание и трагедия: лит.-док. повесть. Степан Эрзя: биография в документах. Саранск: [Б. и.], 2006.
18. Покой С. В. Федорова-2-я об успехах русского балета за границей. (Из беседы) // Утро России. 1910. 14 июля.
19. Портнова Т. Тема балета в русском изобразительном искусстве конца XIX – начала XX в. (проблемы интерпретации). М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, 1996.
20. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 659. Оп. 3. Д. 3796.
21. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1983. Оп. 1. Д. 11.
22. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2724. Д. 267.
23. Скульптор Эрзя: [кн.-альбом / авт.-сост. М.Н. Баранова, В.С. Ионова]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006.
24. Станиславский К. С. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Искусство, 1954.
25. Степан Дмитриевич Эрзя (1876–2001): Переписка. Статьи о творчестве. Воспоминания. Каталог произведений / сост. В.С. Дворецкая. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001.
26. Суриц Е. А. А. Горский и московский балет // Балетмейстер А.А. Горский. Материалы. Воспоминания. Статьи. Спб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 7–72.
27. Теляковский В.А. Воспоминания. Л.–М.: Искусство, 1965.
28. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 751.
29. Чичерин А.В. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1985.
30. Шик А. Памяти С.В. Федоровой 2-й // Русская мысль. 1963. 4 июня
31. Эбин Ю. Наталья Яковлевна Данько. 1892–1942. М.: Искусство, 1955.
32. Grigoriev S.L. The Diaghilev Ballet. 1909–1929. London: Penguin Books, 1960.
33. Liven P. The Birth of Ballets Russes. Boston; New York: Houghton Mifflin company, 1936.
5. Giatsintova, S. (1985) *S pamyat'yu naedine* [Alone with memory]. Moscow: Iskusstvo.
6. Giatsintova, S. (1960) *Stsena zhiva zhenshchiny* [The stage is alive with a woman on it]. *Teatral'naya zhizn'*. 9. pp. 13–14.
7. Gogoleva, E. (1989) *Na stsene i v zhizni* [On stage and in life]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo.
8. Grigorov, S. (1914) *Baletnoe iskusstvo i S.V. Fedorova 2-ya. Opyt* [Ballet art and S.V. Fedorova II. Experience]. Moscow: Trud.
9. Ivanov, P. [Ivanov, Vyacheslav] (1918) *Zametki o balete* [Notes on ballet]. *Teatral'nyy kur'er*. 38. 30 October.
10. Krasovskaya, V.M. (1999) *Pavlova. Nizhinskiy. Vaganova. Tri baletnykh povesti* [Pavlova. Nizhinsky. Vaganova. Three ballet stories]. Moscow: Agraf.
11. Krasovskaya, V.M. (1972) *Russkiy baletnyy teatr nachala XX veka: v 2 ch.* [Russian ballet theater of the beginning of the 20th century: In 2 parts]. Pt. 2. Leningrad: Iskusstvo.
12. L. (1915) *Nashi khudozhniki. III.* [Our artists]. *Den'*. 27 July.
13. Levinson, A. (1914) "Zhizel" [Giselle]. *Rech'*. 4 November.
14. Mamontov, S. (1913) *V balete* [In the ballet]. *Russkoe slovo*. 30 April.
15. Nizhinskaya, B. (1999) *Rannie vospominaniya: v 2 ch.* [Early memories: In 2 parts]. Pt. 2. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr.
16. Manuscript Department of the State Russian Museum. Fund 102. List 1. File 49.
17. Paporov, Yu.N. (2006) *Velikiy Er'zya. Priznanie i tragediya: lit.-dok. povest'. Stepan Er'zya: biografiya v dokumentakh* [The Great Erzia. Recognition and tragedy: A literary documentary story. Stepan Erzia: biography in documents]. Saransk: [s.n.].
18. Pokoy, S.V. (1910) *Fedorova-2-ya ob uspekhakh russkogo baleta za granitsey. (Iz besedy)* [Fedorova II on the successes of Russian ballet abroad. (From a conversation)]. *Utro Rossii*. 14 July.
19. Portnova, T. (1996) *Tema baleta v russkom izobrazitel'nom iskusstve kontsa XIX – nachala XX v. (problemy interpretatsii)* [Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts]. Moscow: Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts.
20. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 659. List 3. File 3796.
21. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 1983. List 1. File 11.
22. Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 2724. List 1. File 267.
23. Baranova, M.N. & Ionova, V.S. (2006) *Skul'ptor Er'zya* [The Sculptor Erzia]. An Album. Saransk: Mordov. kn. izd-vo.
24. Stanislavskiy, K.S. (1954) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: In 8 vols]. Vol. 7. Moscow: Iskusstvo.
25. Dvoretzkaya, V.S. (2001) *Stepan Dmitrievich Er'zya (1876–2001): Perepiska. Stat'i o tvorchestve. Vospominaniya. Katalog proizvedeniy* [Stepan Erzia (1876–2001): Correspondence. Articles on oeuvre. Memories. Catalog of works]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo.
26. Surits, E. (2000) *A.A. Gorskiy i moskovskiy balet* [A.A. Gorsky and Moscow ballet]. In: Surits, E.Ya. & Belova,

E.P. Baletmeyster A.A. Gorskiy. *Materialy. Vospominaniya. Stat'i* [Choreographer A.A. Gorsky. Materials Memories. Articles]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 7–72.

27. Telyakovskiy, V.A. (1965) *Vospominaniya* [Memoirs]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo.

28. Central State Archive of the Republic of Mordovia. Fund R-1689. List 1. File 751.

29. Chicherin, A.V. (1985) *Sila poeticheskogo slova: Stat'i. Vospominaniya* [The power of the poetic word: Articles. Memories]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

30. Shik, A. (1963) Pamyati S.V. Fedorovoy 2-y [In memory of S.V. Fedorova II]. *Russkaya mysl'*. 4 June.

31. Ebin, Yu. (1955) *Natal'ya Yakovlevna Dan'ko. 1892–1942* [Natalya Danko. 1892–1942]. Moscow: Iskusstvo.

32. Grigoriev, S.L. (1960) *The Diaghilev Ballet. 1909–1929*. London: Penguin Books.

33. Liven, P. (1936) *The Birth of Ballets Russes*. Boston; New York: Houghton Mifflin Company.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Клюева И. В. Балерина Софья Федорова 2-я в русской скульптуре Серебряного века (С. Д. Эрзя, М.Д.Рындзюнская, Н. Я. Данько) / И. В. Клюева // Наследие веков. – 2020. – № 2 – С. 117–130. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.011

Full bibliographic reference to the article:

Klyueva, I. V. (2020) Ballerina Sofia Fedorova II in the Russian Sculpture of the Silver Age (Stepan Erzia, Marina Ryndzyunskaya, Natalya Danko). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 117–130. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.011

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

ЧЕНЦОВА Оксана Валериевна
аспирант кафедры истории и философии образования
факультета педагогического образования
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
Oksana V. CHENTSOVA
Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
okcanaivanova@mail.ru

УДК 069.15:378
ГРНТИ 13.51.07
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.012

Эффективность кооперации музея и вуза в контексте культурно-образовательного процесса

The Effectiveness of Museum and University Cooperation in the Context of the Cultural and Educational Process

Цель исследования – оценка эффективности проходящих на базе музеев занятий для студентов вузов. Материалами явились работы социологов и педагогов, а также данные проведенного автором социологического опроса. Используются методы анкетирования, контент-анализа и интерпретации данных. Изучены опыт проведения и выводы трех исследований, посвященных аналогичным темам; определены эффективные методологические характеристики каждого из исследований; отмечены аспекты, требующие дополнения. Кроме того, автором проведено собственное социологическое исследование в форме опроса студентов с целью оценки эффективности культурно-образовательного сотрудничества музеев и вузов. Все это позволило заключить, что занятия в музее в значительной степени расширяют кругозор студентов, улучшают их способность к осмыслению и анализу различных проблем, развивают навыки работы с информацией, усиливают вовлеченность в педагогический процесс. Такой результат дает основание для расширения программ образовательной коллаборации музеев и вузов.

Ключевые слова: музей, музейная педагогика, кооперация музея и вуза, культурно-образовательный процесс музея, образовательный потенциал музея.

Известно, что в теории культуры и музеологии хорошо изучены социокультурные функции музея. В зависимости от направленности (на создание общественного блага или на работу с посетителем) их разделяют на интровертные и экстравертные. В процессе исторического развития они несколько трансформировались. И сегодня к интровертным относятся следующие функции:

- сохранения (хранительная);
- документирования;
- научно-исследовательская;
- эвристическая;
- охранная;
- информационная [2, с. 15].

К экстравертным:

- гуманистическая;
- имиджево-символическая;
- экономическая.

Здесь важно обратить внимание на первую из названных функций, содержащую важные моменты. В ней активно проявляется эстетическое, реализующееся, в частности, в «формировании культурной среды и ее эстетизации, в которую вписан музей, в эстетизации экспозиционного пространства, в последнее время часто в развлекательном элементе..., который в числе прочего способствует активизации творческого начала в среде посетителей музея, отчасти превращая их из созерцателей в акторов» [4, с. 178].

Что касается институциональных форм высшего образования, то их социокультурные функции тоже можно дифференцировать на внутренние и внешние, но остановимся на первых. Это такие функции, как:

- познавательная;
- трансляционная;
- информационная;
- эвристическая;
- аксиологическая;
- мировоззренческая;
- интегрирующая;
- статусная.

Перечисленные функции могут быть дополнены другими. Но мы не случайно обратились именно к социокультурным функциям музеев и образовательных организаций. Нам хотелось наглядно показать, что у этих древних и известнейших социальных институций есть элементы сходства и различия с точки зрения их роли и значения в общественном развитии. Общность и несходство являются объективными основаниями для их результативного взаимодействия. Социокультурные функции, которые являются идентичными, могут усиливать воздействие при интеграции, а те, которые являются уникальными, могут расширять возможности друг друга. Однако в нашем случае более важно проследить результативность взаимодействия музея и образовательной структуры с позиций не музея, а именно вуза.

Практика ведения культурно-образовательных программ для студенческой аудитории на базе музеев — явление не новое. История музееведения относит возникновение первого учебного музея при университете к 1677 году (Ашмолловский музей искусства и археологии в Оксфорде). Польза от взаимодействия в вопросах воспитания и образования социокультурного и научно-исследовательского потенциала музея очевидна, однако до сих пор не представлены ее результаты в конкретных социологических показателях, которые являются очень важным инструментом транспарации коллаборационных усилий деятельности обоих социальных институтов. Автор статьи поставила цель изучить эффективность проведения занятий для студентов вузов на базе музеев. В процессе исследования были использованы методы анкетирования, контент-анализа и интерпретации данных. Материалами при этом явились работы российских и зарубежных социологов, культурологов и педагогов, а также данные проведенного автором социологического опроса.

Среди наиболее ярких российских работ на эту тему можно выделить исследование С. Л. Троянской развития общекультурной компетентности студентов посредством включения музея в образовательный процесс [3] и исследование Л. М. Авдеевой профессионального воспитания студентов педагогического вуза в условиях университетского музея [1].

Первое проводилось на базе Удмуртского государственного университета за счет включения в учебный план соответствующих направлений авторского спецкурса «Музейная педагогика» на условиях элективности и факультативности их статуса. В ходе реализации данного спецкурса студенты обучались с применением разнообразных организационно-творческих форм учебных занятий непосредственно в пространстве музея – с целью расширения их профессиональных знаний и общения к мировой музейной культуре. Они посещали действующие выставки, музейные экспозиции, экскурсии, виртуальные музеи, самостоятельно проводили экскурсии и т.д.

Общую выборку эксперимента на базе УГУ составили 83 респондента: студенты естественнонаучного направления 3 курса (20 человек), которые обучались по курсу «Педагогика» с включением основных тем спецкурса, а также студенты гуманитарного факультета 3 курса (13 человек), изучавшие полный спецкурс. Результаты обучения этих групп студентов соотносились с результатами контрольной группы студентов 2 курса (50 человек) естественнонаучного направления, обучающихся по типовой программе курса «Педагогика». Автором исследования был разработан опросник, фиксирующий состояние респондентов до проведения экспериментального обучения и после него. Для выявления результативности культурно-образовательного процесса были взяты за основу следующие критерии содержания общекультурной компе-

тентности: когнитивный (приобретение новых знаний по заданному профилю), ценностно-ориентационный (способность эмоционально воспринимать, ценностно присваивать, получать эстетическое удовольствие, высказывать мнение о культурном наследии), коммуникативно-деятельностный (навыки общения с культурными ценностями, способность усваивать и переводить в область самостоятельной деятельности информацию, полученную в музее; активация творческой деятельности).

Исследование обнаружило, что показатели развития общекультурной компетентности приросли в экспериментальной группе студентов естественнонаучного направления на 27%, в группе студентов гуманитарного факультета на 10%, а в контрольной группе на 3,6% — благодаря естественному образовательному процессу вуза по приобретению культурного и коммуникативного опыта.

Несомненным достоинством исследования являются конкретные данные и методология измерения результативности интеграции музея в образовательный процесс вуза. Данное исследование концентрировалось вокруг развития общекультурной компетентности, но не затрагивало измерение прироста общепрофессиональных показателей компетентности студентов. К тому же подобная экспериментальная технология развития общекультурной компетентности студентов едва ли может быть внедрена в учебный план других вузов, особенно тех, которые находятся в многолетнем сотрудничестве с музеями по включению культурно-образовательного пространства музея в процесс освоения профильных предметов.

Исследование Л. М. Авдеевой, проведенное на базе университетского Музея истории УлГПУ им. И. Н. Ульянова Ульяновского государственного педагогического университета, доказало поло-

жительную тенденцию в формировании профессиональной воспитанности студентов педагогического вуза в условиях университетского музея. Под профессиональной воспитанностью автор понимает «конечный результат профессионального воспитания, который проявляется в положительной мотивации к педагогической деятельности, в стремлении к развитию своих педагогических способностей, в знании основ и требований к профессии учителя, во владении необходимыми навыками, способствующими профессиональному росту».

Общую выборку исследования составили 233 студента очной формы обучения: 118 человек входили в экспериментальную группу, 115 студентов — в контрольную. Исследователь зафиксировала начальное состояние развития профессиональной воспитанности в обеих группах студентов с помощью методики К. Замфир в модификации А. А. Реана «Мотивация профессиональной деятельности»; методики В. В. Синявского, В. А. Федорошина «Оценка коммуникативных и организаторских склонностей» (КОС); методики Д. Джонсона «Креативность личности»; методики диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, а также авторского опросника на выявление знаний по истории университета. В соответствии с полученными результатами всех студентов, участвовавших в исследовании, поделили также на группы по уровням профессиональной воспитанности (низкий, средний, допустимый).

Эксперимент длился два года (2014–2016). Студенты экспериментальной группы познакомились с профессионально ориентированным историко-культурным достоянием университетского музея (музейными предметами, коллекциями, экспозициями); были вовлечены в творческую, самостоятельную, интерактивно-развивающую деятельность; взаимодействовали с научными сотрудниками

университетского музея или преподавателем, ориентировавшимся в музейных экспозициях и фондах. Кроме того, для них был организован музейно-педагогический практикум «Воспитавай в себе учителя», предусматривавший проведение мастер-классов выдающимися педагогами УлГПУ им. И. Н. Ульянова, организацию экскурсий, выставок, просмотр и обсуждение видеоматериалов и т.д.

После экспериментального обучения автор повторила замер показателей профессиональной воспитанности. Результаты показали, что количество студентов в экспериментальной группе с высоким и оптимальным уровнем воспитанности возросло на 14%, а с низким — сократилось, соответственно, на 28%. В контрольной группе прирост студентов с высоким уровнем профессиональной воспитанности произошел на 1%, со средним — на 2%, и на 1% сократилось количество студентов с низким уровнем профессиональной воспитанности. В отличие от вышерассмотренного исследования оценивались двойственные показатели: количественный прирост уровня профессиональной воспитанности и количественный переход студентов между группами низкого, среднего и высокого уровня профессиональной воспитанности.

Данное исследование показало пользу культурно-образовательного воздействия университетского музея при включении его в процесс формирования профессиональной воспитанности студентов педагогической специальности, однако не рассматривало результаты возможностей музея для студентов иных специальностей и вне университетского музея, в то время как подобное исследование было бы актуальным для вузов, не держащих в своем образовательном пространстве учебного музея.

Одним из наиболее масштабных и ярких зарубежных исследований, стремящихся измерить эффективность вза-

Рис.1. Результаты открытых вопросов исследования Лестерского университета (Великобритания) и Исследовательского центра музеев и галерей им. Джоселин Додд (RCMG).

имодействия музеев и образовательных учреждений, стало исследование Лестерского университета (Великобритания) и Исследовательского центра музеев и галерей им. Джоселин Додд (RCMG), проходившее с 2003 по 2007 год в Великобритании [5]. Несмотря на то что оно презентует данные о результатах сотрудничества музея и школьников, независимых сообществ, а не студентов, у него интересная методология: синтез количественных и качественных методов исследования. Любопытно и то, что помимо школьников к анкетированию были привлечены их учителя и главы сообществ. Исследование проводилось в 12 национальных музеях, в которых проходили школьные занятия. Общую выборку составили 3579 учителей, глав сообществ и 64 063 школьника — участника сообществ. Помимо прочего в анкете был открытый

вопрос о том, что восхитило в музее больше всего и область, в которой участники исследования могли зарисовать или описать в письменной форме свои ощущения (Рис. 1 и Рис. 2). Эта дуальность в построении методологии исследования дала возможность посмотреть на изучаемый предмет с разных сторон.

Результаты исследования были следующими: 86% учеников наслаждались текущим посещением музея; 85% обнаружили интересные вещи, 83% считали, что музеи — это хорошее место для обучения, отличного от школьного; 71% сказал, что посещение дало им лучшее понимание предмета, 68 — что посещение музея / галереи делает школьную работу более вдохновляющей.

Чтобы оценить эффект от проведения занятий для студентов вузов в рамках

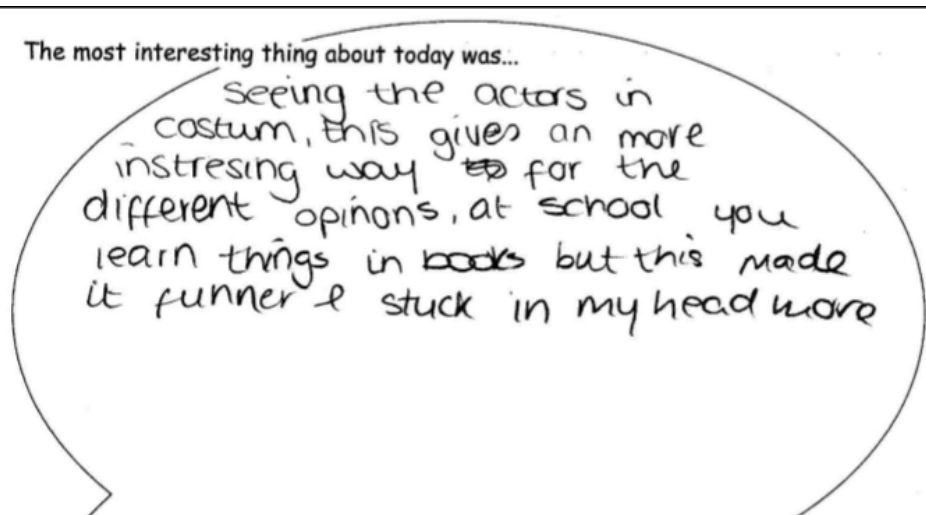

Рис.2 Результаты открытых вопросов исследования Лестерского университета (Великобритания) и Исследовательского центра музеев и галерей им. Джоселин Додд (RCMG).

университетского образования в музеях, автор провела собственное исследование, нацеленное на определение влияния культурно-образовательного пространства музея на формирование общекультурных и профессиональных качеств студентов. Исследование базировалось на изучении опыта некоторых московских вузов. Среди них были лидеры государственного и негосударственного сектора образования на момент проведения эксперимента: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, который, как известно, имеет свой музей, и Международный университет в Москве, который в разное время активно включался во всевозможные коллаборации с известными московскими музеями. Иными словами, условия

эксперимента по площадкам (как вузовским, так и музейным) были различными.

Структурно исследование имело три уровня и три этапа. В данной статье мы опишем первый этап, который состоял в опросе представителей первого уровня — студентов, обучавшихся в момент исследования в музее. Мы представим некоторые его результаты.

Генеральную совокупность исследования на первом этапе представляют студенты вузов, которые проходят обучение на базе музея в рамках образовательного процесса вуза. Выборку исследования составили 165 студентов естественнонаучного и гуманитарного направлений (Таб. 1).

Студентам был предложен модифицированный опросник С. Л. Троянской,

Таблица 1

Характеристики генеральной совокупности студентов, участвовавших в исследовании эффективности кооперации музея и вуза в контексте культурно-образовательного процесса

ВУЗ	<i>МГУ имени М.В. Ломоносова</i>	<i>Международный университет в Москве</i>	
Направление подготовки студентов	05.03.02 - «География»	38.03.02 – «Менеджмент» направленность: «Менеджмент в сфере культуры»	
Курс	1 год обучения	1 год обучения	3 год обучения
Количество студентов	141	12	12
Музей, в котором проходило обучение	Музей Землеведения МГУ имени М.В.Ломоносова	ГМИИ имени А. С. Пушкина, Египетский зал	Музей-квартира А. Б. Гольденвейзера
Дисциплина, по которой проходило обучение	Биогеография и основы экологии	Социодинамика культуры	Введение в арт-менеджмент и туристический бизнес
Тема занятий	Природная зональность	Культура древнего Египта	Современные проблемы в сфере культуры на примере музея-квартиры А.Б. Гольденвейзера

Цель занятий	Систематизация знаний и представлений о флоре и фауне различных природных зон России, а также получение знания о роли и значения биоты в рамках зон растительности	Систематизировать знания, полученные в ходе изучения в университете курса «Культура Древнего Египта», а также расширение знаний по быту и культуре общества этого времени	Знакомство студентов с современными реалиями администрирования в сфере культуры
Формат занятий	Лекция-экскурсия по теме, практикум (студенты заполняли в дневниках таблицу, систематизируя информацию).	Лекция-экскурсия по теме, студент фиксировали информацию в специальных дневниках.	Лекции, на которых был зачитан курс по арт-менеджменту, современным проблемам в этой сфере, а также краткая биография пианиста А. Б. Гольденвейзера.

адаптированный под измерение общекультурных и профессиональных показателей федеральных государственных стандартов высшего образования данных специальностей, фиксирующий состояние студентов до прохождения обучения в музее и после. Стоит отметить, что оба вуза находятся в многолетнем сотрудничестве с вышеуказанными музеями. Каждый показатель измерялся по шкале самооценки от 0 до 10 баллов (по силе проявления). Кроме того, во второй части анкеты содержались закрытые и открытые вопросы, позволяющие оценить вовлеченность в культурно-образовательный процесс, результативность по запоминанию и освоению информации и пр. Таким образом фиксировалось изменение состояния студента после обучения.

Результаты показали положительную тенденцию в изменении показателей общекультурных и профессиональных качеств, результативности обучения студентов. 87,3% студентов отметили, что музей оказал влияние на осведомленность в широком круге проблем по их специальности, т.е. на расширение кругозора. Около 70%

студентов выразили позицию, что музей помогает улучшить способность к осмыслению и анализу проблем, связанных с их специальностью. Примерно у 82% студентов данное обучение повлияло на совершенствование способности работать с информацией, полученной в музее (в том числе через экспонаты): воспринимать ее, оценивать и сопоставлять, перерабатывать, использовать в учебном процессе и будущей практической деятельности.

Контент-анализ открытых вопросов выявил, что большую, по сравнению с аудиторными занятиями, вовлеченность в педагогический процесс ощутил 81% студентов.

В целом исследование показало, что музей оказывает значительное влияние на приобретение конкретных знаний, умений, навыков по специальности и их усвоение. А это, безусловно, подчеркивает важность сотрудничества вузов с музеями в контексте культурно-образовательного процесса.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что пространство музея, его социокультурная атмосфера, научно-ин-

формационный потенциал трансформируют и усиливают восприятие студентами общекультурной и профессиональной информации в пространстве музея. Во многом это происходит за счет смены впечатлений от культурно-образовательного пространства, так как традиционные занятия в учебных аудиториях существенно отличаются от выездных занятий в музеях. В то же время живой интерес студентов к музейному

пространству во время аудиторных занятий на его базе свидетельствует о возможности расширения аудитории музеев и ее качественного погружения в процесс освоения экспозиций за счет расширения конвергентных программ вузами. Таким образом, проведенное исследование демонстрирует результативность взаимовыгодного сотрудничества музеев и вузов языком конкретных статистических показателей.

Oksana V. CHENTSOVA

Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
okcanaivanova@mail.ru

***The Effectiveness of Museum and University Cooperation
in the Context of the Cultural and Educational Process***

Abstract. The aim of the study is to evaluate the effectiveness of conducting classes for university students held in museums. The materials for the study were the works of Russian and foreign educators and sociologists, as well as data from a sociological survey of students conducted by the author. The research methodological tools were the questionnaire method, content analysis, as well as data analysis and interpretation methods. The questionnaire developed for research purposes is based on the methodology of S. L. Troyanskaya and is adapted to measure general cultural and professional indicators of federal state standards of higher education. The experience and conclusions of three studies on similar topics are analyzed: research by S.L. Troyanskaya (development of the general cultural competence of students through the inclusion of the museum in the educational process); research by L.M. Avdeeva (professional education of students of a pedagogical university in a university museum), and research at Leicester University (Great Britain) and the Research Centre for Museums and Galleries (identifying museum and school collaboration results). Effective methodological characteristics of each of the studies are identified, and a number of aspects requiring additions are noted. Based on preliminary theoretical research, the author conducted her own sociological study in order to assess the effectiveness of cultural and educational cooperation between museums and universities. In the course of this study, a survey was conducted among students of Lomonosov Moscow State University and the International University in Moscow, whose classes were held in the museum. Students majored in the areas of natural science and the humanities. The questions in the questionnaire recorded the students' states before and after learning in the museum. Most students noted that the results of classes in the museum broadened their horizons, improved their ability to comprehend and analyze problems, skills in working with information (perception, assessment, comparison, and use in the educational process and future practical activities). Approximately 80% of the students surveyed noted their greater involvement in the pedagogical process compared to classroom activities. The results of the study indicate that the space of the museum, its sociocultural atmosphere, scientific and informational potential transform and enhance students' perceptions of general cultural and professional information. This provides the basis for expanding programs of mutually beneficial cooperation between museums and universities.

Keywords: museum, museum pedagogy, cooperation between museum and university, cultural and educational process of museum, educational potential of museum.

Использованная литература:

1. Авдеева Л. М. Профессиональное воспитание студентов педагогического вуза в условиях университетского музея: автореф. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2018.
2. Долгин А. Капитализация сакрального // Музей и личность. М.: б.и., 2007. С. 15–28.
3. Троянская С.Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности. Ижевск: Научная книга, 2007.
4. Хангельдиева И.Г. Современный музей в условиях конкурентной среды: трансформация функций и принципов деятельности // *Aesthetica Universalis*. 2019. № 3 (7). С. 176–193.
5. The Generic Learning Outcomes Measuring Learning Impact in Museums [Electronic resource] // Research Centre for Museums and Galleries (RCMG) and University of Leicester. URL: <https://le.ac.uk/~media/uol/docs/research-centres/rcmg/publications/glos-measuring-learning-impact-in-museums.pdf?la=en> (дата обращения: 15.03.2020).

References:

1. Avdeeva, L.M. (2018) *Professional'noe vospitanie studentov pedagogicheskogo vuza v usloviyakh universitetskogo muzeya* [Professional education of students of a pedagogical university in a university museum]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Ulyanovsk.
2. Dolgin, A. (2007) Kapitalizatsiya sakral'nogo [Capitalization of the sacred]. In: Lebedev, A.V. (ed.) *Muzey i lichnost'* [Museum and person]. Moscow: [s.n.]. pp. 15–28.
3. Troyanskaya, S.L. (2007) *Muzeynaya pedagogika i ee obrazovatel'nye vozmozhnosti v razvitii obshchekul'turnoy kompetentnosti* [Museum pedagogy and its educational opportunities in the development of general cultural competence]. Izhevsk: Nauchnaya kniga.
4. Khangel'dieva, I.G. (2019) Modern museum in the conditions of competitive environment: Transformation of functions and principles of activity. *Aesthetica Universalis*. 3 (7). pp. 176–193. (In Russian).
5. Research Centre for Museums and Galleries (RCMG) and University of Leicester. (n.d.) *The Generic Learning Outcomes Measuring Learning Impact in Museums*. [Online] Available from: <https://le.ac.uk/~media/uol/docs/research-centres/rcmg/publications/glos-measuring-learning-impact-in-museums.pdf?la=en>. (Accessed: 15.03.2020).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ченцова С. В. Эффективность кооперации музея и вуза в контексте культурно-образовательного процесса / С. В. Ченцова // *Наследие веков*. – 2020. – № 2 – С. 131–139. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.012

Full bibliographic reference to the article:

Chentsova, S. V. (2020) The Effectiveness of Museum and University Cooperation in the Context of the Cultural and Educational Process. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 131–139. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.012

САРКИСОВ Вячеслав Александрович
кандидат культурологии, доцент кафедры истории,
культурологии и музееведения
Краснодарского государственного института культуры,
Краснодар, Российская Федерация
Vyacheslav A. SARKISOV
Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russian Federation,
dekan-fndo@yandex.ru

УДК 069:7(1-35)
ГРНТИ 13.51.07
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.013

Региональный художественный музей как субъект социальной коммуникации

The Regional Art Museum as a Subject of Social Communication

Цель настоящей статьи – выявление сущности субъектности регионального художественного музея через рассмотрение его как универсального культурного феномена, проявляющего универсальные общеродовые признаки в различных социокультурных условиях. Исследование выполнено на материалах российских и зарубежных исследований в сфере культурологии, истории и социологии. Автором применены деятельностный, структурно-функциональный и семиотический подходы. Выявлены элементы, составляющие субъектность регионального художественного музея: музейные коллекции, штат сотрудников, совокупность посетителей, уникальность музея, его участие в культурной политике, реконструкция программирующих свойств культуры на глобальном, национальном и региональном уровнях коммуникативного взаимодействия. Изучение обозначенной темы позволяет сделать вывод о том, что сущность субъектности регионального художественного музея состоит в осуществлении социальных инвестиций в доступной только ему форме усиления ценности сохраняемого им культурного наследия региона.

Ключевые слова: культура, культурная жизнь, культурная политика, художественный музей, региональный музей, социальный дискурс, региональная политика, медиация, субъектность.

Основной стратегический документ России, определяющий культурную политику на период до 2030 г., декларирует многообразие субъектов ее реализации: «В Российской Федерации (в отличие от советской модели

культурной политики, в которой государство являлось ключевым и часто единственным субъектом культурной политики) существует закрепленное нормами права многообразие субъектов культурной политики» [9]. Регио-

нальные художественные музеи, согласно документу, выполняют двоякую функцию: с одной стороны, они остаются одним из механизмов госполитики, объектом управления, с другой — ее активным субъектом, институтом, своей деятельностью наполняющим госполитику реальным ценностным и смысловым содержанием. Зависимость эффективности госполитики от активности ее отдельных субъектов представляется очевидной. Но в чем именно проявляется субъектность регионального художественного музея — остается пока дискуссионным вопросом (и серьезной методологической и организационной проблемой).

Доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социологии российского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» И. А. Климов правомерно отмечает: «Разговор о субъекте действия — это всегда ответ на вопрос: „С кем имею дело?“» [6, с. 92.]. Иными словами, определение субъектности регионального художественного музея отвечает на вопрос: с кем имеет дело, с одной стороны, государство, как актер и руководитель стратегического развития общества, а с другой — посетитель музея, рядовой гражданин, представитель развиваемого общества? Что такое региональный художественный музей сегодня?

Несмотря на большой объем литературы, освещающей специфику художественного музея с акцентом на его непосредственную привязку к конкретному региону, в плане определения понятия регионального художественного музея, его возможных целей и функций в обществе у теоретиков нет единого мнения.

Объект данного исследования — социокультурная деятельность регионального художественного музея. Естественно, весь объем научной литературы по теме осветить в рамках одной статьи не представляется возможным. Выборка в данном случае осуществлялась по критерию оппозиции мнений и поиска методологического инструментария для раскрытия субъектности регионального художественного музея. Такой подход позволяет заключить, имеем мы дело с некоторым универсальным культурным феноменом, проявляющим в различных социокультурных ус-

ловиях универсальные общеродовые признаки, или уникальность каждого музея и форм организации его деятельности не позволяет подобного обобщения.

Предмет исследования — субъектность регионального художественного музея.

Любой музей осуществляет некоторую деятельность, если, конечно, она не ограничена внешними условиями непреодолимого характера, такими, которые влекут дезорганизацию и ликвидацию музея как института культурной жизни общества [7]. Целерациональную деятельность характеризует культурная универсалия — атрибутивный признак «результативного целерационального действия» (успех или успешность) [2, с. 10]. Предельное состояние музея как института культурной жизни региона обнаруживается в социальных условиях, ограничивающих культурную жизнь: резкие изменения в социальной структуре общества, в экономике и политической системе [3; 4; 10] или же ценностная трансформация регионального художественного музея в досуговое учреждение иной сферы культурной жизни [12]. В первом случае успешность музея ограничивается выживанием, сохранением коллекций как безусловной ценности перспективного характера. Во втором — музей лишается безусловной ценности коллекций, когда их потенциал ограничивается прагматическим сиюминутным интересом.

По мысли Д. С. Лихачева, ценность культурного наследия составляет не само его наличие или сохранность, а включенность в социальную жизнь [8]. Только интеграция наследия в социальные связи актуализирует его свойства, программирующие текущие и перспективные тенденции социального развития, воссоздает и реконструирует культуру как механизм, определяющий перспективный вектор развития общества [5]. Данная установка определяет универсальную сущность музея, которая состоит не только в сохранении коллекций, но подразумевает осуществление многогранной просветительской и социокультурной деятельности, связанной с актуализацией ценности коллекций в социальной жизни. Как только музей прекращает такую работу, ценность объектов хранения снижается и музей в целом превращается в не-

кую антикварную безделицу, иметь которую, может, и престижно, но не обязательно.

Если так, то субъектность музея составляет не только его коллектив и объекты хранения, но и посетители. Чем больше людей посещает музей в просветительских и образовательных целях, чем выше качество таких посещений, определяемое уровнем проникновения посетителей в историко-культурное и эстетическое содержание коллекций, тем выше субъектность музея. Эта корреляция указывает на универсальные общеродовые признаки субъектности музея, но, безусловно, у каждого музея есть и его уникальность, неповторимая самобытность, выделяющая его во всем многообразии музеев мира. Уникальность музея лежит в основании его субъектности, за этой уникальностью и приходит посетитель. В музей, не имеющий уникальности, посетитель не придет, как его ни заманивай, а следовательно, исчезнет одна из важнейших универсальных составляющих субъектности.

Универсальные общеродовые признаки субъектности музея указывают на его особое положение в системе социокультурных институтов и учреждений. Его деятельность не может быть полностью редуцирована к национальной или региональной культурной политике в силу открытого характера потенциальной ценности музейных коллекций. Ценность экспоната определяется, в том числе, и его включенностью в совокупность шедевров мировой художественной культуры. Региональная и национальная культурная политика образуют своего рода горизонталь реализации субъектности художественного музея, а история мировой культуры и общемировые культурные процессы, их тенденции составляют подобие вертикальной связи музейного экспоната с совокупностью объектов мировой художественной культуры. Следовательно, участием в реализации национальной или региональной культурной политики субъектность музея не ограничивается.

Любой музей, осуществляющий деятельность по популяризации своих коллекций, одновременно включен в культурную жизнь региона, страны и мира в целом. Здесь следует указать, что намеренное или ненамеренное недалёковидное ограничение субъектности

музея концентрацией внимания на обслуживании сугубо интересов конкретного региона, исключаящее его интеграцию в культурную жизнь более широкого масштаба, резко снижает социокультурную ценность его коллекций. Подобная самоизоляция подрывает субъектность музея так же основательно, как сокращение коллекций или ограничение социокультурной деятельности. Понимание же того, что пропаганда региональным художественным музеем на национальном и международном уровне культуры региона составляет одну из важнейших комплексных задач и, напротив, подчеркивает преимущество регионального музея перед национальным. Содержанием регионального художественного музея в комплексе коллекций является уникальная региональная культура, которая всегда остается актуальной в мировой культурной жизни [11]. Миф о средоточии ресурсной базы в отдельных национальных музеях страны в ущерб региональным рассеивается, как только под ресурсом начинает пониматься именно уникальность художественного содержания коллекций музея, а не финансовые источники или материальная база. Исследование региональной культуры, постоянное пополнение коллекций, ее отражающих, и их пропаганда на всех уровнях культурной жизни — комплексная задача регионального художественного музея, решение которой позволяет ему позиционировать себя в качестве субъекта мировой культуры. И тогда финансовые и организационные ресурсы крупных национальных музеев могут быть подчинены задачам конкретного регионального музея. Тогда он становится не забытым островком местной культуры, а частью общенациональных и мировых культурных процессов, участвует в них и непосредственно влияет на текущие и перспективные тенденции социокультурного развития.

Исследуя социокультурный процесс символизации успеха на примере современного кинематографа, кубанский культуролог Г. В. Бакуменко обращает внимание на то, что марксистская процедурная схема деятельности в интерпретации Г. П. Щедровицкого [1] позволяет указать функцию символов успеха деятельности в онтогенетическом меха-

низме культуры [2, с. 14]. Она складывается в социальной коммуникации и является обязательным ее результатом, обеспечивающим продуктивность целерациональной деятельности. Г. В. Бакуменко увязывает теорию конструктивной напряженности дуальных оппозиций А. С. Ахиезера в рамках диалогической концепции культуры (М. М. Бахтин, В. С. Библиер и др.) с теорией социального поля П. Бурдьё, концепцией диалектического напряжения социальной коммуникации Р. Т. Крейга и теорией самоописания семиотических систем Ю. М. Лотмана [2]. Благодаря этому сложному методологическому комплексу в пределах культурологического междисциплинарного подхода наблюдается прагматическая сторона социокультурного процесса символизации успеха, в котором так или иначе обязательно участвует любой субъект социальной коммуникации.

И региональный художественный музей в этом смысле не исключение, он обеспечивает коммуникативную взаимосвязь поколений посредством включения в нее результатов художественного творчества и искусства. Участие в социальном дискурсе поколений является областью социокультурной деятельности любого музея. Региональный же аспект связан с организацией посредством экспонирования результатов художественного творчества и искусства межкультурной коммуникации региона с более широким культурным пространством, включая исторический аспект мировой художественной культуры. При этом музей — не пассивный коммуникационный канал, а субъект, организующий собственное метакоммуникативное пространство, в котором происходит реконструкция культурных смыслов и разрешение диалектического напряжения коммуникации (Р. Т. Крейг). Музей выступает медиатором (А. С. Ахиезер) социального дискурса, медиационно разрешая конструктивную напряженность традиции и новации. Успешность деятельности регионального художественного музея как субъекта социальной коммуникации зависит от качества организации им собственного пространства метадискурса, содействуя развитию самоописания семиотических систем (Ю. М. Лотман). Так же, как кинематограф уча-

ствует в развитии смыслов значимых единиц языка, региональный художественный музей организует вокруг себя собственное дискурсивное и метадискурсивное поля, влияющие на различные аспекты социальной и межкультурной коммуникации.

Субъектность музея, таким образом, состоит и в том, что он активно реконструирует программирующие свойства культуры на трех уровнях коммуникативного взаимодействия: глобальном, национальном и региональном. Подчеркнем активную роль регионального художественного музея. Он не просто обслуживает как некий механизм интересы национальных и региональных субъектов культурной политики. Посредством ценностной дифференциации результатов художественного творчества и искусства, посредством помещения культурного наследия в актуальные аспекты социального дискурса он реализует ресурсный потенциал собственных коллекций, осуществляет социальные инвестиции в доступной только ему форме усиления ценности сохраняемого им наследия.

Имидж регионального художественного музея, его социальная успешность напрямую зависят от уровня его субъектности, от степени эффективности целенаправленной и целерациональной деятельности по популяризации региональной художественной культуры и позиционирования ее в пространстве мировой культуры.

Итак, отвечая на вопрос, сформулированный в начале статьи, можно резюмировать, что и государство, как актер и руководитель стратегического развития общества, и посетитель музея, рядовой гражданин, представитель развиваемого общества, в лице регионального художественного музея имеют дело с коллективным субъектом социальной и межкультурной коммуникации, активно участвующим в социокультурном процессе символизации успеха, организующим собственное метакоммуникативное пространство, в котором происходит реконструкция культурных смыслов и разрешение диалектического напряжения коммуникации путем медиации социального дискурса, медиационного разрешения конструктивной напряженности традиции и новации.

Сущность субъектности регионально-художественного музея, таким образом, заключается в том, что он осуществляет социальные инвестиции в доступной только ему форме усиления ценности сохраняемого им культурного наследия региона. Конечно же, региональная и национальная культурная политика нормативно-стратегически регламентирует социокультурную деятель-

ность регионального художественного музея, но не ограничивает его субъектность в социальной коммуникации и деятельности. Законодательно-нормативная база и стратегические документы социального развития — своего рода правила игры, а региональный художественный музей — не мяч, а активный игрок, форвард, задача которого — сделать игру результативной.

Vyacheslav A. SARKISOV

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russian Federation,
dekan-fndo@yandex.ru

***The Regional Art Museum
as a Subject of Social Communication***

Abstract. The aim of the study is to identify the essence of the subjectivity of the regional art museum by considering it as a universal cultural phenomenon that manifests universal common generic characters in various sociocultural conditions. The study is based on materials from Russian and foreign studies in the field of cultural studies, history, and sociology. The methodological basis was the activity, structural-functional, and semiotic approaches. The author explores the ultimate state of the museum in the system of cultural life, indicating that in any social conditions its essence consists not only in the preservation of collections, but also in their actualization through educational and sociocultural activities. The totality of museum visitors is interpreted as one of the components of its subjectivity, along with collections and staff. The number of visitors depends on the uniqueness of the museum, which is also an integral part of subjectivity. It is determined that the activities of the museum cannot be fully tied to the goals and objectives of cultural policy, since museum collections potentially have a comprehensive value. Participation in cultural policy therefore acts only as an element constituting the subjectivity of the museum. The author indicates that an important task of the work of the regional art museum is to popularize the culture of the region at the national and global levels, realizing which, such a museum becomes the subject of world culture. It is emphasized that the museum provides a communicative connection between generations, while acting as a subject organizing its own metacommunicative space. In this space, cultural meanings are reconstructed and the dialectical tension of communication is allowed. It has been established that the museum realizes the resource potential of its collections through value differentiation of the results of artistic creation and art, as well as by placing cultural heritage in relevant aspects of social discourse. The author concludes that the essence of the subjectivity of the regional art museum consists in making social investments in the form (accessible exclusively to this institution) of strengthening the value of the cultural heritage of the region that it preserves. Regional and national cultural policies normatively and strategically regulate the sociocultural activities of the regional art museum, but do not limit its subjectivity in social communication and activities. At the same time, the subjectivity of the museum largely determines its image and social success.

Keywords: culture, cultural life, cultural policy, art museum, regional museum, social discourse, regional policy, mediation, subjectivity.

Использованная литература:

1. Бакуменко Г.В. Персоноцентризм и социоцентризм как маркеры символизации успеха в художественной реальности фильмов кинопроката США // *Культура и искусство*. 2019. № 4. С. 1–8. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.4.29419
2. Бакуменко Г.В. Символизация успеха в современном кинематографе: автореф.... канд. культурологии Краснодар, 2019.
3. Еремеева А.Н., Коваленко Т.В. Провинциальные музеи в условиях революции и гражданской войны // *Культурное наследие России*. 2017. № 2. С. 58–63.
4. Еремеева А.Н., Крюков А.В. Сохранение и трансляция культурного наследия в условиях революции и Гражданской войны (по материалам Юга России) // *Вопросы культурологии*. 2015. № 7. С. 6–11.
5. Запесоцкий А.С. Дмитрий Лихачев: у истоков отечественной культурологии // *Контуры будущего в контексте мирового культурного развития XVIII Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, 17-19 мая 2018 г.)* / ред. А. С. Запесоцкий. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т профсоюзов, 2018. С. 251–255.
6. Климов И.А. В поисках субъекта действия // *Социальная реальность*. 2006. № 12. С. 92–97.
7. Коваленко Т.В. Культурная жизнь регионов юга России: институты, практики и пути формирования единого культурного пространства // *Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия (Дербент, 29-30 апреля 2016 г.)*. Дербент: Крепость, 2016. С. 66–84.
8. Лихачев Д.С. Экология культуры // *Экология и жизнь*. 2012. № 6. С. 37–39.
9. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/> (дата обращения 26.03.2020).
10. Abt J. *Valuing Detroit's Art Museum: A History of Fiscal Abandonment and Rescue*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
11. Congdon K.G., Hallmark K.K. *American Folk Art: A Regional Reference*: in 2 vol. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2012.
12. Franklin A., Papastergiadis N. Engaging with the anti-museum? Visitors to the Museum of Old and New Art // *Journal of Sociology*. 2017. N. 53(3). P. 670–686. DOI:10.1177/1440783317712866

References:

1. Bakumenko, G.V. (2019) Personotsentrizm i sotsiotsentrizm kak markery simvolizatsii uspekha v khudozhestvennoy real'nosti fil'mov kinoprokata SShA [Personocentrism and sociocentrism as markers of symbolizing success in the artistic reality of film distribution in the USA]. *Kul'tura i iskusstvo*. 4. pp. 1–8. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.4.29419
2. Bakumenko, G.V. (2019) *Simvolizatsiya uspekha v sovremennom kinematografe* [Symbolization of success in modern cinema]. Abstract of Culturology Can. Diss. Krasnodar.
3. Eremeeva, A.N. & Kovalenko, T.V. (2017) Provincial Museums in the Conditions of the Revolution and Civil War. *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural Heritage of Russia*. 2. pp. 58–63. (In Russian).
4. Eremeeva, A.N. & Kryukov, A.V. (2015) The preservation and transmission of cultural heritage during the Revolution and the Civil War (based on the South of Russia materials). *Voprosy kul'turologii*. 7. pp. 6–11. (In Russian).
5. Zapesotskiy, A.S. (2018) [Dmitry Likhachev: At the origins of Russian cultural science]. *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya. XVIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [Outlines of the future in the context of world cultural development. XVIII International Likhachev Scientific Readings]. Conference Proceedings. Saint Peterburg. 17–19 May 2018. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. pp. 251–255. (In Russian).
6. Klimov, I.A. (2006) V poiskakh sub'ekta deystviya [In search of the subject of action]. *Sotsial'naya real'nost'*. 12. pp. 92–97.
7. Kovalenko, T.V. (2016) [The cultural life of the regions of the south of Russia: Institutions, practices, and ways of forming a single cultural space]. *Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya* [Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony]. Conference Proceedings. Dербent. 29–30 April 2016. Dербent: Krepost'. pp. 66–84. (In Russian).
8. Likhachev, D.S. (2012) Ekologiya kul'tury [Ecology of culture]. *Ekologiya i zhizn'*. 6. pp. 37–39.
9. Garant.ru. (2016) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 fevralya 2016 g. № 326-r* [Order of the Government of the Russian Federation No. 326-r of February 29, 2016]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/>. (Accessed: 26.03.2020).
10. Abt, J. (2018) *Valuing Detroit's Art Museum: A History of Fiscal Abandonment and Rescue*. Cham: Palgrave Macmillan.
11. Congdon, K.G. & Hallmark, K.K. (2012) *American Folk Art: A Regional Reference*: in 2 vols. Santa Barbara: ABC-CLIO.
12. Franklin, A. & Papastergiadis, N. (2017) Engaging with the anti-museum? Visitors to the Museum of Old and New Art. *Journal of Sociology*. 53 (3). pp. 670–686. DOI: 10.1177/1440783317712866

Полная библиографическая ссылка на статью:

Саркисов В. А. Региональный художественный музей как субъект социальной коммуникации / В. А. Саркисов // *Наследие веков*. – 2020. – № 2 – С. 140–145. DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.013

Full bibliographic reference to the article:

Sarkisov V. A. (2020) The Regional Art Museum as a Subject of Social Communication. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 140–145. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.22.2.013

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 2 (22)
2020

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использован фрагмент цифровой копии картины В. К. Дмитриевского "В день Победы" (1982). Холст, масло.

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура текстов статей:

О. О. Карслидис

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

О. О. Карслидис, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 30.06.2020

Размещен в сети Интернет: 30.06.2020

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 16,98

Уч.-изд. л.: 12,95

Размер файла: 18,8 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»